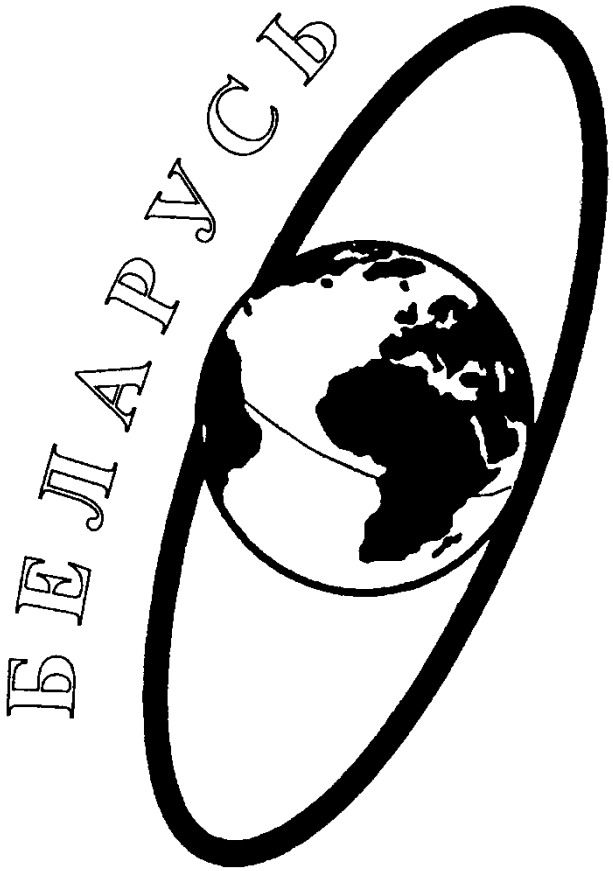
ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 2 (117) / 2022



Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:
Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2022

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В е с т н и к
Минского государственного лингвистического университета

Серия 1 **ФИЛОЛОГИЯ**

Научно-теоретический журнал

Выходит один раз в два месяца

№ 2 (117), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

Аникеева Т. В. Типология языковых средств выражения межтекстовых связей современного художественного текста 7
Дорофеенко М. Л. Конвергентный подход к ономастической терминологии в сфере внутрипоселенческих названий 14
Дубасова А. В. «Выживаемость» первичных латышских глаголов: пилотное диахроническое исследование 22
Сытько А. В. Темпоральные характеристики деонтических конструкций (на материале немецкого и русского языков) 30
Цеханович И. Г. Стратегии лексикографического описания семантики лексических единиц (на материале зоонимов краудсорсинговых онлайн-словарей) 42
Шкель В. Б. Синонимия анатомических терминов английского и белорусского языков (на материале остеонимов) 52

Романское и германское языкознание

Dubovskaya T. A. National-kulturelle Markierung vom belarussischen Vers libre des 20. – Frühen 21. Jahrhunderts 60
Клинцова А. А. Семантические функции именных групп в безличных предложениях с предикатами эмоционального состояния 68
Куценко Н. В. Способы выражения положительной реакции в процессе реализации косвенных побуждений смягченного типа 77
Лисова А. Б. Интенсификация в реализации некооперативных стратегий в политическом диалоге (на материале испанского языка) 85
Петракова Ю. И. Внутрикатегориальная номинация как ключевое ономасиологическое задание деривационных процессов 91

Литературоведение

Большунова И. И. Атрибутивные соматические карты
героев прозы В. М. Шукшина 99
Кісліцына Г. М. “Не менее ў сэрцы адвагі…”: праблема
эстэтычнага абнаўлення ў творчасці Міхася Стральцова 106
Pan Gaojin. The Concept of Symbol/Sign in the Works
of S. T. Coleridge and T. S. Eliot 114

MINISTRY OF EDUCATION
REPUBLIC OF BELARUS

Minsk State Linguistic University Bulletin

Theoretical-scientific journal

Published once per two months

Series 1 **PHILOLOGY**

№ 2 (117), 2022

CONTENTS

General and Typological Linguistics

Anikeyeva T. V. Linguistic Means of Inter-Textual Relations in Modern Literary Texts and Their Typology 7
Darafeyenka M. Convergent Approach to Onomastic Terminology in the Sphere of Intrasettlement Names 14
Dubasava A. "Vitality" of Primary Latvian Verbs: a Pilot Diachronic Study 22
Sytko A. W. Temporal Characteristics of Deontic Structures (Based on the German and Russian Languages)..... 30
Tsekhanovich I. The Strategies of Lexicographic Description of the Semantics of Lexical Units (on the Data of Zoonyms in Crowdsourced Online Dictionaries)..... 42
Shkel V. B. Synonyms of Anatomical Terms in the English and Belarusian Languages (Based on Osteonyms) 52

Romance and Germanic Linguistics

Dubovskaya T. A. National and Cultural Markedness of the Belarusian Vers Libre of the 20th – Early 21st Centuries..... 60
Klintsova A. Semantic Functions of Noun Groups in Impersonal Sentences with the Predicates of Emotional State 68
Kutsenko N. V. Means of Expressing Positive Reactions when Realizing Softened-Type Indirect Orders 77
Lisova A. B. Intensification in Implementing Non-Cooperative Strategies in Political Dialogue (on the Material of the Spanish Language)..... 85
Petrakova J. Intracategorical Naming as Crucial Onomasiological Task of Derivational Processes 91

Studies in Literary

Bolshunova I. I. Attributive Somatic Charts of V. M. Shukshin's Prose Heroes 99
Kislitsyna A. N. "The Courage of the Heart Does Not Wane...": The Problem of Aesthetic Renewal in the Work of Mikhaś Straĺtsou 106
Pan Gaojin. The Concept of Symbol/Sign in the Works of S. T. Coleridge and T. S. Eliot 114

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81’42

Аникеева Татьяна Владимировна
аспирант кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Anikeyeva
PhD Student of the Department
of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tatsiana.anikeyeva@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LINGUISTIC MEANS OF INTER-TEXTUAL RELATIONS IN MODERN LITERARY TEXTS AND THEIR TYPOLOGY

В статье рассматриваются особенности построения типологии языковых средств выражения межтекстовых связей современного художественного текста, в качестве которых выступают прецедентные феномены. Исследование прецедентных феноменов осуществляется при помощи комплексного учета факторов формальной, семантической и функциональной сторон реализации прецедента. Устанавливаются типы пропозициональной языковой репрезентации прецедентных феноменов, определяются основания для отражения номинативного потенциала прецедентных языковых средств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *языковые средства выражения межтекстовых связей*; *прецедентный феномен*; *типология прецедентных феноменов*; *интерпретационный контекст*; *представление*; *аспектуализация*.

The article analyses precedent phenomena as linguistic means of inter-textual relations. It sheds light on the main peculiarities of their typology and suggests an approach to classify the given phenomena with regard to nomination and proposition. Propositional types of precedent phenomena are established and nominative potential of corresponding linguistic means is estimated.

K e y w o r d s: *linguistic means of inter-textual relations*; *precedent phenomenon*; *precedent phenomena types*; *interpretation context*; *linguistic image*; *aspectualization.*

Современные исследования, посвященные специфике репрезентации структурно-семантических особенностей средств выражения межтекстовых связей, под которыми понимаются прецедентные феномены, направлены на установление классификационных параметров, с опорой на которые осуществляется выделение текстовых способов реализации прецедентных феноменов. Под средствами выражения межтекстовых связей традиционно понимается широкий спектр языковых форм, осуществляющих репрезентацию вертикальных связей феномена и путей апелляции к ним в определенном лингвокультурном сообществе [1, с. 176]. В данном исследовании под средствами выражения межтекстовых связей понимаются прецедентные

феномены, предстающие как разнотипные структуры, отражающие спектр культурно обусловленных знаний лингвокультурной общности и внеязыковую действительность [2, с. 216].

Проблема отграничения прецедентных феноменов от окружающего текстового пространства и выделения основных языковых способов апелляции к сферам-источникам заимствования до сих пор представляется актуальной для пространства реализации художественного текста в силу дискретности и разнородности способов его структурирования. Типология прецедентных феноменов воспринимается как результат исследования языковых средств, предполагающий поиск сходных или общих черт и организацию средств выражения межтекстовых связей в группировки с учетом данной близости [3, с. 14]. Несмотря на то, что современное текстовое пространство ориентировано на точечность внедрения прецедентов как фрагментов инотекста, оно требует выявления дополнительных параметров репрезентации прецедентного феномена и установления типов его взаимодействия с синтагматически значимым контекстом, что предопределяет актуальность статьи.

Разнотипность реализации прецедентного феномена связана со спектром факторов, отражающих сложную референциальную и онтологическую природу исследуемого феномена. Современное состояние семиотики как науки о знаках и знаковых системах указывает на факт сегментации семиотического континуума, гетерогенной непрерывности и знака как фрагмента специфичного представления объемного содержания инотекстовых фрагментов. Данное положение транслируется как потенциальная или реализуемая возможность сегментации разнопорядковых знаковых образований, а также их внедрения в пространство современного художественного текста. Широко распространенным способом типологизации прецедентных феноменов на сегодняшний момент выступает тематическое деление единиц по признаку принадлежности к отдельным сферам-источникам. Указанный способ типологизации феноменов направлен на установление источника заимствований и не позволяет в полной мере раскрыть семантическую специфику заимствования и вертикализации феноменов инотекста. Пространство современного художественного текста репрезентировано и теми феноменами, которые особым образом формируют парадигматическую связь. Таким образом, представляется целесообразным многоаспектное исследование прецедентных феноменов и их систематизация с опорой на важнейшие формообразующие и содержательные факторы прецедентного феномена.

Особый характер прецедента как явления текстовой репрезентации совокупности общекультурных и денотативно соотносимых с языковой формой единиц проявляется в возможности установления его отношений с иными типами лингвистических и культурно-семиотических единиц. Например, в рамках одной из концепций широко используется понятие символа для индексального указания на более крупный семиотико-культурный фрагмент знания [4, с. 86]. Значимым для определения прецедента как единицы лингвокультуры является возможность ее отождествления с символом как местом

памяти [5, с. 17] и местом сигнификативного ресурса, где номинативность единиц мотивирована текстом, соотносящим его со сферой-источником, в частности, его текстовой репрезентацией [6]. Одним из основных параметров характеризации способа отражения прецедентного феномена является учет степени дискретности образа, в результате чего исследуемые единицы могут быть определены как кумулятивные и дискретные. В основе дискретности данных единиц лежит концепция рассмотрения прецедентного феномена как языкового символа. Образность прецедентного феномена как символа проявляется в возможности его представления в качестве непрямого средства номинации и возможности апелляции к символу, выступающему как многослойное и симультанное образование [7, с. 153]. Оба параметра классификации не являются жестко противопоставленными, поскольку в имени изначально репрезентирован потенциал сигнификативной реализации, а пропозиция, развертываемая в тексте как устойчивая узуальная (паремиологическая) единица, развивается на основе спектра ситуативных или индивидуальных характеристик, присущих прецедентному имени: *Враг был известен – коварная Европа и жадная Америка. Да еще наши собственные* ***иуды*** *– продажные шкуры, пятая колонна, недобитые олигархи* [9, с. 225]. Кумулятивными представляются те единицы, которые позволяют осуществлять вторичную номинацию без экспликации ономасеологического признака и обладающие явной или скрытой предикацией. Данные единицы представлены как прецедентные имена, выступающие языковыми способами репрезентации символа. Дискретными выступают те прецедентные единицы, которые эксплицируют признак или свойство, характерное для прецедентного номинанта, и традиционно характеризуют прецедентную ситуацию и текст.

Типология прецедентных феноменов также может строиться на отражении нескольких основных способов проявления номинативности, свойственных их текстовой реализации. Пространство современного художественного текста изобилует примерами не только непосредственной репрезентации прецедентного имени как имени собственного или топонима, но и именными комплексами, которые являются атрибутами прецедентных имен, а также служат репрезентации такого понятия, как отпрецедентный дериват. Семантика номинативных дериватов устанавливается путем вертикального способа апелляции к прецедентному имени, который обусловлен мотивированностью значения. Номинативные структуры, отражающие комплексно представленные прецедентные ситуации, демонстрируют высокий уровень мотивированности значения, поскольку их внутренняя форма предполагает прозрачную мотивированность, отсылающую к определенному содержанию. Номинативные компоненты данного типа представлены как лексические коллокации, например, коллокация *иудина роль* интерпретируется путем экспликации семантической структуры, формирующей классемное значение имени-символа *Иуда* как репрезентации предательства [8, с. 223]; актуальными способами функционального обращения к имени являются характеристики, связанные с предательством Иудой Иисуса Христа.

Тесно смыкающейся с особенностями контекстуализации характеристикой служит устойчивость представления языковой формы прецедентного феномена, что актуально для пространства современного художественного текста в силу высокой вариативности воспроизведения единицы в составе многоаспектных пропозициональных средств. Данные средства могут быть типологизированы с учетом степени идиоматизации языковой формы. Под идиоматизацией понимается механизм формирования и трансляции инотекстового знания путем устойчивого воспроизведения интерпретируемой единицы, что составляет потенциал проявления процессов лингвокреативной деятельности и многочисленных трансформативных изменений. В соответствии с данным критерием единицы подразделяются на трансформированные (ремотиванты) и нетрансформированные по параметру устойчивости их формальных или содержательных параметров. Пропозициональные языковые формы отдельных прецедентных феноменов имеют коммуникативно-устойчивую репрезентацию инвариантного представления среди носителей определенного лингвокультурного сообщества, степень которой может достигать дискурсивной воспроизводимости идиоматизированного единства: *Прогрессивный и некоторым образом даже светский: Мефодий взмахнул рукой, и перед ними остановилось такси.* ***Встань передо мной, как лист перед травой****. Красиво* [10, с. 145]. В отдельных случаях они воспроизводятся целиком, а в других подвергаются трансформационным изменениям: *Она тоже сумела бы, как известный Учитель,* ***накормить пятью хлебами*** *множество людей,* ***потому что умела очень тонко резать*** [11, с. 242]. Трансформационные изменения, свойственные прецедентным формам, способствуют формированию контаминированных номинативных и пропозициональных образований, характеризующихся ситуативным нарушением сочетаемости, типичным для контаминационных процессов, а также реализацией ремотивационных процессов, основным из которых является формально-семантическая замена компонентов слота пропозициональной конструкции или одной из характеристик слота при сохранении позиции участника или исполнителя действия: *Еще в Ираке, а особенно в Сирии, он осознал силу пропаганды, силу почти волшебную, способную при умелом манипулировании* ***превратить тыкву в карету, мышей в четверку лошадей, замарашку в принцессу,*** *а невзрачного таджикского пацана с нищей душанбинской окраины Шохмансур в неукротимого и блистательного принца* [9, с. 42–43].

Дополнительным способом конкретизации типа прецедентного феномена служит выявление текстовых актуализаторов, функционирующих в составе синтактико-представленного прецедента. Под текстовым актуализатором понимается лексема, содержащая семантически ведущий и наиболее весомый компонент, способный уточнять и конкретизировать связи и детерминировать отправные свойства реализации прецедентного феномена. В соответствии с данным критерием выделяются однокомпонентные, двукомпонентные и иные типы актуализаторов, конституирующих прецедентную ситуацию и текст. В качестве текстового актуализатора выступает прецедентное имя,

обладающее возможностью отражения широкого спектра сигнификативных характеристик и свойств, связанных с визуальной стороной представления прецедента.

Одной из характерных особенностей воспроизведения прецедентных конструкций является их устойчивость: некоторые из них, вследствие конвенциональности их употребления и принадлежности устойчивой для лингвокультурного сообщества сфере-источнику, могут воспроизводиться как константные лексические и фразеоматические единства, другие представляют собой лексико-синтаксические фраземы, конструируемые на основе устойчивой грамматической структуры и лексически наполняемые на основе ситуации. К собственно пропозициональным средствам относятся формулы, заимствуемые из значимых для лингвокультуры текстов, и входящие в дискурсивное пространство в неизменном для него виде: *из глубины взываю к тебе, господи*; *своя своих не познаша*; *моей надежды робкий глас, быть может, досягнет до вас*; *в духе хлада тонка*; *давно, усталый раб, замыслил я побег*; *дней Александровых прекрасное начало.* Устойчивость отдельных из них определяется тематической известностью источника, в качестве которого выступают хрестоматийные тексты, принадлежащие перу известных поэтов и писателей, и традиционно транслируемые источники цитации религиозного знания. Различие между устойчивыми и неустойчивыми фраземными/фразеоматическими оборотами не носит строго контрастивный характер и может восприниматься как противопоставление иным, менее устойчивым единицам синтаксического уровня, а также трансформированным единицам, создаваемым на основе исходной прецедентной ситуации или текста: *ты был отравлен, но не цикутой; [забеременеть от] пожилого и лысого святого духа.*

Интерпретационный контекст прецедентного феномена, к которому осуществляется апелляция в пространстве современного художественного текста, частотно репрезентирован сложной синтаксической структурой, пропозиционально воспроизводящей не только сам прецедент, но и содержащей основание, по которому осуществляется апелляция к прецедентному феномену. Типичным семантико-структурным способом апелляции к прецеденту как языковой форме выступает языковой компаратив, включающий союзы, выражающие значение сравнения, в качестве наиболее частотного из которых выступает союз *как*. Компаратив такого типа может апеллировать не к лексикографическому знанию, а к представлению о прецеденте, разделяемому членами лингвокультурного сообщества. Представление как сложно организованный онтологический компонент прецедентного феномена включает как визуальный образ объекта или персонажа, так и ассоциативный глагольный способ обращения с ним или обращения к нему. Данная особенность зафиксирована в языковом способе реализации компаратива и отражена в семантике форм, которые указывают на состояние или динамические свойства прецедентного феномена. Подобный тип реализации прецедента ориентирован на описательные свойства единицы, поэтому может быть назван дескриптивным. Дескриптивность понимается как воспроизведение определенного

способа обращения с прецедентом, его свойств и характеристик. Динамический аспект описания объектов отражается в дескриптивных языковых формах путем введения в состав интерпретирующего контекста основания глагольной конструкции, в качестве которого предстает глагол, формирующий аспектуализованную апелляцию к соответствующему конструкту. Семантика глагола образа действия, формирующая пропозициональную конструкцию, включает непосредственно глагол аспектуализованного действия, который поясняет качественный способ осуществления действия: ***скользнуть*** *тихими подводными чудовищами*; ***затаиться****, как гномы*; ***высохнуть****, как мокрень-трава*; ***семенить*** *на двенадцати ногах, как сороконожка.* Тематический спектр явлений, к которым осуществляется апелляция, является крайне широким и включает разнообразные сферальные основания: от литературы и религиозных представлений до общекультурно разделяемой информации, однако наиболее частотной выступает апелляция к различным феноменам общекультурного характера.

Проанализированные подходы и примеры позволяют сделать несколько выводов относительно структурно-семантических особенностей реализации прецедентных феноменов современного художественного текста. Значимыми для типологизации прецедентного феномена могут служить определенные параметры репрезентации и функционирования прецедента. Описанные походы к типологизации прецедентного феномена помогают выделить основные параметры создания комплексной классификации современного прецедентного феномена, интегрирующие способ его языкового представления и дополнительные параметры, которые учитывают специфику его внутренней структуры. К данным параметрам относятся степень целостности языкового образа, репрезентированного в текстовом отражении прецедента, степень идиоматизации значения прецедента и устойчивость компонентов, составляющих структуру прецедентной единицы. Помимо этого, одним из значимых критериев предстает степень контекстуальной вовлеченности прецедента и его отграничения от окружающего контекстуального пространства, направленная на вычленение значимых семантических и семантико-функциональных аспектов его бытования. Ведущим типологическим критерием интегративной репрезентации прецедента служит номинативность, обусловленная недискретным отражением свойств и характеристик, присущих феномену инотекста, и основанная на нескольких способах текстовой репрезентации прецедента. Широкий спектр феноменов инотекста также может быть представлен как пропозициональные структуры, отражающие дискретность знаний о внеязыковой действительности. Особым типом реализации пропозиционального содержания является учет критерия трансформированности и нетрансформированности пропозициональной структуры. Дескриптивность в составе пропозиции выступает следствием отражения представления о реалии внеязыковой действительности и задействует в составе пропозициональных компаративных средств компоненты, связанные с аспектуализацией глагольной функции, структурирующей языковой компаратив.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гришаева, Л. И.* Межтекстовые и интертекстуальные связи как проявление диалога текстов / Л. И. Гришаева // Вестн. СПбГУ. Сер. Язык и литература. – 2019. – № 16 (2). – С. 172–187.
2. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. *Мечковская, В. Б.* Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / В. Б. Мечковская. – Изд. 2-е. – М. : Флинта, Наука, 2001. – 312 с.
4. *Захаренко, И. В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко [и др.] // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.,1997. – С. 82–103.
5. *Нора, П.* Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб., 1999. – С. 17–50.
6. *Романовская, А. А.* Классические античные символы и их семантико-прагматические функции в современном художественном тексте : дис. на … д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Романовская. – Минск, 2015. – 337 л.
7. *Романовская, А. А.* Античный символ как языковой и культурный феномен / А. А. Романовская // Материалы ежегодной науч. конф. преподавателей и аспирантов МГЛУ, Минск, 19–20 апр. 2018 г. : в 4 ч. / МГЛУ ; редкол.: Л. А. Тарасевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Ч. 2. – С. 150–153.
8. *Греймас, А.-Ж.* Структурная семантика : поиск метода / А.-Ж. Греймас. – М. : Академ. проект, 2004. – 368 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

9. *Бочков, В. Б.* Брат мой Каин / В. Б. Бочков. – М. : Э, 2017. – 384 с.
10. *Водолазкин, Е. Г.* Брисбен / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ, 2021. – 416 с.
11. *Улицкая, Л. Е.* Зеленый шатер / Л. Е. Улицкая. – М. : АСТ, 2013. – 637 с.

Поступила в редакцию 23.02.2022

УДК 811.161.1'373.211.5:81'246

Дорофеенко Марина Леонидовна
кандидат филологических наук, доцент;
докторант кафедры русского языка
Белорусского государственного
университета
г. Минск, Беларусь

Maryna Darafeyenka
PhD in Philology, Associate Professor;
Post-PhD Researcher of the Department
of the Russian Language
of Belarusian State University
Minsk, Belarus
mari008@mail.ru

КОНВЕРГЕНТНЫЙ ПОДХОД К ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

CONVERGENT APPROACH TO ONOMASTIC TERMINOLOGY IN THE SPHERE OF INTRASETTLEMENT NAMES

Статья посвящена установлению в рамках конвергентного подхода к ономастике основных разрядов имен собственных, функционирующих в сфере внутрипоселенческих названий, и терминов, их обозначающих.

В ходе исследования установлены основные разряды онимической лексики в рамках поселения, предложены и обоснованы термины для их обозначения (урбанонимы, виконимы, хортенсионимы, конлокатиононимы).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *виконим*; *конвергентный подход*; *конвергенция*; *конлокатиононим*; *урбаноним*; *хортенсионим.*

The article is devoted to the establishment, within the framework of a convergent approach to onomastics, the main categories of proper names, functioning in the sphere of intrasettlement names, and the terms denoting them.

In the course of the study, the main categories of onymic vocabulary within the settlement were established, terms for their designation (urbanonyms, viconyms, hortensiononyms, conlocationonyms) were proposed and substantiated.

K e y w o r d s: *viconym*; *convergent approach*; *convergence*; *conlocationonym*; *urbanonym*; *hortensionym.*

Конвергенция в ономастике предполагает поиск объединяющего начала для изучения имен собственных и рассмотрение онимического пространства как единого целого. Это второе (конвергентное) направление развития ономастики со времени ее возникновения, как полагает В. И. Супрун [1, с. 39]. Предпринятое нами исследование посвящено особенностям полидисциплинарной методологии – конвергентному подходу в ономастике, основанному на понятии *конвергенции*, применяемом в разных науках – как естественных (биология, геология и т.д.), так и гуманитарных (лингвистика, филология и т.д.), поэтому представляется актуальным.

Конвергентный подход в рамках естественных наук – это, скорее, «методология преодоления междисциплинарных границ научного и технологического знания, направленная на разработку способов и технологий создания “природоподобных объектов”» [2].

Что касается конвергентного подхода в гуманитарных науках, «термин “конвергентные технологии” (converging – англ. “сходящиеся”, “собирающиеся вместе”, “объединенные общими интересами” – Technologies) в современных исследованиях в области инновационной экономики, менеджмента, социологии и культуры появился сравнительно недавно (в середине 90-х гг. XX в.) и связан в первую очередь с работами Мануэля Кастельса» [3, с. 43].

В педагогике «логичным продолжением опыта формирования у учащихся единой научной картины мира в образовательном процессе на современном этапе развития становится конвергентный подход, предполагающий интеграцию знаний не вместо предметного обучения (программы ГУСа) и не “поверх” учебных предметов (метапредметы), а в рамках каждого вида образования, каждой образовательной области и каждого учебного предмета (образовательной программы)» [4]. К примеру, цель исследования Т. С. Фещенко и Л. А. Шестаковой – продемонстрировать «значение конвергентного подхода в школьном образовании для подготовки подрастающего поколения к жизни в техносфере динамично меняющегося мира» [5, с. 159].

В лингвистике, ученые изучают конвергентный подход к рассмотрению вопросов лингвистической безопасности. В частности, исследование Н. И. Пушиной и О. М. Пушина посвящено «конвергентному междисциплинарному подходу к вопросам лингвистической безопасности, обсуждаемой в контексте проблем национальной безопасности, информационной безопасности, языковой политики и понимаемой как устойчивое состояние языка, при котором максимально полно обеспечивается его безопасное существование, целостность, саморазвитие, самосовершенствование – создание условий для устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками народов России, языковой экспансии, экологии языка, сохранению культурного кода нации» [6].

По мнению В. И. Супруна, ономастика со времени своего возникновения развивалась в двух направлениях – дивергентном и конвергентном [1, с. 39]. Первое из них базируется на все большем дроблении объекта ономастического анализа, а вместе с этим создании новых терминов для изучаемых единиц. И хотя при конвергентном подходе в ономастике, представленном в исследовании В. И. Супруна [1], тоже не обходилось без создания новых терминов, «всё же при этом делались попытки рассмотрения онимического пространства языка как единого целого, определения общих функций у они-мов разных разрядов, выявление лингвокультурологических, социо-, психо- и этнолингвистических, коммуникативных, дискурсивных, текстовых, лингвокогнитологических, полевых и пр. параметров имён собственных» [Там же, с. 39].

Обратимся к значению термина *конвергенция*. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» конвергенция (от лат. *convergo* – приближаюсь, схожусь) – «сближение или совпадение двух и более лингвистических сущностей» [7]. В «Большом энциклопедическом словаре» конвергенция в языкознании определяется как «схождение, взаимоуподобление элементов языка, а также самих языков (противопоставляется *дивергенции*)» [8, с. 616].

По данным «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой конвергенция «1. (схождение <звуковое>) англ. *convergence* – это изменение, приводящее к увеличению сходства или даже совпадению разных звуков языка. 2. Развитие сходных черт у двух или нескольких языков независимо от общности происхождения, обычно вследствие территориальной близости, тесных культурных связей и т. п.» [9, с. 202].

С учетом приведенных определений применительно к ономастике под конвергенцией следует понимать объединение нескольких более мелких ономастических разрядов в более крупный на основе обобщения объектов анализа и поиска объединяющего начала для имен собственных.

Цель данного исследования – установление в рамках конвергентного подхода к ономастике основных разрядов имен собственных, функционирующих в сфере внутрипоселенческих названий, и терминов, их обозначающих.

Материалом послужили ономастические термины, употребляемые в сфере внутрипоселенческих названий русской [П1; П2], белорусской ([10; 11; 12] и др.), французской ([П3] и др.) и английской ([П4] и др.) терминологических системах имен собственных. При этом применялся дескриптивный метод, а также общенаучные методы систематизации и анализа материала.

Результаты выполненной работы могут способствовать расширению знаний в области терминологии внутрипоселенческих названий; использоваться для составления лексикографических пособий, ономастических словарей.

Мы остановимся на ономастических разрядах, которые выделяются среди внутрипоселенческих названий в рамках конвергентного подхода.

Вначале заметим, что данный подход в ономастике может базироваться на классификации терминов согласно типу поселения, в котором расположен объект. Соответственно, глобально можно выделить *урбанонимы* (внутригородские названия), *виконимы* (внутрисельские названия) и *хортенсионимы* (названия в пределах садоводческих товариществ).

Применение конвергентного подхода в сфере внутрипоселенческих наименований позволило нам выделить сдедующие разновидности названий:

1) урбанонимы. Термин *урбаноним* распространен в белорусской и русской ономастике. В иностранной употребляется, скорее, его синонимичный вариант – *toponyme* m *urbain* (фр.) ‘городской топоним’, *urban toponym* (англ.) ‘городской топоним’, *urban place name* (англ.) ‘городское название’.

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской собственные имена любых внутригородских топографических объектов (агоронимы, годонимы, названия отдельных зданий, городские хоронимы) объединяются в особый вид топонима – *урбанонимы* [П1, с. 154]. Впоследствии список разрядов урбанонимов пополняется экклезионимами [П2, с. 139]. Однако следует заметить, что до сих пор объем урбанонимного пространства не определен окончательно. И если вышеперечисленные разряды имен собственных однозначно причисляются учеными к урбанонимам ([П2, с. 139; 13, с. 17] и др.), то относительно имен других объектов и в настоящее время ведутся дискуссии. На основе исследования урбанонимов различ-

ных городов России ученые (М. В. Горбаневский, В. И. Супрун, Р. В. Разумов и др.) уже вносили предложения по расширению урбанонимного пространства. Согласимся, что в состав урбанонимов следует включить названия, мостов, а также наименования некоторых точечных (памятников, фонтанов, вокзалов; остановок общественного транспорта, станций метро) и территориальных (городских садов, скверов, парков) объектов;

2) в и к о н и м ы. *Виконим* (от лат. *vicus* – село, поселок и греч. *ὄνομα* – имя) обозначает «вид топонима. Собственное имя любого внутрисельского объекта, например, *Молодёжный пер., Мелиоративная ул., Хуторская ул.* и т.д.» [10, с. 172]. По аналогии с урбанонимами полагаем, что такие имена собственные, как *сельские годонимы*, *агоронимы*, *экклезионимы*, *ойкодомонимы*, *хоронимы* следует причислять к *виконимам.* Данный термин встречается преимущественно в белорусской и русской (реже) ономастике. Во французской для обозначения внутрисельских названий употребляется словосочетание *toponyme* m *rural* (фр.) ‘сельский топоним’;

3) х о р т е н с и о н и м ы. Под *хортенсионимом* (от лат. *hortensius* – садоводческий) понимается «собственное имя любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества. Это в основном названия линейных объектов – улиц, проездов, переулков, тупиков, ойкодомонимы, хоронимы, экклезионимы» [11, с. 75]. В определении уже содержатся те разряды имен собственных, которые следует относить к хортенсионимам. Данный термин употребляется преимущественно в славянской ономастике, что свидетельствует о разном составе онимных систем в каждой стране.

Урбанонимия, виконимия и хортенсионимия представляют собой определенным образом организованное единство, так как функционируют внутри населенных пунктов, «и с этой точки зрения должны иметь специальный термин, который бы отличал их, скажем, от гидронимии, ойконимии и др.» [10, с. 49]. На основе учета указанной общности виконимов, урбанонимов и хортенсионимов возникает предложение рассматривать их как автономные разряды внутрипоселенческих названий, репрезентирующие сектор *конлокатиононимов*;

4) к о н л о к а т и о н о н и м ы. *Конлокатиононимия* происходит от лат. *conlocationem* – поселение [Там же]. Под конлокатиононимией А. М. Мезенко понимает совокупность названий объектов, существующих внутри городов, сельских поселений и садоводческих товариществ [12, s. 393].

Урбанонимы, виконимы и хортенсионимы представляют собой автономные разряды ономастической лексики, так как дистанцируются друг от друга по *шести критериям*.

1. *Лексико-семантическому*. Так, все вышеперечисленные названия отвечают четырем принципам номинации, каждый из которых основан на определенных признаках. Принцип номинации объекта

а) по его свойствам и качествам (*названия, отражающие физико-географические, параметрические и темпоральные особенности местности; квалитативные характеристики объекта*);

б) по отношению к другим объектам (*названия, мотивированные наименованиями населенных пунктов, водных объектов, улиц, архитектурных сооружений; указанием на местоположение объекта относительно других географических объектов*);

в) по связи с человеком (*названия-индивидуальные посвящения; названия-коллективные посвящения; названия-функциональные характеристики*);

г) по связи с абстрактным, социально-идеологическим понятием (*названия, восходящие к наименованиям символов и понятий социалистической эпохи и к геортонимам советского периода*).

Однако порядок их следования, а также процентное соотношение названий, отвечающих данным принципам, не совпадает в различных ономастических системах одной страны, даже регионов одной страны и тем более разных стран. Так, в том числе и в ходе нашего исследования [14, с. 15–16] установлено, что в виконимии принципы расположены в порядке, указанном выше, в то время как в урбанонимии они размещены следующим образом. Принцип номинации объекта

а) по отношению к другим объектам;

б) по связи с человеком;

в) по его свойствам и качествам;

г) по связи с абстрактным, социально-идеологическим понятием.

Разный порядок следования принципов номинации важен, так как свидетельствует о номинативных особенностях, на основании которых можно дистанцировать данные разряды имен собственных.

Кроме того, в системе хортенсионимов начинает складываться еще один принцип номинации, состоящий в тематическом соответствии названий линейных объектов названиям садоводческих товариществ, в которых они размещены (например: *ул. Паровозная*, *ул. Тепловозная*, *ул. Электровозная* в садоводческом товариществе «Локомотив»; *ул. Трансформаторная*, *Трансформаторный проезд* в садоводческом товариществе «Энергетик») [11, с. 76]. Следует также отметить, что в хортенсионимии господствует принцип номинации по свойствам и качествам самого объекта. Помимо этого, «хортенсионимы обладают своими особенными чертами, выделяющими их среди других топонимов, называющих объекты внутри поселений – городов, городских поселков, деревень. Они – яркий пример искусственной номинации, предполагающей целенаправленное присвоение названия объекту и введение последнего в общественный лексикон» [Там же, с. 78].

Хортенсионимам характерно расположение принципов номинации в следующем порядке. Принцип номинации объекта

а) по его свойствам и качествам;

б) по тематическому соответствию названий линейных объектов названиям садоводческих товариществ, в которых они размещены;

в) по связи с абстрактным, социально-идеологическим понятием;

г) по отношению к другим объектам;

д) по связи с человеком [Там же, с. 49].

2. *Номинационному.* В рамках номинационных отличий можно выделить несовпадение степени продуктивности моделей атрибуции.

3. *Структурному*. К структурным отличиям следует отнести несовпадение в трех системах количества а) структурных типов; б) номенклатурных терминов.

4. *Грамматическому*. Несовпадение в использовании отдельных частей речи (например, существительных) в составе проприальной части.

5. *Лингвокультурологическому*. Система внутрипоселенческих названий – часть ономастической картины мира – отражает восприятие окружающего мира языковой личностью. В лингвокультурологическом плане урбанонимия, виконимия и хортенсионимия отличаются степенью прецедентности имен, выступающих основами для номинации. Так, урбанонимии свойственна преимущественно национальная или планетарная прецедентность, виконимии и хортенсионимии – локальная.

6. *Терминологическому*. Каждому государству свойственна своя система населенных пунктов. К примеру, если городские и сельские поселения есть во всех странах, то садоводческие товарищества расположены преимущественно на восточнославянских территориях. Соответственно европейской ономастике не свойственны хортенсионимы, а конлокатиононимы будут представлены внутригородскими и внутрисельскими названиями. К тому же конлокатиононимы – новый объект изучения и до сих пор не подвергался комплексному анализу ни в одной ономастической системе.

Таким образом, на основе исследования ономастических терминов мы определили в рамках конвергентного подхода основные разряды имен собственных, функционирующие в сфере внутрипоселенческих названий, и термины, их обозначающие: названия городских годонимов, точечных и территориальных объектов – *урбанонимы*; названия сельских годонимов, точечных и территориальных объектов – *виконимы*; названия годонимов, точечных и территориальных объектов, расположенных в садоводческих товариществах – *хортенсионимы*; совокупность названий объектов, существующих внутри городов, сельских поселений и садоводческих товариществ – *конлокатиононимы*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Супрун, В. И.* Объект ономастического анализа: границы дробления и перспективы интеграции / В. И. Супрун // Ономастика Поволжья : материалы XIII Междунар. науч. конф., Ярославль, 13–14 сент. 2012 г. / Ярослав. гос. пед. ун-т ; под отв. ред. Р. В. Разумова, В. И. Супруна. – Ярославль, 2012. – С. 39–42.

2. Конвергентный подход в области науки и технологий науки. – Режим доступа : https://school.moscow/api/navigator/public/uploads/data_file/1530719105_%D0%9E%D1%82_%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B0_%D0%B2_%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B5_%

D0%BA_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8.pdf. – Дата доступа: 02.02.2022.
3. *Блинова, Т. Л.* Конвергентный подход в обучении / Т. Л. Блинова // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 8. – С. 42–48.
4. *Каргина, З. А*. Конвергентный подход в образовании: новый виток спирали развития (обзор научно-педагогических исследований разных лет) [Электронный ресурс] / З. А. Каргина // Журнал «Про_ДОД». – Режим доступа : https://prodod.moscow/archives/17746. – Дата доступа : 02.02.2022.
5. *Фещенко, Т. С.* Конвергентный подход в школьном образовании – новые возможности для будущего / Т. С. Фещенко, Л. А. Шестакова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 11 (65). – Ч. 2. – С. 159–165.
6. *Пушина, Н. И.* Конвергентный подход к рассмотрению вопросов лингвистической безопасности / Н. И. Пушина, О. М. Пушин // Конвергенция в сфере научной деятельности: проблемы, возможности, перспективы: материалы Всероссийской науч. конф., Ижевск, 11 дек. 2018 г. / Удмурт. гос. ун-т ; отв. ред. А. М. Макаров. – Ижевск, 2018. – С. 292–296.
7. Конвергенция [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Режим доступа: http://tapemark.narod.ru/les/234a.html. – Дата доступа: 02.02.2022.
8. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1991 ; СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 1993. – 1629 с.
9. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
10. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум : монография / А. М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ, 2017. – 180 с.
11. *Мезенко, А. М.* Хортенсионим как вид топонима: статус, особенности функционирования / А. М. Мезенко // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2014. – Т. 27 (66), № 1. – Ч. 1. – С. 75–79.
12. *Мезенко, А. М.* Церковные названия внутрипоселенческих объектов в топонимной системе Беларуси: территориальная дифференциация / А. М. Мезенко // Chrzescijanskie dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Literatura. Język. Kultura. Historia. Ser. V. Monastycyzm i mistycyzm w literaturze, kulturze i języku Slowian. – Bialystok, 2021. – S. 393–405.
13. *Разумов, Р. В.* Об упорядочении ономастической терминологии области урбанонимии / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник – 2015. – № 2. – С. 14–19.
14. *Дорофеенко, М. Л.* Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / М. Л. Дорофеенко. – Минск, 2015. – 28 с.

СЛОВАРИ И СПИСКИ

П1 – *Подольская, Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 199 с.
П2 – *Подольская, Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
П3 – The International Council of Onomastic Sciences / Liste des mots-clefs en Onomastique [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://icosweb.net/ drupal/sites/ default/files/ICOS-Terms-fr.pdf. – Дата доступа: 02.02.2022.
П4 – The International Council of Onomastic Sciences / List of Key Onomastic Terms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://icosweb.net/drupal/sites/ default/files/ICOS-Terms-en.pdf. – Дата доступа: 02.02.2022.

Поступила в редакцию 22.02.2022

УДК 811.174

Дубасова Анжелика Витальевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры интенсивного обучения
иностранным языкам № 2
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anzhalika Dubasava
PhD of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department № 2
of Intensive Foreign Language Learning
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
anzhalikad@gmail.com

«ВЫЖИВАЕМОСТЬ» ПЕРВИЧНЫХ ЛАТЫШСКИХ ГЛАГОЛОВ: ПИЛОТНОЕ ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

“VITALITY” OF PRIMARY LATVIAN VERBS: A PILOT DIACHRONIC STUDY

В работе на материале «Этимологического словаря латышского языка» анализируется 461 первичный глагол и 761 дериват первичных глаголов. Выдвигается и проверяется гипотеза о том, что на исчезновение или сохранность первичных глаголов могли влиять семантико-морфологические свойства их дериватов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *первичные глаголы*; *словообразование*; *семантика*; *история языка*; *латышский язык*.

The paper analyzes 461 primary verbs and 761 derivatives of primary verbs on the material of the *Dictionary of Latvian Etymology*. The following hypothesis is put forward and tested: the semantic and morphological properties of the derivatives could influence the disappearance or the preservation of primary verbs.

K e y w o r d s: *primary verbs*; *derivation*; *semantics*; *history of language; Latvian*.

Глаголы современного латышского языка традиционно делятся на первичные (односложные) и вторичные (дву- и многосложные). Первичные глаголы исторически возникали на базе прабалтийских корней, сохранившихся либо в глаголах, либо также в существительных или прилагательных [1, lpp. 332]. Так, от одного реконструируемого корня возникли глагол *tumst* ‘темнеть’, существительное *tumsa* ‘темнота’, прилагательное *tumšs* ‘темный’. Кроме того, к первичным относятся глаголы, образованные от одного и того же корня и отличающиеся вокализмом, например: *birt* ‘сыпаться’ и *bērt* ‘сыпать’, *lauzt* ‘ломать’ и *lūzt* ‘ломаться’.

Деление глаголов на первичные и вторичные легло в основу классификации по спряжениям. Так, все первичные глаголы и только они относятся к 1-му спряжению [Там же, lpp. 667] (за тем исключением, что в систему спряжения не включены три односложных глагола: *būt* ‘быть’, *iet* ‘идти’, *dot* ‘давать’). Поэтому термины *первичные глаголы* и *глаголы первого спряжения* можно считать взаимозаменяемыми.

Первичные глаголы, очевидно, являются самыми древними, поскольку на их основе образовывались вторичные, суффиксальные, глаголы. Основное внимание исследователей сконцентрировано на изучении именно вторичных

глаголов, в частности, их словообразования и семантики. Первичные же глаголы изучались, главным образом, с точки зрения происходящих в них чередований. Так, в зависимости от типов исторических чередований, глаголы первого спряжения делят на три [2, lpp. 547], пять [1, lpp. 667; 3, p. 109] или шесть [4, p. 87] групп (внутри которых в свою очередь могут выделяться подгруппы).

В этимологическом словаре латышского языка [5], как правило, указываются дериваты первичных глаголов и их значения, иногда также – возможная причина исчезновения глагола. Однако эти данные не обобщались. Отмечу, что этимологический словарь – это единственный словарь латышского языка, в котором можно найти дериваты первичных глаголов, поскольку отдельного словообразовательного словаря для латышского языка нет.

Цель настоящей работы – поиск факторов, влиявших на сохранность или исчезновение первичных глаголов латышского языка (с применением статистического анализа). В первую очередь меня интересовал вопрос, зависит ли «выживаемость» первичного глагола от морфологических и семантических свойств его дериватов. Под семантическими свойствами дериватов в статье понимаются исторические значения итеративности, дуративности, интенсивности, каузативности.

Для достижения поставленной цели была сформирована рабочая база первичных глаголов. Глаголы собирались вручную из этимологического словаря латышского языка. При глаголе указывались дериваты из словаря, значение дериватов (итеративное, каузативное, интенсивное, дуративное), суффиксы дериватов, статус первичного глагола сейчас (существует, исчез). Статус «исчез» получили реконструкции, а также глаголы, отсутствующие в [6; 7].

Примеры сведений о глаголе представлены в табл. 1.

Таблица 1

Первичный глагол	*braukt* ‘*тереть; ездить’	**dert* ‘рвать, расщеплять’
Дериваты	*braucīt* ‘растирать’, *braukāt* ‘ездить’	*darīt* ‘делать’, *derēt* ‘годиться’
Суффиксы	*-īt*; *-āt*	*-īt*; *-ēt*
Спряжение дериватов	3-е и 2-е	3-е
Значения	итеративное	каузативное; итеративное
Статус глагола	существует	исчез (реконструкция)

Всего таким образом в рабочей базе данных был описан 461 первичный глагол.

В табл. 2 отражены сведения по статусу первичного глагола. Можно видеть, что значимая часть глаголов (почти 40 %) не сохранилась.

Таблица 2

Статус глагола

Статус глагола	Кол-во	%
существует	282	61,2
исчез	179	38,8

Рабочая база данных включила 761 дериват.

Следует отметить, что речь идет только о тех дериватах, которые попали в словарь. Несомненно, полный список дериватов не является целью этимологического словаря. Однако, на мой взгляд, можно рассчитывать на то, что словарь содержит наиболее частотные глаголы и их дериваты.

Кроме того, в базе обнаружились фонетические дублеты типа *brāzāt* ‘мчаться’, *brāžāt* ‘мчаться’. Без решения вопроса о том, как учитывать фонетические дублеты и как их вообще определять, невозможно, в частности, корректно подсчитать дериваты количественно, поэтому данные табл. 3 и 4 следует принимать с осторожностью.

Значения дериватов представлены в таблице 3.

Таблица 3

Значения дериватов

Значения	%
итеративные	62,0
каузативные	31,1
дуративные	4,1
интенсивные	2,8

Так, 62,0 % всех дериватов имеют итеративное значение, 31,1 % – каузативное и лишь небольшая часть – дуративное и интенсивное. В связи с малым количеством последних в дальнейшем эти значения не учитывались. Такое решение сочетается с современным делением суффиксальных глаголов на две группы: каузативные и итеративные [1, lpp. 332–333].

В табл. 4 представлена статистика по значениям относительно исходных глаголов без учета дуративов и интенсивов.

Таблица 4

Первичные глаголы и значения их дериватов

Значения дериватов	Исходные глаголы, %
итеративные	59,9
каузативные	23,6
итеративные и каузативные	16,5

Таким образом, получилось три группы первичных глаголов: 1) имеющие только дериваты с итеративным значением (59,9 %); 2) имеющие только дериваты с каузативным значением (23,6 %); 3) имеющие дериваты как с итеративным, так и с каузативным значением (16,5 %).

Количество дериватов на глагол (от 1 до 7 в исходной базе) в качестве статистического фактора не рассматривалось по указанным выше причинам (неполнота базы данных, наличие фонетических дублетов). Вместо этого анализировались комбинации деривационных средств, с помощью которых от первичного глагола образовывались производные глаголы.

Примеры комбинаций представлены в табл. 5.

Таблица 5

berzt ‘тереть’ → *berzēt* ‘тереть, потирать’	*-ēt*
**dzent* ‘рубить’ → *dzenēt* ‘рубить’	*-ēt*
birt ‘сыпаться, опадать’ → *bērt* ‘сыпать’, *birdināt* ‘сыпать’, диал. *birināt* ‘сыпать’	БС[1]; *-ināt*
**šķelt* ‘колоть’ → *skaldīt* ‘колоть, расщеплять’, *skalot* ‘полоскать’, *skalināt* ‘ополаскивать’	*-īt*; *-ot*; *-ināt*

Так, у глагола или его реконструкции может быть один дериват (см. *berzt* ‘тереть’, **dzent* ‘рубить’), а может быть несколько (*birt* ‘сыпаться, опадать’, **šķelt* ‘колоть’). Дериваты образуются либо с помощью суффиксов либо бессуффиксным способом.

В табл. 6 представлены все зафиксированные комбинации слово-образовательных средств для сохранившихся и для исчезнувших глаголов.

Таблица 6

Комбинации словообразовательных средств по первичным глаголам

№ п/п	Для исчезнувших глаголов	Для сохранившихся глаголов	№ п/п	Для исчезнувших глаголов	Для сохранившихся глаголов
1	БС	БС	11	*-ēt, -ināt*	*-ēt, -ināt*
2	–[2]	БС, *-āt*	12	*-ēt, -ināt, -āt*	*-ēt, -ināt, -āt*
3	–	БС, *-ēt, -īt, -ināt*	13	–	*-ēt, -ināt, -āt, -ot*
4	–	БС, *-ināt*	14	*-ēt, -ināt, -ot*	*-ēt, -ināt, -ot*
5	–	БС, *-īt*	15	*-ēt, -īt*	*-ēt, -īt*
6	–	БС, *-īt, -ināt, -ot*	16	*-ēt, -īt, -āt*	*-ēt, -īt, -āt*
7	*-āt*	*-āt*	17	*-ēt, -īt, -ināt*	*-ēt, -īt, -ināt*
8	*-āt, -ot*	*-āt, -ot*	18	*-ēt, -īt, -ināt, -āt*	–
9	*-ēt*	*-ēt*	19	*-ēt, -īt, -ot*	*-ēt, -īt, -ot*
10	*-ēt, -āt*	*-ēt, -āt*	20	–	*-ēt, -ot*

[1] Образованные бессуффиксным способом.

[2] Прочерк означает, что соответствующая комбинация (зафиксированная для глаголов второй группы) отсутствует.

Окончание табл. 6

21	*-ināt*	*-ināt*	27	*-īt*, *-āt*, *-ot*	–
22	*-ināt*, *-āt*	*-ināt*, *-āt*	28	*-īt*, *-ināt*	*-īt*, *-ināt*
23	*-ināt*, *-āt*, *-ot*	*-ināt*, *-āt*, *-ot*	29	–	*-īt*, *-ināt*, *-āt*
24	*-ināt*, *-ot*	*-ināt*, *-ot*	30	–	*-īt*, *-ināt*, *-ot*
25	*-īt*	*-īt*	31	*-īt*, *-ot*	*-īt*, *-ot*
26	*-īt*, *-āt*	*-īt*, *-āt*	32	*-ot*	*-ot*

Из табл. 6 следует, что наборы словообразовательных средств у исчезнувших и сохранившихся глаголов общие, однако их количество у последних чуть выше. Можно видеть, что в таблицу попал и небольшой процент односложных глаголов (модели 1–6). В синхронии, как уже упоминалось, подобные глаголы считают образованными от общего корня, а не друг от друга. Однако с диахронической точки зрения односложные глаголы могут быть производными от других односложных глаголов, поэтому, строго говоря, такие глаголы не являются первичными.

Для целей статистического анализа на основании табл. 6 глаголы были разделены на 3 группы по количеству использованных словообразовательных средств: одно, два, три и более.

В табл. 7 также даны сведения по суффиксам дериватов.

Таблица 7

Суффиксы дериватов, %

Суффиксы	Всего	Среди сохранившихся глаголов	Среди исчезнувших глаголов
-ēt	24,5	20,8	30,6
-īt	25,5	28,7	20,4
-ināt	26,3	28,2	23,1
-āt	15,4	14,8	16,5
-ot	6,8	5,6	9
БС	1,5	1,9	0,4

В этимологическом словаре латышского языка возможная причина исчезновения указана для одинадцати исчезнувших глаголов (6,1 %), попавших в рабочую базу данного исследования, – это вытеснение одним омонимом другого. Так, предполагается, что реконструируемый глагол **dēt* ‘говорить, сказать’ был вытеснен глаголом *dēt* ‘ставить, класть’, глагол **salt* ‘становиться сладким’ – глаголом *salt* ‘становиться холодным’ и т. п. При этом остаются вопросы, на которые невозможно ответить из-за ограниченности материала: как именно омонимы конкурировали друг с другом? Что влияло на исчезновение одного из них – частотность, семантические свойства или что-то еще?

В отношении оставшихся 93,9 % глаголов рабочей базы проверялась гипотеза о наличии связи между семантико-морфологическими свойствами

дериватов и «выживаемостью» исходных глаголов. Для этого в программе IBM SPSS Statistics были построены таблицы сопряженности между параметром «статус глагола» и параметрами «количество словообразовательных средств», «значения дериватов», «суффиксы дериватов».

Корреляции между параметрами «статус глагола» vs. «количество словообразовательных средств» обнаружено не было, однако, как показано на рис. 1, при увеличении количества словообразовательных средств наблюдается тенденция к сохранению глагола.

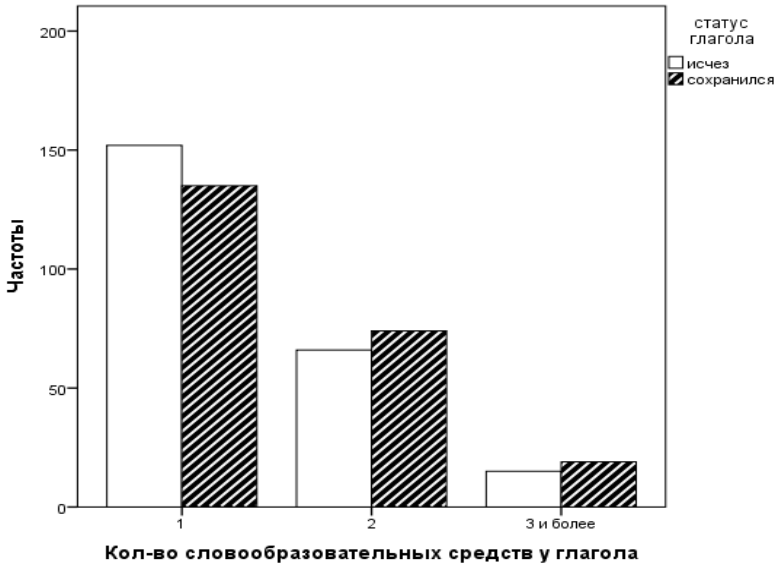


Рис. 1. «Статус глагола» vs. «количество словообразовательных средств»

Для параметров «статус глагола» vs. «значения дериватов» получен статистически значимый результат: $\chi^2 = 10{,}020$, df = 2, $p < 0{,}05$.

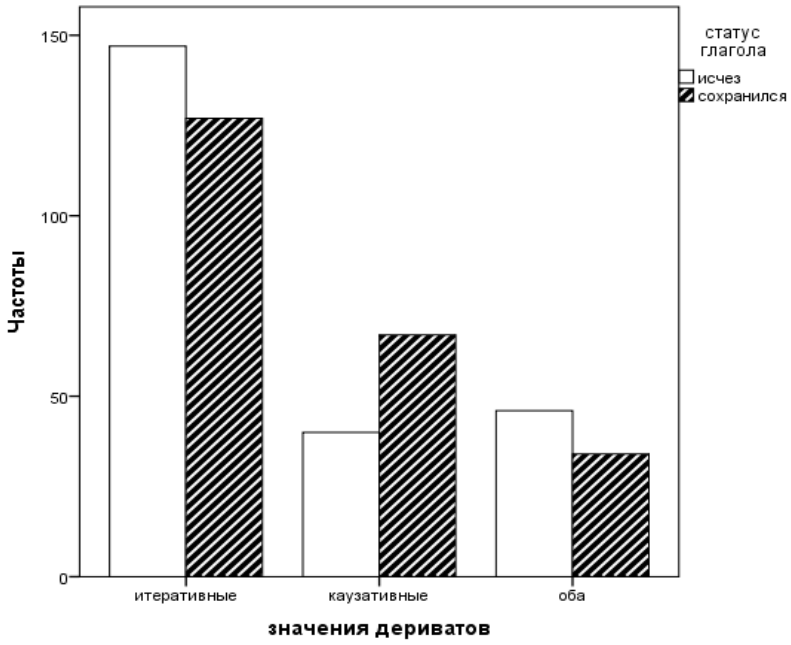


Рис. 2. «Статус глагола» vs. «значения дериватов»

На рис. 2 представлено, что глаголы с каузативными дериватами чаще сохранялись, чем исчезали, а глаголы с итеративными дериватами и с дериватами обеих групп значений чаще исчезали.

Отдельный анализ по значениям ‘итеративность’ и ‘каузативность’ также показал значимые результаты: $\chi^2 = 8{,}830$, $df = 1$, $p < 0{,}05$ (наличие итеративных дериватов коррелирует с исчезновением глагола); $\chi^2 = 3{,}262$, $df = 1$, $p < 0{,}05$ (наличие каузативных дериватов коррелирует с сохранностью глагола).

Полученные результаты говорят о наличии связи между значением дериватов и «выживаемостью» исходных глаголов, однако не предполагают прямой зависимости и сами по себе не являются интерпретацией. Очевидно, что на «выживаемость» каждого конкретного глагола мог влиять ряд факторов, взаимодействующих друг с другом сложным образом.

Также были получены статистически значимые результаты для отдельных суффиксов: $\chi^2 = 6{,}990$, $df = 1$, $p < 0{,}05$ (наличие дериватов с суффиксом *-ēt* коррелирует с исчезновением глагола); $\chi^2 = 4{,}818$, $df = 1$, $p < 0{,}05$ (наличие дериватов с суффиксом *-ināt* коррелирует с сохранением глагола); $\chi^2 = 5{,}283$, $df = 1$, $p < 0{,}05$ (наличие дериватов с суффиксом *-īt* коррелирует с сохранением глагола).

Данные по суффиксам частично взаимосвязаны с данными по «итеративности – каузативности», поскольку большинство дериватов с суффиксом *-ināt* имеет каузативное значение (с тенденцией к сохранению), а большинство дериватов с суффиксом *-ēt* – итеративное значение (с тенденцией к исчезновению), однако не являются абсолютно очевидными, поскольку большинство дериватов с суффиксом *-īt* также имеет итеративное значение (теоретически должны исчезать, но на практике чаще сохраняются). Поэтому конкретный механизм работы обнаруженного семантического фактора еще предстоит установить. Возможно, в случае каузативов семантическая связь между дериватом и исходным глаголом сильнее (ср. *dzimt* ‘родиться’ → *dzemdēt* ‘рождать’), из-за чего и формируемая пара устойчивее, чем в случае итеративов (ср. *dust* ‘тяжело дышать’ → *dusēt* ‘спать’ – значения сильно разошлись; или *niezt* ‘чесаться’ → *niezēt* ‘чесаться’ – значения трудноразличимы). Несомненно, данное предположение следует проверить на более обширном материале.

Как уже отмечалось, собранная база не является полной. Однако ее объем позволяет считать ее представительной, а статистические результаты – проецируемыми на неучтенный материал.

Исходя из полученных данных, можно сделать следующие выводы.

«Выживаемость» первичных глаголов коррелирует с семантическими свойствами их дериватов: первичные глаголы с дериватами-итеративами исчезали чаще, чем первичные глаголы с дериватами-каузативами.

Статистически подтвержденной корреляции между «выживаемостью» глагола и количеством словообразовательных средств, с помощью которых могли образовываться его дериваты, обнаружено не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I. daļa. Fonētika un morfoloģija / atbild. red.: Ē. Sokols. – Rīga : LPSR ZA izdevniecība, 1959. – 830 lpp.
2. Latviešu valodas gramatika / red. : J. Grigorjevs, D. Nītiņa. – Rīga : LU Latviešu valodas institūts, 2013. – 1024 lpp.
3. *Prauliņš, D*. Latvian: An Essential Grammar / D. Prauliņš. – London ; N. Y. : Routledge, 2012. – 264 p.
4. *Mathiassen, T*. A short grammar of Latvian / T. Mathiassen. – U. S. : Slavica Publ. Inc., 1997. – 236 p.
5. *Karulis, K*. Latviešu etimoloģijas vārdnīca : 2 sēj. / K. Karulis. – Rīga: Avots, 1992. – 2. sēj.
6. Mūsdienu latviešu valodas vārdnīca [Elektroniskais resurss]. – Pieejas režīms : https://tezaurs.lv/mlvv/. – Pieejas datums : 21.02.2022.
7. Latviešu literārās valodas vārdnīca [Elektroniskais resurss]. – Pieejas režīms : http://www.tezaurs.lv/llvv. – Pieejas datums : 21.02.2022.

Поступила в редакцию 23.02.2022

УДК 811.112.2’37

Сытько Анна Васильевна
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики и грамматики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Sytko
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of German
Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
sytko.mglu@gmail.com

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕОНТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале немецкого и русского языков)

TEMPORAL CHARACTERISTICS OF DEONTIC STRUCTURES (Based on the German and Russian Languages)

В статье рассмотрены темпоральные характеристики деонтических конструкций на материале немецкого и русского языков. Описана темпоральная двуплановость деонтических конструкций и их оппозиция с точки зрения локализации во времени. Определены семантические особенности конструкций с семантикой стандартной проективности и конструкций нестандартной локализации. Выявлены факультативные компоненты, конкретизирующие темпоральную семантику деонтических конструкций. Установлено, что их темпоральные характеристики в двух языках демонстрируют незначительные различия в формальной реализации, но идентичные прагматические и семантические свойства конструкций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *деонтика*; *темпоральные характеристики*; *семантика*; *семантические компоненты*; *деонтический маркер*; *пропозициональный глагол*; *факультативные маркеры.*

The article considers the temporal characteristics of deontic constructions on the basis of German and Russian. The study reveals the temporal duality of deontic constructions. It describes the opposition of deontic constructions in terms of localization in time. The study shows the semantic features of constructions with the semantics of standard projectivity and constructions of non-standard localization. It identifies facultative components specifying the temporal semantics of deontic constructions. It establishes that the temporal characteristics of deontic constructions demonstrate minor differences in formal implementation in two languages, but identical pragmatic and semantic properties of constructions.

K e y w o r d s: *deontics*; *temporal characteristics*; *semantics*; *semantic components*; *deontic marker*; *propositional verb*; *facultative components*.

Семантика модальных высказываний представляет собой интересный и сложный лингвистический феномен. Деонтическое высказывание оказывается в речевом воплощении семантически весьма многообразным, прагматически насыщенным и зависящим от многих факторов.

Ядерным и универсальным языковым средством выражения деонтики является *деонтическая конструкция*. Структурно она состоит из вариативных обязательных и факультативных лексико-синтаксических компонентов. Обязательными выступают такие вариативные компоненты, как деонтический субъект, или исполнитель действия, деонтический маркер (в русском

языке *должен, обязан, вынужден, необходимо, надо, нужно, следует, нельзя не*; в немецком языке – *müssen, notwendig sein, verpflichtet sein* и некоторые другие) и инфинитив смыслового глагола, обозначающий пропозицию деонтической ситуации, или действие любой семантики (поведенческой, коммуникативной, ментальной, эмоциональной), которое призвано изменить текущее положение вещей. Факультативные компоненты дополняют модальную информацию разнообразными прагматическими, эмоциональными, темпоральными и иными значениями. Взаимодействие семантических свойств и характеристик структурных компонентов деонтической конструкции обусловливает формирование разнообразных модально-прагматических смыслов деонтического высказывания. Целью работы является установление темпоральных характеристик деонтических конструкций на материале немецкого и русского языков. Примеры взяты из национальных корпусов немецкого и русского языков (DWDS и НКРЯ).

1. Темпоральная семантика деонтической конструкции

Модальность и время как основные языковые категории характеризуют описываемое положение дел: с позиции отношения к тому, что говорящий считает действительностью, и с точки зрения его положения на оси времени относительно некоторого заданного момента. Взаимодействие времени и деонтики обусловливает семантическое обогащение модальных конструкций.

Ярким своеобразием временных характеристик деонтических конструкций является то, что они бытуют одновременно в двух темпоральных планах – настоящем и будущем.

Поскольку в коммуникации различные модальные источники чаще всего диктуют изменение текущей ситуации, то модальная конструкция как глагольный комплекс, синтаксическая предикативная единица употребляется в настоящем времени изъявительного наклонения. В рассуждениях об отнесении конструкции к плану настоящему речь идет о времени, когда высказывается суждение о необходимости, т.е. о темпоральной референции.

В русском языке деонтический маркер традиционно не получает в поверхностной структуре формального материального выражения настоящего времени, реализуясь так называемым нулевым знаком, поскольку разнообразные предикативные прилагательные типа *должен, обязан* и модальные предикативные наречия (*надо, нужно, необходимо* и т.д.) не имеют связки настоящего времени (*есть* от гл. *быть*). Исключение составляют аксиологически осложненный деонтический маркер *приходится* и лексема *следует*, грамматические формы которых маркированы темпорально, ср.: *пришлось, придется*. Маркер *следует* имеет ограниченную парадигму и функционирует только в форме настоящего и прошедшего времени.

В немецком языке деонтический предикат, в качестве которого, как правило, выступает модальный глагол *müssen,* попадает в область действия оператора времени Präsens и имеет формальные показатели времени в соответствующей форме спрягаемого глагола.

Структуру деонтической конструкции можно рассматривать как полипредикативную по аналогии с алетическими конструкциями (ср. о двух предикациях в структуре алетических конструкций [1, с. 94–97]). В алетических структурах временной план модального показателя относится к плану настоящего не только формально-грамматически. Он семантически указывает на то, что субъект в состоянии осуществить действие, в том числе и в настоящий момент.

Деонтика как отношение к действию или состоянию ориентирована на создание нового положения дел, поэтому деонтическая конструкция, представляющая собой семантическое целое, с точки зрения темпоральной семантики относится к плану будущего. Ей ингерентно свойственно проективное значение, коррелирующее с областью предстоящего, потенциального, еще не осуществленного. В деонтических конструкциях необходимость реализуется не в момент произнесения высказывания, который и представляет настоящий план и совпадает со временем модальной квалификации действия. Сама же необходимость, т. е. ее реализация, актуализируемая деонтическим предикатом (так же, как и пропозициональное действие), относится к будущему. Отметим, что в немецком языке форма Präsens реализует в том числе значение будущего (футуральный Präsens) и используется при условии, когда уже в настоящем есть предпосылки для действия (план, программа и т.п.). В случае с деонтическим высказыванием речь идет о деонтическом источнике, т. е. в немецком языке на уровне грамматической формы модального предиката уже реализуется семантика проективности.

Дифференциальным смысловым компонентом, позволяющим классифицировать деонтические конструкции, представленные формально-грамматически в настоящем времени, выступает локализованность/нелокализованность необходимого действия во времени (ср. семантические типы предикатов [2, с. 49–58]). В свою очередь, конструкции, локализованные во времени, представляют собой дихотомию конструкций с семантикой *стандартной проективности*, с одной стороны, и конструкций *нестандартной локализации* – с другой.

2. Деонтические конструкции стандартной проективности

Конструкции стандартной проективности реализуются структурами не только с пропозициональными глаголами, обозначающими действия, но также глаголами, фиксирующими интеллектуальный процесс. Деонтические конструкции с пропозициональными глаголами действий и ментальных процессов можно представить в виде семантической оппозиции: *однократные – многократные/повторяемые*.

Кроме этого, в модальных конструкциях употребляются глаголы, номинирующие результат и состояние (ментальные и эмоциональные), в семантике которых соединяется результативное и экзистенциальное значение и содержится информация о сформированном в сознании субъекта знании, суждении, которое не актуализировано постоянно [3, с. 137], и они не могут быть рассмотрены с позиции обозначения действия, совершаемого в один или несколько приемов.

А. О д н о к р а т н а я необходимость действия реализуется с различной степенью определенности. Обозначая действие как необходимое, говорящий маркирует или конкретный, протяженный во времени отрезок, или точку на оси временного континуума, указывая на ближайшую, отдаленную либо неопределенную перспективу осуществления действия/последовательности действий:

Сегодня ***должны продлить*** *(или не продлить) нашу прописку здесь до сентября.* ***Я*** *сегодня* ***должен добиться увидеть или узнать****, где можно увидеть Верину знакомую учительницу, которая мне, может быть, поможет с этой 110й школой. Потом* ***я должен*** *(когда, не знаю)* ***достать*** *справку из домоуправления, что я здесь живу* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1, 1940) [НКРЯ].

В случае неопределенности/отсутствия определенного срока исполнения однократная необходимость либо имеет обобщенный характер, либо говорит о возобновляемой необходимости:

Старуха дала какой-то древний черно-белый фильм. Сказала, что ***я должен посмотреть*** (А. Геласимов. Нежный возраст, 2001) [НКРЯ];

– Благодарю, – сказал Лисс, – ***надо подумать****, дело очень серьёзное.* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 2, 1960) [НКРЯ].

Отметим, что структуры с интеллектуальными глаголами (*подумать, поверить/überlegen, denken, glauben* и др.), которые указывают на длительность протекания мыслительного процесса, на намерение совершить определенное действие, чаще всего оказываются темпорально неопределенными.

Конструкции возобновляемой необходимости при этом всегда расширяются маркерами однократного повтора необходимого действия *снова, еще раз/ wieder, noch einmal*:

„Norbert, ***du musst*** *wieder mal* ***ran****, du hast doch so viele Ideen“, sagt seine Frau Gertraude.* ‘«Норберт, ты должен сделать это снова, у тебя так много идей», – говорит его жена Гертрауда’(Berliner Zeitung, 24.02.2000) [DWDS].

Б. В случае п о в т о р я ю щ е й с я необходимости временные рамки будущего расширяются за счет возможной воспроизводимости одного и того же действия, при этом в семантику конструкции вовлекается и значение настоящего:

Ich muss *oft an diesen Satz* ***denken*** *und habe ihn schon öfter zitiert und werde das auch weiter tun* ‘Я часто вынужден вспоминать об этом предложении, я цитировал его не раз и буду продолжать это делать’(Rede von Heiko Maas, 18.12.2019) [DWDS].

Характерной особенностью деонтических конструкций с семантикой повторяющейся необходимости выступает их телеологическая обусловленность (*если P, то надо P* или *надо P, чтобы P*), которая определяет синтаксическое оформление конструкций, а именно использование сложноподчиненных условия и цели, например:

Чтобы обеспечивать график движения пассажирских поездов и не допускать переотдыхов, ***необходимо*** *ежедневно от двух до шести членов локомотивных бригад* ***направлять*** *пассажирами на ст. Усть-Катав* (Диктует экономика // «Локомотив», 2001.07.26) [НКРЯ].

В. Конструкции с глаголами состояний, ментальных (*знать, считать, верить/wissen, glauben, meinen, denken)* и эмоциональных, а также с глаголами, указывающими на результат интеллектуальной деятельности (*понять/ verstehen, begreifen* и др.), характеризуются темпоральной неопределенностью: *ich muss mich beruhigen* ‘я должен успокоиться’; *du must wissen, was du willst* ‘ты должен знать/понимать, что ты хочешь’; *надо понять, что случилось*; *ты должен верить в это*. Как отмечает З. Вендлер, у данных глаголов нет четкого начала и завершения осуществления действия [4, с. 40]. Деонтическая конструкция имплицирует то, что модальный субъект до времени наступления деонтической ситуации не находился (-ится) в состоянии, но оно ожидается от него.

В этой связи отметим, что перволичные конструкции с ментальным глаголом *знать/wissen* в его лексико-семантическом варианте ‘иметь информацию, сведения’, которые получают расширение эпистемического глагола выражающим его дополнение придаточным предложением, не являются исключением и реализуют также неопределенную проспективность. Темпоральный план придаточного (ср.: *я должен знать, когда это* ***произойдет****; я должен знать, когда это* ***произошло****; я должен знать, что* ***происходит***) не связан с семантикой деонтической конструкции, а затрагивает временной аспект знания, представляемого эпистемическим глаголом.

2.1. Экспликация временной локализации

Семантика проективности позволяет говорящему встраивать в конструкции с глаголами действий и процессов различные факультативные компоненты, а именно темпоральные маркеры, конкретизирующие точку на временной оси будущего.

Актуализация темпоральной определенности однократного необходимого действия осуществляется в поверхностной структуре при помощи детерминативов, фиксирующих

• ближайшее или немедленное будущее (*сейчас, немедленно, незамедлительно, срочно, сию минуту* и т.п.; *jetzt, gleich, sofort, umgehend, ohne Zeitverzug* и т.п.), которые кроме временной конкретизации увеличивают категоричность деонтического высказывания и подчеркивают важность самого действия;

• отсроченное будущее (детерминативы приблизительного или относительно определенного времени совершения действия: *теперь, скоро, завтра, сегодня, со временем, через+t* (час) и т.п.; *morgen, heute, bald* и т.п.; а также конкретное время суток, календарные даты).

Темпоральная конкретизация, а именно указание на немедленность выполнения действия становится возможной в диалогическом взаимодействии также благодаря дискурсивным показателям, “маркерам моментальности” (*стой(-те), подожди(-те), секунду / warte, warte mal, Warten Sie mal* и т. п.): *warte, ich muss [dringend] noch was holen; warte, ich muss dir unbedingt noch was zeigen, [hier]*, например:

– <u>Стойте</u>, ***надо вернуться****, – сказала Дарья Петровна. – Что случилось?* (М. Трауб. Не вся la vie, 2008) [НКРЯ].

Наличие распространителей, однако, не всегда гарантирует четкую темпоральную определенность. Такие детерминативы, как *сейчас* (‘в настоящее время; в данный момент; немедленно’) / *jetzt* (‘in diesem Augenblick; heute, heutzutage’), реализуют как семантику ближайшей проективности, так и отсроченного будущего с приблизительным сроком выполнения. В таком случае только контекст или речевая ситуация позволяет определить временные границы.

Проспективная семантика деонтической конструкции обусловливает избыточное использование дополнительного грамматического индикатора футуральности. Однако если в речевой ситуации фиксируется семантика отнесенности необходимости действия или последовательности действий к отдаленному будущему, то футуральная форма деонтического предиката является в русском языке семантизированной и обязательной. Ср. конструкции отдаленного и ближайшего будущего:

Только одна мысль омрачала мое ночное путешествие. Скоро ***надо будет ехать*** *в Москву. И это сейчас, в разгар лета*! (Д. Ульянов. Инопланетяне, 2007 // «Волга», 2012) [НКРЯ];

Мне *скоро* ***надо уезжать*** *на аэродром, а я сижу взаперти* (Т. Шмыга. Счастье мне улыбалось..., 2000) [НКРЯ].

Кроме этого, конструкции маркируются темпорально также с точки зрения следования одного действия за другим (*сначала*, *сперва, теперь*, *потом, затем*; *erstmal, später, künftig, nachher, danach, dann* и т.п.) либо с позиции одновременности действий или событий (*в течение/während*, темпоральные придаточные). Например:

Вы должны внимательно слушать *все вопросы и ответы в течение всего процесса* (Лед тронулся // «Газета», 2003.07.02) [НКРЯ];

Während des Spiels ***muss man vergessen****, dass es um viel Geld geht* ‘Во время игры надо забыть, что речь о больших деньгах’ (Die Zeit, 13.12.2017, Nr. 51) [DWDS];

У меня еще не записаны сольные сюиты Баха. И это ***я обязан записать****, пока еще технически чувствую себя крепко на виолончели…* (Т. Грум-Гржимайло, М. Ростропович. Пока я жив – играю... // «Огонек», 1991, № 13) [НКРЯ].

Временная неопределенность эксплицируется маркером *когда-нибудь/ irgenwann, ein (mal)*, например:

Er kassiert einen wahren Strom von Schmiergeldern. Aber ***du musst*** *irgendwann* ***erklären****, woher du es hast!* ‘Он берет кучу взяток. Но в конце концов тебе придется объяснить, откуда ты это взял!’ (Die Verurteilten, 1994, Filmuntertitel) [DWDS].

Актуализация повторяющейся необходимости является обязательной и происходит путем дополнения деонтических конструкций такими факультативными компонентами, как *много раз, ежедневно, постоянно, снова и снова/ mehrmals, oft, immer wieder* и т.п., например:

Особенно ФУНТИКИ, они круглые, как колобки, и у них синие, веселые глаза, и маленькие розовые ушки, и они ничего не понимают, им ***надо все*** *по сто раз* ***объяснять****…* (Н. Садур. Занебесный мальчик, 1992) [НКРЯ].

3. Деонтические конструкции нестандартной локализации

При общей тенденции к двойственности темпорального плана деонтических конструкций существуют два типа структур, для которых принцип проективности не работает, они не ориентированы в будущее. Это конструкции с перволичным субъектом (*я/ich, мы/wir*) и коммуникативными глаголами и конструкции с ментальным глаголом *знать*, реализующим лексико-семантический вариант ‘иметь специальные познания в какой-либо области, разбираться в чем-то’.

Деонтический, модальный, предикат образует с некоторыми перформативными и даже не перформативными глаголами такое сочетание, которое способно выступать в качестве перформативной формулы [5; 6, с. 136; 1, с. 96]: *я должен сказать, что…= я должен + я говорю*. Это происходит благодаря тому, что данные конструкции характеризуются совпадением времени говорения и времени действия (эквитемпоральностью), автономинативностью (называнием самого себя), эквиакциональностью (равенством действию) [7, с. 59–60].

Скрытыми перформативными формулами, реализующими семантику сообщения, оказываются также второличные конструкции с ментальным глаголом *знать/wissen* и его пропозицией, выраженной придаточным изъяснительным (*ты/вы должен знать/wissen, что/dass …*, в том числе и бессоюзно) (см. [8, с. 422]), демонстрируя параллельность времени говорения и речевого действия:

Sie müssen wissen*, daß ich bis dahin noch nie ein Hotel, auch kein viertklassiges, von innen gesehen hatte* ‘Вы должны знать, что до тех пор я никогда не видел отеля изнутри, даже четвертого класса’(Schulze, Ingo: Neue Leben, Berlin: Berlin Verlag 2005, S. 183) [DWDS];

Ты должен знать*, что это было нелегким решением для меня, Алекс.* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль, 1997) [НКРЯ].

В случае с ментальным глаголом *знать/wissen* в деонтическом высказывании указывается на стабильное устойчивое знание субъекта, обусловленное деонтическим источником: *я/ты/он должен знать P* = ‘*я/ты/он должен’* + ‘*я/ты/он знаю/-ешь/-ет P*’. Факт знания реализуется последующим высказыванием с немодализированным ментальным глаголом:

Wie denn ein Mensch über den Verlust eines Tieres oft mehr trauert als über den eines Menschen. Ich bin Arzt, ***ich muss es wissen****, ich weiß es* ‘Человек часто оплакивает потерю животного больше, чем потерю человека. Я врач, я должен это знать, я знаю’ (Schuder, R. Agrippa und Das Schiff der Zufriedenen, Berlin u. a.: Aufbau-Verl. 1987 [1977], S. 146) [DWDS];

Да, Диканька ***должна знать*** *и знает Гоголя, у нас неграмотных, кажется, совсем нет* (В. А. Гиляровский. По следам Гоголя, 1899–1935) [НКРЯ].

4. Темпорально нелокализованные конструкции

Признак узуальности ведет к нейтрализации семантики будущности деонтической конструкции: необходимое действие лишено временной конкретности осуществления и включается в темпорально неопределенный ряд его повторений. Вневременной характер необходимости обусловливает «втягивание» в темпоральную семантику конструкции планов прошлого, настоящего и будущего: *надо уважать старших/ты должен уважать старших [и вчера, и сегодня, и завтра]*. Такие конструкции основаны на универсальном источнике и характеризуются презумптивным темпоральным компонентом *всегда*, что отличает узуальные конструкции от конструкций многократной необходимости (ср. *всегда, вечно* ↔ *ежедневно*), в которые подобный компонент не встраивается:

Man muss *immer die andere Seite* ***hören*** ‘Надо всегда слушать и другую сторону’ (Die Zeit, 01.07.2017, Nr. 27) [DWDS].

Локализация во времени узуальных конструкций, или соотнесение с прошлым или будущим приводит к обогащению их семантики негативной оценкой, ср.: *дорогу надо переходить на зеленый* (правило) – *надо было переходить на зеленый* (упрек, сожаление) – *надо будет на зеленый переходить [впредь/в следующий раз]* (сожаление в связи негативным опытом от несоблюдения правила).

5. Отнесенность конструкции к прошлому

Конструкции с деонтическим предикатом в форме прошедшего времени используются в нарративном режиме при повествовании о прошлых событиях, а также при сопоставлении прошлых и нынешних событий (*тогда/раньше* vs. *сейчас*). Например:

Нравилась тебе поэма «Двенадцать», не нравилась, ***ты должен был знать****, что она обличает царизм и воспевает революцию* (А. Найман. Рассказы о Анне Ахматовой, 1986–1987) [НКРЯ];

Früher ***musstest du*** *dir deine Linie selber* ***suchen****, da hast du dann die entscheidenden Sekundenbruchteile herausgefahren, aber heute fahren die ja praktisch alle die gleiche Linie* ‘Раньше ты должен был искать свою линию, поэтому и удавалось получать решающие доли секунды, а сегодня практически все идут по одной линии’ (Der Tagesspiegel, 08.02.2004) [DWDS].

Особенностью семантики деонтических маркеров выступает выражение только необходимости действия без указания на его фактическое выполнение. Однако в прямой речи деонтические конструкции с предикацией к прошлому употребляются говорящим для фиксации факта достижения/недостижения цели (*надо было думать = ты не думал*), указывая на действия, которые не материализовались. Поскольку необходимое действие воспринимается как некий эталон, как положительно оцениваемая активность, то деонтическое высказывание с предикацией к прошлому используется в контекстах с аксиологически полярными смыслами, а именно позитивной или негативной оценкой. Для уточнения знака оценки расширяется контекст деонтического высказывания, чаще всего правый.

В случае позитивной оценки деонтическое высказывание сопровождается фактуальным высказыванием, указывающим на совершение необходимого действия: *я должен был сделать и сделал*. Например:

«Но помните, я победил на выборах 2016 года с помощью интервью, речей и соцсетей. ***Я должен был побороть*** *фейковые новости, и я это сделал. Мы продолжим побеждать!» – написал Трамп* (Трамп задумался о переименовании CNN в «мошеннические новости» // lenta.ru, 2017.07.02) [НКРЯ].

Если речь идет о негативной оценке, то модальная конструкция включается в состав сложносочинительной синтаксической модели с двумя типами противопоставления: противительно-уступительными структурами с союзами *но/aber, doch* и контрастно-сопоставительными структурами с союзом *а/aber*.

В случае уступительного противопоставления правая часть синтаксической модели демонстрирует признание говорящим факта невыполнения, т. е. нарушение обязанности (*должен был сделать А, но не сделал А*), что вызывает сожаление и порицание (*то, что ты должен был сделать, это хорошо, но ты не сделал, и это нехорошо*). Отметим, что порицательная сила, интенсивность, конструкции различна и зависит от того, нанесло ли невыполнение ущерб только самому деонтическому субъекту или вред причинен другому лицу или социальной группе, ср.:

Ты должен был найти меня*, чтобы перейти на новый уровень. К сожалению, у тебя не получилось* (В. Спектр. Face Control, 2002) [НКРЯ];

Он получил большой срок, а я не вмешался, я ***должен был*** *тогда* ***вмешаться****, думал об этом, но ничего не сделал* (Р. Медведев. Из воспоминаний об А. Д. Сахарове, 2002) [НКРЯ].

Противительная часть реализует также объяснительную задачу: говорящий сообщает, почему действие не реализовано (*должен был сделать А, но сделать А не позволили объективные условия*). Вторая часть сочинительного предложения выполняет роль «(само-)оправдания, аннулирующего и деонтику, и иллокутивную силу обвинения» (см. [9, с. 32]):

Ich musste *mehr* ***trinken****, aber ich konnte einfach nicht* ‘Ему надо было больше пить, но он просто не мог’ (Berliner Zeitung, 23.07.2001) [DWDS];

Michael hat sehr hart hinter dem Safety Car gebremst. ***Ich musste*** *nach rechts* ***ausweichen****, aber da war letztlich nicht genug Platz, so haben wir uns berührt* ‘Майкл очень резко затормозил за машиной безопасности. Мне пришлось свернуть вправо, но в итоге места не хватило, поэтому мы коснулись’(Berliner Zeitung, 25.05.2004) [DWDS].

Аргументирующее противопоставление реализуется не только в рамках линейного развертывания высказывания, но и в диалоге, когда адресат подхватывает реплику речевого партнера и сам обосновывает невозможность выполнения им необходимого действия. В этой связи Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что «обвинение не может быть предъявлено, если говорящий знает, что предотвратить невыполнение было не во власти обвиняемого» [9, с. 32]. Например,

– ***Я должен был это сделать*** *гораздо раньше.*

– *Но ты был болен! У тебя есть справка от врача.*

– *Прекрасное объяснение! У тебя есть справка от врача.*

– *Прекрасное объяснение*! (А. Чаковский. Блокада, 1968) [НКРЯ].

Контрастная пара в сложносочинительном предложении демонстрирует противопоставление положительно оцениваемого неосуществленного необходимого действия и отрицательно оцениваемого иного осуществленного (*должен был сделать А, что было бы хорошо, но сделал Б, что нехорошо*):

Как старший ***он должен был прикрывать*** *спину брата, а не вонзать в нее нож* (А. Гусев. «Выдающийся футболист, но не мужик» // lenta.ru, 2019.11.29) [НКРЯ];

Он приходил сюда с хорошим чувством! ***Ты должен был понять*** *его, а ты был жесток с ним* (А. П. Чехов. Безотцовщина, 1878) [НКРЯ].

Вторая, противительная, часть может опускаться либо получать другие формы выражения. Негативно-оценочный характер деонтической конструкции, реализованной в прошедшем времени, поддерживается также различными факультативными компонентами, такими как оценочные маркеры (*к сожалению, жаль*; *leider*), усилительные частицы (*хоть, же/denn, doch*) и отсылающие к прошлому темпоральные наречия (*раньше/früher, тогда, сперва, сначала*). Отметим, что при наличии факультативных маркеров противопоставительная часть сложносочиненного предложения чаще всего опускается. Например,

«Надо было *хоть адрес* ***записать****, – сказал я раздражённо, – полные идиоты»* (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья, 1985) [НКРЯ].

Кроме этого, в случае негативной оценки левый контекст деонтического высказывания расширяется

• различными негативно-оценочными суждениями (*стыдно, виноват (сам виноват), это было неправильно, ты/я сделал ошибку* и т.п.):

*Ты совершил ошибку****. Тебе нужно было жениться*** *на Фене. Ты предал нашу любовь. Видеться мы больше не должны* (М. Л. Халфина. Милочка, 1970–1980) [НКРЯ];

• вопросительными высказываниями, свидетельствующими о непонимании (*зачем, почему*):

– *Зачем ты говоришь это мне?* ***Тебе нужно было сказать*** *это маме. – Именно поэтому и говорю тебе, что ей не сказал* (М. Шишкин. Письмовник, 2009 // «Знамя», 2010) [НКРЯ].

Таким образом, деонтические модальные конструкции отличаются сложностью и вариативностью своих темпоральных характеристик. Особенностью деонтических конструкций является их одновременная отнесенность сразу к двум временным планам – с одной стороны, к плану настоящего, что находит отражение в формально-грамматической локализации конструкций долженствования, с другой – к плану будущего, что обусловлено семантикой деонтики, отражающей направленность на создание определенного положения дел в будущем.

При этом конкретное наполнение деонтической конструкции (и, в первую очередь, семантические особенности входящего в ее состав смыслового инфинитива) способно привносить в отмеченные временные отношения определенные нюансы и даже существенно модифицировать эти отношения. Дифференциальным признаком при рассмотрении темпоральной семантики деонтических конструкций выступает признак локализованности/нелокализованности необходимого действия на временной оси будущего.

Нелокализованные конструкции предполагают наличие универсального модального источника и презумпции постоянной, устойчивой и, соответственно, вневременной необходимости, что обусловливает вовлечение в семантику конструкции всех трех временных планов (прошлого, настоящего и будущего).

Локализованные конструкции могут реализовать стандартную и нестандартную проективность. Стандартная проективность характерна для конструкций со значением однократной и повторяющейся/многократной необходимости. Нестандартная проективность демонстрирует совпадение времени говорения и времени действия и представлена в двух типах высказываний: в перформативных формулах и конструкциях необходимого устойчивого знания.

Усложнение деонтической конструкции эксплицитными показателями грамматического прошедшего или будущего времени предполагает ее семантико-прагматическое обогащение (в частности, за счет аксиологических смыслов).

Рассмотрение темпоральных характеристик деонтических конструкций в двух языках позволяет констатировать их идентичность в плане прагматических и семантических свойств и незначительные различия в формальной реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зализняк, А. А*. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. – М. : Наука, 1989. – С. 92–116.

2. *Булыгина, Т. В*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1997. – 576 с.

3. Семантические типы предикатов / Т. В. Булыгина [и др.]; отв. ред. О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1982. – 365 с.

4. *Vendler, Z.* Res cogitans : an essay in rational psychology / Z. Vendler. – Ithaca ; London: Cornell univ. press, cop. 1972. – 225 с.

5. *Апресян, Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре : в 2 т. / Ю. Д. Апресян // Избр. тр. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 199–219.

6. *Падучева, Е. В*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева ; отв. ред. В. А. Успенский. – Изд. 5-е, испр. – М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. – 291 с.
7. *Богданов, В. В*. Речевое общение : Прагматические и семантические аспекты : учеб. пособие / В. В. Богданов ; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. – Л. : ЛГУ, 1990. – 88 с.
8. *Апресян, Ю. Д.* Проблема фактивности: *знать* и его синонимы : в 2 т. / Ю. Д. Апресян // Избр. тр. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 405–434.
9. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 338 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 21.05.2021.

Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Online] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dwds.de. – Дата доступа : 12.06.2021.

Поступила в редакцию 25.02.2022

УДК 811.111.81’343.3

Цеханович Ирина Георгиевна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Tsekhanovich
PhD Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
Tsekhanovichirina82@mail.ru

СТРАТЕГИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(на материале зоонимов краудсорсинговых онлайн-словарей)

THE STRATEGIES OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS
(on the Data of Zoonyms in Crowdsourced Online Dictionaries)

В статье обосновываются актуальность и новизна исследования обыденных толкований как проявление метаязыковой деятельности носителей английского языка по данным краудсорсинговых онлайн-словарей. Анализ материала показал, что носители языка используют широкий спектр стратегий описания семантики зоонимов, среди которых наиболее частотной оказалась логическая. Выявлены такие специфические способы толкования, как ассоциативный и ономатопоэтический.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *краудсорсинговые онлайн-словари*; *метаязыковая деятельность*; *носитель языка*; *стратегии описания лексического значения.*

The article substantiates the relevance and novelty of the study of standard definitions as the manifestation of the metalinguistic activity of native English speakers, based on the data of crowdsourced online dictionaries. The analysis of the data shows that native speakers use a wide range of strategies to describe the semantics of zoonyms. The logical strategy appeared to be among the most frequent ones. The specific methods of making definitions were revealed, such as associative and onomatopoetic.

K e y w o r d s: *crowdsourced online dictionary*; *metalinguistic activity*; *native speaker*; *strategies of lexical meaning descriptions.*

Стремительное внедрение интернет-технологий вывело лексикографию на качественно новый уровень развития и вызвало появление нового типа лексикографической продукции – онлайн-словарей, в том числе и тех, суть которых заключается в краудсорсинговой природе словарного контента. Интернет-платформы такого типа предоставляют возможность любому пользователю пополнить словарь новой лексической единицей или поделиться своим видением значения уже существующей в словаре единицы.

Начиная с 1996 года такого рода словари появляются в различных сегментах Интернета (английский, русский, французский, немецкий, польский и пр.: Onlineslangdictionary.com, Wiktionary, Teenslang, Slovonovo, slanger.ru, JargonF, Superslang.de) и, как видно из приведенных названий порталов, в большинстве своем это словари сленга. Самым большим и популярным краудсорсинговым словарным ресурсом является Urban Dictionary (UD) [1],

который принадлежит англоязычному сегменту Интернета. Его вокабуляр по состоянию на 19.03.2019 составлял порядка 2 155 312 вокабул, т.е. «заголовков словарных статей» [2, с. 62], а дефиниционный фонд, по данным блога словаря [1], насчитывает более 12 миллионов дефиниций, постоянно изменяясь в сторону увеличения (ср. данные, полученные 19.02.2022: количество вокабул – 2 414 160) со средней скоростью прироста более 82 тыс. заголовочных единиц в год. Ежемесячно сайт посещают около 65 миллионов пользователей [3], 70 % которых – молодые американцы [4, p. 188].

Отличительной чертой данного ресурса можно назвать многоплановость его словника: наряду со сленговой широко представлена общеупотребительная лексика, термины из различных областей науки, имена собственные (антропонимы, топонимы и др.) [5], акронимы, инициализмы [4, p. 188] и др. Кроме этого, полное отсутствие редактирования авторских дефиниций[1] (в отличие от Macmillan Open Dictionary и Wiktionary) делает данный ресурс чрезвычайно привлекательным источником материала для лингвистических исследований в самом широком диапазоне (психолингвистика, когнитивная лингвистика, неология и пр.), так как предоставляет не ограниченный временем, не искаженный искусственно созданными условиями эксперимента доступ к наблюдению за наивной лингвистической деятельностью носителей языка. Об этом свидетельствуют многочисленные работы, рассматривающие различные лингвистические проблемы на материале UD, тем самым доказывая ценность его данных: UD использовался как источник доступа к моментально зафиксированным единицам сленговой лексики [6], в частности, исследовались функциональные особенности прецедентных антропонимов-сленгизмов [7], рассматривалась его потенциальная значимость для словарей, составляемых профессиональными лексикографами [5], а также проводилось сравнение с другими краудсорсинговыми словарями, напр. Wiktionary и Macmillan Open Dictionary [8]. Главным выводом, к которому пришли исследователи, стал тезис о том, что словари данного типа могут дополнять профессиональные лексикографические источники при описании семантики неологизмов.

Вместе с тем наибольший интерес в лингвистическом плане представляет исследование особенностей метаязыковой деятельности носителей языка, под которой понимают «различного рода рассуждения о языке, от простейших суждений о том, какое употребление является “правильным” и “неправильным” <…>, до сколь угодно сложных концептуальных построений, касающихся природы и строения языка и различных его компонентов» [9, с. 17]. В фокусе нашего внимания – важнейшая функция метаязыковой деятельности – функция толкования значения лексической единицы. Изучение именно этого проявления метаязыковой деятельности носителей языка дает возможность увидеть, какую информацию они вкладывают в значение

[1] Модераторы словаря могут либо принять, либо отклонить авторскую дефиницию. Внесение правок в толкования на данной платформе не предусмотрено.

лексической единицы, распознать коллективное и индивидуальное в значении слова [10], увидеть специфику культуры народа – носителя языка [11]. Исследование «наивных, обыденных» толкований и его результаты важны и могут находить практическое применение в решении извечной проблемы профессиональной лексикографии: сколько информации и какого типа необходимо и достаточно для создания адекватного толкования, о чем в свое время говорил У. Вайнрайх: «Все спорные, критериально значимые случаи должны верифицироваться путем опроса носителей языка»[1] [12, p. 33]. Изучение стратегий наивных толкований, под которыми будем понимать наиболее оптимальные, с точки зрения авторов словарных статей, способы раскрытия лексического значения единицы, может помочь в решении целого ряда лингвистических проблем: какая информация об именуемых лексическими единицами классах предметов, событий, явлений и т.д. наиболее частотна в дефинициях, какие факторы определяют выбор стратегии толкования носителями языка, какие причины влияют на вариативность структурных и содержательных характеристик дефиниций и др. Иными словами, результаты исследования стратегий толкования, несомненно, будут представлять ценность как для прикладных, так и для теоретических задач.

Данная статья ставит своей целью выявление стратегий лексикографического описания семантики лексических единиц, используемых в метаязыковой деятельности носителей английского языка. Под *лексикографическим описанием* (*дескрипцией*) понимается та часть словарной статьи, в которой автор стремится раскрыть значение лексической единицы. Данный термин в предпринимаемом исследовании будем употреблять синонимично с такими общепринятыми в лексикографии терминам, как *толкование* и *дефиниция*.

Последние несколько десятилетий наблюдается всплеск научного интереса к изучению стратегий обыденного толкования значений лексических единиц. Зарубежные ученые, в основном, прибегают к анализу обыденных толкований (folk definitions) в аспекте исследования бесписьменных языков коренных народов Америки, Африки и др. (напр., работы [13; 14]). В русскоязычной лингвистике накоплен богатейший опыт обращения к метаязыковым показаниям носителей диалектов с целью изучения и фиксации самобытного характера этой подсистемы языка [15; 16], выявления закономерностей толкования значения слов регионального характера детьми [17], предпринимаются исследования метатекстов как особой формы экспликации метаязыкового сознания носителя диалекта [18]. Изучение стратегий толкования проводится на материале узкоспециальной терминологии [19; 20]. Анализируются стратегии обыденного дефинирования с целью дальнейшего применения полученных данных в учебной лексикографии [21], при составлении толковых словарей общей направленности [22]. Лингвисты обращаются к данному объекту исследования для выявления факторов, детерминирующих

[1] «All interesting doubtful cases of criteriality should be verified by polling a sample of users of the language».

вариативность толкований [23]. Ряд ученых, как зарубежных [24], так и российских [25], сопоставляют профессионально созданные и обыденные толкования общеупотребительной лексики, которые представляют собой в большей мере метаязыковой комментарий, инкорпорированный в публицистические статьи, телеречи, разговорные диалоги, когда необходимо устранить явное или потенциальное непонимание, возникающее в процессе трансляции информации или общения. Подчеркивая в основном ситуативный характер обыденных толкований, их краткость, так как профилируется один из компонентов значения, необходимый в данном конкретном контексте для решения коммуникативных целей взаимопонимания, авторы уходят от решения более глубоких и серьезных аспектов метаязыковой деятельности.

Давая общую положительную оценку этим исследованиям, мы ставим в центр наших научных интересов проблему выявления универсальных и специфических закономерностей, по которым разворачивается процесс толкования (как обыденного, так и профессионально созданного) в условиях так называемого «контекстуального вакуума», что стало возможным только с появлением краудсорсинговых словарей. В нашу программу входит задача установления сходств и различий в реализации стратегий обыденного и профессионального толкований, выявления концептуально значимой информации, которую вкладывают носители языка в значения лексических единиц, и т.д. Кроме этого, до настоящего времени краудсорсинговые словари служили источником материала для изучения отдельных подсистем языка (сленговая лексика), в то время как в нашей работе анализу подвергаются единицы ядерной лексики. Результаты исследования, проведенного на материале, который характеризуется высокой частотностью, по нашему мнению, будут иметь неоспоримую ценность, так как предоставят сведения об основном словарном фонде языка с позиций рядовых его носителей.

Материалом первого этапа нашего исследования, который является объектом описания в данной статье, послужили дескрипции зоонимов, входящих в первые 5 тысяч наиболее частотных слов английского языка (по данным Corpus Of Contemporary American English [26]). Зоонимами считаются те лексические единицы, в семантике которых присутствуют референтные признаки ‘живое существо’ и ‘не человек’ [27, с. 127]. Полученный список составил 35 лексических единиц, которые верифицировались на их наличие в UD. Далее осуществлялся отбор дефиниций, в которых обнаруживалось раскрытие основного значения. В результате предпринятых процедур количество лексических единиц составило 28, а количество их лексикографических описаний – 934. Таким образом, в исследуемой группе оказались наименования животных (*dog, cat, pig, tiger, wolf* и др.), рыб (*fish, salmon, shark*), птиц (*bird, duck, turkey, chicken* и др.) и насекомых (*bee*). Наибольшее количество дефиниций выявлено у вокабул *cat* (308 дефиниций) и *dog* (143), занимающих в списке пятую и первую позиции, соответствующие рангу их частотности. По одной дефиниции у вокабул *bull* и *eagle,* расположенных на 15-й и 16-й позициях. Количество дефиниций у остальных

вокабул варьируется от 2 до 43 и распределено хаотично по списку, т. е. влияние ранга частотности слова на метаязыковую активность носителей языка не существенно. Можно предположить, что одним из мотивов, побуждающих многочисленных авторов словаря к толкованию, является наличие контакта, тесного взаимодействия, эмпатии, испытываемой человеком к сущности, поименованной словом.

Профессиональная одноязычная лексикография располагает набором разработанных и обоснованных способов толкования, к которым предъявляются достаточно жесткие требования при составлении толковых словарей. Среди основных, универсальных способов называют *логический, описательный*, *синонимический* и *отсылочный* (см. работы Д. И. Арбатского, Ю. Д. Апресяна, В. П. Денисова, В. Г. Гака, В. В. Морковкина, С. Аткинс, Л. Згусты, У. Вайнрайха, М. Рандэлла и др.). Суть л о г и ч е с к о г о способа заключается в двухступенчатом описании значения: установление принадлежности объекта к тому или иному роду/классу, для чего используются так называемые слова-классификаторы, и перечисление признаков (конкретизаторов), способных дифференцировать объект, обозначенный той или иной лексической единицей, от других, принадлежащих данному классу. О п и с а т е л ь н ы й (денотативный) способ подразумевает перечисление признаков денотата лексической единицы без упоминания классификатора. С и н о н и м и ч е с к и й (эквивалентный, лингвистический) способ сводится к подбору синонима или ряда синонимов к заголовочной единице. О т с ы л о ч н ы й способ предполагает переадресацию обращения пользователя к другой словарной статье. Последние два типа дефиниций существенно отличаются и в определенном смысле противопоставлены логическому и описательному, которые ориентированы на раскрытие значения при помощи вербального портретирования денотата, в то время как синонимический и отсылочный типы толкований направлены на отражение системных отношений в лексике [18, с. 31].

Разрабатывая типологию стратегий обыденного толкования, исследователи опираются на классификацию способов дефинирования, существующую в традиционной лексикографии, при этом отмечают наличие *ассоциативной* стратегии, не характерной для толковых словарей, но встречающуюся в обыденных дескрипциях. Суть ее заключается в приведении ассоциаций, вызванных у носителя языка словом-стимулом [18; 21; 22; 23]. Данная стратегия обращена к субъективному мировидению, когда толкование значения осуществляется свозь призму личностного восприятия действительности и может носить сугубо индивидуальный, отклоняющийся от стандартов, закрепленных в сознании носителей языка, характер [28].

В результате проведенного исследования были выявлены следующие закономерности обыденного толкования лексических единиц. Носители языка, фиксирующие результаты своей метаязыковой деятельности в краудсорсинговых словарях, используют как типичные для традиционной лексикографии стратегии дефинирования, так и те, которые в конвенциональных толковых словарях не встречаются (таблица).

Стратегии обыденного описания лексического значения зоонимов

Стратегии	Удельный вес, %	Лексические единицы, значение которых эксплицируется
Логическая	55,6	Все лексические единицы
Смешанная[1]	36,7	Все лексические единицы
Описательная	3,5	*Dog, bird, horse, cat bear, mouse, tiger, rat, bat, monkey*
Ономатопоэтическая	2,6	*Dog, cat, chicken, bear, pig, cow, duck, snake, bee*
Ассоциативная	1,4	*Dog, bird, pig, cat, cow, snake, turtle*
Синонимическая	0,2	*Dog, pig, monkey*

Как явствует из таблицы используемых респондентами стратегий толкования, самой частотной оказалась л о г и ч е с к а я, которая применяется как самостоятельная стратегия (55,6 %), так и в составе смешанного типа (94 %), когда сочетаются несколько способов описания значения.

При реализации логической стратегии классификаторами чаще всего выступают единицы суперординатного уровня (41 %), самым частотным (36 %) среди которых оказалось слово *animal*: *bear – 1. Animal that will maul you to peices*[2], а также единицы, заимствованные из научной таксономии (15 %): *cow – (N.) A domesticated* ***bovine*** *of either sex or any age.* Вместе с тем выявлены классификаторы с «широкой понятийной основой» (в терминологии А. А. Уфимцевой): *fish –* ***Something*** *that lives in water and will die without water*; а также единицы субординатного уровня: *cat – Cute little* ***kitties*** *that go meow but if you treat them badly, HISS!*

В качестве конкретизаторов авторы словарных статей используют самые разнообразные сведения об описываемой сущности: особенности биологического вида (в 17 % дефиниций): *bird – A animal that* ***can fly***; поведенческие (11 %): *dog – a beautiful protective animals* ***LOVE to run, chase mail men, and chase squrrle***; утилитарные (10 %): *cow – An animal* ***that gives milk from its 6 tits***; локативные (9%): *lion – An orange/brownish color wild cat that has a* ***natural habitat in Africa and India***. характеристики. Однако чаще всего (53 %) носители языка используют *перцептивный* тип информации, представленный широким диапазоном сведений, затрагивающих практически все «модусы перцепции» [29, с. 40] (зрительный: *cat – An animal with* ***pointy short ears, long tail, and paws with nails***; звуковой: *chicken – An animal that* ***goes bok bok bok***; тактильный: *fish – something thats* ***slimy*** *and flops everywhere*; обонятельный:

[1] Доля стратегий, входящих в состав смешанной: логическая – 94 %, описательная – 84 %, ассоциативная – 3,8 %, синонимическая – 2,9 %, ономатопоэтическая – 0,6 %.

[2] Все примеры приводятся в их авторском исполнении, без орфографических, грамматических, пунктуационных и других правок.

dog – an animal with 4 legs and ***bad breath***, при этом отдают предпочтение описанию внешних характеристик (строение тела, его покровы, размер и комплекция, окраска, санитарно-гигиеническое состояние).

Отметим, что в реестре логических дескрипций выявлены такие, в которых обнаружены девиации от общепринятых в традиционной лексикографии стандартов построения логических дефиниций, а именно указание на принадлежность классу и перечисление отличительных признаков. Толкования, где есть отклонения от одного из этих параметров, назовем *квазилогическими*. К ним отнесем: а) дескрипции, в которых предикат логической дефиниции не выполняет свою главную функцию – соотнесение с классом: *cat –* ***Ninjas*** *in fur suit with knives hidden in the paws*; б) описания, в которых конкретизаторы сообщают информацию прагматического, оценочного характера, но не содержат семантических данных: *turkey –* ***A rather amusing*** *animal*; *cat – Cats are lovable creatures and are* ***I kinda like em***; в) толкования, в которых конкретизаторы содержат ложную информацию: *cat – Amazing fluffy demons* ***who rule the world by using humans as their puppets***. К квазилогической стратегии отнесем также дескрипции, содержащие лишь классификатор, т.е. имеющие не полную, а усеченную структуру: *snake – a reptile; duck – it's a bird.*

Следующая по частотности использования – с м е ш а н н а я стратегия (36,7 %). В исследуемом материале выявлены 24 различные комбинации, что говорит о стремлении многочисленных авторов словарных толкований всевозможными способами раскрыть значение лексической единицы. Однако преобладает сочетание логической и описательной стратегий (75 %): *snake – A reptile animal that slithers on the ground, making a hiss noise with his slender, two edged tongue* (логическая стратегия); *They have scaly skin and feed on prey, as large as a mouse, and swallow it whole. They can also attack humans. Their environment can mostly be in the woods* (описательная стратегия). Примечательно, что как отдельная, самостоятельно используемая о п и с а т е л ь н а я стратегия применяется лишь в 3,5 % случаев и представляет собой пространный текст (ср. среднее количество слов в дефинициях логического типа – 13, а описательного – 34), содержащий, в основном, перцептивную информацию об описываемой сущности: *dog – a* ***very fluffy soft or not soft they can be small or big*** *they also a man's best friend.* Очевидно, что носители языка видят необходимость употребления как классификаторов, так и конкретизаторов при толковании лексического значения зоонимов, в связи с чем отдают предпочтение использованию логической и смешанной (логической + описательной) стратегиям. В подтверждение этого тезиса говорит и тот факт, что данные способы обнаружены при толковании всех лексических единиц, включенных в данную группу, что может свидетельствовать об их универсальном характере при дефинировании зоонимов.

Стоит заметить, что носители языка в стремлении точно и ёмко описать лексическое значение слова используют стратегии, которые с точки зрения формальных показателей, таких как количество слов, входящих в дефиницию, являются более экономными, чем описанные выше. Так, в исследуемом материале выявлены ономатопоэтическая, ассоциативная и синонимическая стратегии. О н о м а т о п о э т и ч е с к а я стратегия (2,6 %) считается «экзоти-

ческой», так как ни в традиционной лексикографии, ни в исследованиях, организованных на экспериментальной основе, она не упоминается. Суть ее заключается в профилировании перцептивного звукового признака путем графической (буквенной) передачи характерных звуков, порождаемых представителями фауны (*cat – meow; dog – woof, woof; cow – mooo, duck – quack; pig – oink*). Чаще всего респонденты используют данную стратегию для толкования единиц (см. таблицу на с. 47), которые обозначают существ знакомых, находящихся в непосредственной близости или совместно проживающих с человеком, артикуляционный аппарат которого способен передавать уникальные звуки, производимые представителями фауны.

А с с о ц и а т и в н а я стратегия (1,4 %) эксплицирует значение при помощи метафоры (*cat – just a demon; ninja; dog – man's best friend; snake – rope*), метонимии (*cow – raw burger, pig – pork on legs*) либо противопоставления (*cat – not a dog; dog – not a cat*). Выбор ассоциативной стратегии может быть обусловлен характером лексических единиц (см. таблицу на с. 47), обозначающих существ, которые являются обладателями уникальных перцептивных свойств или важны для человека в свете выполняемых ими функций (утилитарная, эмоциональная), что побуждает носителя языка выразить свое субъективное видение описываемой сущности.

С и н о н и м и ч е с к а я стратегия выявлена в единичных случаях (0,2 %): *pig – swine, monkey – ape, dog – Doggo, pup, pupper, doggie, doggle, woofle*, что связано с типом лексических единиц, которые Н. Д. Арутюнова относит к идентифицирующим словам, компоненты значения которых гетерогенны. О синонимии среди таких слов можно говорить только в случае «разных имен одного референта» [30, с. 333].

Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что в поиске наиболее оптимальных способов раскрытия значения носители языка применяют широкий спектр стратегий для дефинирования лексических единиц одной лексико-семантической группы. Выбор той или иной стратегии детерминирован характером лексической единицы (идентифицирующие слова, именующие полипризнаковых сущностей), а также личностным отношением авторов словарных статей к описываемому объекту. Носители английского языка отдают предпочтение логической и смешанной (логической + описательной) стратегиям толкования, что доказывает тот факт, что эти способы являются наиболее эффективными для толкования слов анализируемой лексико-семантической группы. Напротив, описательная и противопоставленные ей по количеству входящих слов ассоциативная, ономатопоэтическая и синонимическая стратегии, судя по частотности их применения, оказались малоэффективными, так как являются либо неэкономными, либо не точно и не полно описывают лексическое значение вокабулы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Urban Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.urbandictionary.com. – Date of access : 15.02.2022.
2. *Жеребило, Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пидигрим», 2010. – 486 с.

3. *Ro, Ch.* How linguists are using Urban Dictionary [Electronic resource] / Ch. Ro // JSTOR Daily. – Mode of access : https://daily.jstor.org. – Date of access : 15.02.2022.
4. Global English Slang. Methodologies and Perspectives / ed.: J. Coleman. – London : Routledge, 2014. – 255 p.
5. *Nguyen, D.* Emo, love and god: making sense of Urban Dictionary, a crowd-sourced online dictionary [Electronic resource] / D. Nguyen, B. McGillivray, T. Yasseri // Academia. – Mode of access : https://www. academia.edu. – Date of access : 05.02.2020.
6. *Swerdfeger, B. A.* Assessing the viability of the Urban Dictionary as a resource for slang [Electronic resourse] / B. A. Swerdfeger // SemanticScholar. – Mode of access : https://www.semanticscholar.org. – Date of access : 30.11.2021.
7. *Дубровская, Д. А.* Функциональные особенности прецедентных антропонимов-сленгизмов в интерактивном онлайн-словаре URBAN DICTIONARY : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Д. А. Дубровская ; ФГБОУ ВПО «Мордовский гос. ун-т». – М., 2015. – 16 с.
8. *Rundell, M.* Crowdsourcing, wikis, and user-generated content, and their potential value for dictionaries [Electronic resource] / M. Rundell // ResearchGate. – Mode of access : https://www.researchgate.net. – Date of access : 05.02.2022.
9. *Гаспаров, Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
10. *Стернин, И. А.* Психологически реальное значение слова и его изучение / И. А. Стернин // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981. – С. 116–122.
11. *Wierzbicka, A.* Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma Publishers, Inc., 1985. – 368 p.
12. *Weinreich, U.* Lexicographic definition in descriptive semantics / U. Weinreich // International Journal of American Linguistics. – Baltimore : Indiana Univ. at the Waverly Press. – 1962. – P. 25–43.
13. *Bowern, C.* Linguistic fieldwork. A practical guide / C. Bowern. – 2nd ed. – N. Y. : Palgrave Mcmillan, 2015. – 285 p.
14. *Dingemanse, M.* Folk definition s in linguistic fieldwork [Electronic resource] / M. Dingemanse // ResearchGate. – Mode of access : https://www.researchgate. net/publication/300337828_Folk_definitions_in_linguistic_fieldwork. – Date of access : 05.02.2022.
15. *Бондаренко, Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Д. Бондаренко. – Екатеринбург, 2015. – 371 л.
16. *Магазеева, Е.А.* Семантическое описание предметного слова (словарные дефиниции областного словаря на фоне данных диалектной речи): дис. … канд.филол.наук: 10.02.01 / Е. А. Магазеева. – Псков, 2000. – 353 л.
17. *Магерамова, Ю. Ю.* Семантизация слов, называющих реалии крайнего северо-востока России (на материале экспериментального исследования детской речи) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Ю. Магерамова ; Северный междунар. ун-т (г. Магадан). – М., 2006. – 22 с.

18. *Ростова, А. Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Ростова ; Кемер. гос. ун-т. – Томск, 2000. – 40 с.
19. *Голев, Н. Д.* Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста / Н. Д. Голев // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2. – С. 5–15.
20. *Воробьева, М. Е.* Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Е. Воробьева. – Кемерово, 2014. – 164 л.
21. *Левенталь, И. В.* Лингвистическая типология толкований слов в одноязычном учебном словаре русского языка для иностранцев : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Левенталь. – СПб., 2014. – 256 л.
22. *Белов, В. А.* Способы толкования лексического значения существительных / В. А. Белов // Верхневолжский филол. вестн. – 2018. – № 4 (15). – С. 83 – 91.
23. *Кузнецова, Т. Ю.* Стратегии семантизации слов носителями русского языка (экспериментальное исследование вариативности толкований) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Ю. Кузнецова; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2012. – 28 с.
24. *Stock, P.* The structure and function of definitions [Electronic resource] / P. Stock // European Association of Lexicography. – Mode of access : https://euralex.org/publications/the-structure-and-function-of-definitions/. – Date of access : 29.01.2022.
25. *Вепрева, И. Т.* О некоторых особенностях наивной лингвистики / И. Т. Вепрева // Русский язык сегодня: проблемы русской лексикографии. – М., 2004. – Вып. 3. – С. 55–64.
26. Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. – Mode of access : https:// www.english-corpora.org/coca. – Date of access : 18.02.2022.
27. *Арнольд, И. В.* Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного) / И. В. Арнольд. – Л. : Просвещение : Ленингр. гос. пед. ин-т, 1966. – 195 с.
28. *Кузнецова, Т. Ю.* Стратегии семантизации слов и факторы, детерминирующие их выбор [Электронный ресурс] // Т. Ю. Кузнецова // Киберленинка. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-semantizatsii-slov-i-faktory-determiniruyuschie-ih-vybor. – Дата доступа: 20.01.2022.
29. *Рузин, И. Г.* Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов / И. Г. Рузин // Вопр. языкознания. – 1996. – № 5. – С. 39 – 50.
30. *Арутюнова, Н. Д.* Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.

Поступила в редакцию 24.03.2022

УДК 811.111'373.421 + 811.161.3'373.421

Шкель Вероника Борисовна
старший преподаватель кафедры
английского языка международной
профессиональной деятельности
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Veronika Shkel
Senior Lecturer of the English Department
of International Professional Business
Belarusian State University
Minsk, Belarus
nika.galai@gmail.com

СИНОНИМИЯ АНАТОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ (на материале остеонимов)

SYNONYMS OF ANATOMICAL TERMS IN THE ENGLISH AND BELARUSIAN LANGUAGES (Based on Osteonyms)

Статья посвящена изучению синонимии анатомических терминов английского и белорусского языков (на примере костной системы). Рассмотрены источники и причины появления терминов-синонимов, выделены абсолютные и частичные синонимы, а также эпонимы. Исследуется структура синонимических рядов в зависимости от количества составных компонентов, указывается на значительное преобладание синонимических рядов с двумя терминами в их составе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *анатомическая терминология; синонимия; дублеты; варианты; модели синонимических рядов; эпонимы*.

The article is dedicated to the synonyms in anatomical terminology of the English and Belarusian languages (on the example of terms related to the osseous system). The sources of appearance of synonymic terminology are examined. There are absolute, partial synonyms and eponyms. Synonymic rows are studied according to the length of the row. The peculiarity of the analysed terminology is the prevalence of synonymic rows consisting of two terms.

K e y w o r d s: *anatomical terminology; synonyms; doublets; variants; models of synonymic rows; eponyms.*

Многие ученые занимаются исследованием синонимии в терминологии, однако до настоящего времени единое определение этого понятия отсутствует. По мнению И. В. Арнольд, синонимами называются слова, «различные по звучанию, относящиеся к одной части речи, имеющие одно или несколько сходных значений, которые, выражая одно понятие, могут отличаться дополнительными оттенками значения (выражающими различные дополнительные признаки понятия, или сопутствующие представления, или разную степень признака), эмоциональной или стилистической окраской, употреблением и сочетаемостью с другими словами в свободных и устойчивых словосочетаниях» [1, с. 296].

Неоднократно менялся подход к проблеме синонимии в процессе расширения знаний в области терминологии. Д. С. Лотте указывал на отсутствие синонимии в пределах определенной терминосистемы, рассматривая ее как нежелательное явление, чуждое терминологии [2, с. 15]. Позднее все же

признали, что термину «присущи те же лингвистические явления, что и любому другому слову общелитературного языка, следовательно, и явление синонимии» [3, с. 122].

Ученый А. А. Реформатский указывал, что «синонимы могут существовать в языке при соблюдении формулы: “то же, да не то же”, т.е. два слова, совпадая в одном, расходятся в другом. Если бы синонимы были целиком “то же”, то существование их потеряло бы смысл, это было бы не обогащение словарного состава, а, наоборот, его засорение» [4, с. 94].

Исследователи В. М. Лейчик, С. Д. Шелов, С. В. Гринев, В. А. Татаринов, Л. М. Алексеева, Н. В. Новодранова и другие в своих научных исследованиях расценивают терминологическую синонимию как положительный процесс, свидетельствующий о высоком уровне развития науки.

Синонимы в языке науки возникают постоянно. Основной причиной их возникновения является стремление авторов к тому, чтобы научный термин соответствовал общепринятому требованию к терминам, то есть точности, краткости, однозначности, терминологичности, возможности образования производных терминов и удобности в их употреблении [5, с. 16–17].

Ученый К. Я. Авербух указывает на три фактора возникновения синонимов:

1) активное заимствование, в результате которого в одной терминосистеме появляются синонимичные пары терминов, один из которых – исконный, а другой – заимствованный;

2) метонимическое употребление одного из терминов синонимической пары (или ряда);

3) наличие у изучаемой или осваиваемой реалии различных наименований в зависимости от того, с позиции какой предметной области она рассматривается [6, с. 44].

Источниками синонимии в терминологии медицины немецкого языка, согласно исследованиям В. В. Иванова, являются функционирование ареальных, диалектных, словообразовательных синонимов, наличие терминов-эвфемизмов, профессионализмов, устаревших, эпонимных и топонимных, заимствованных и исконных слов, заимствований из разных языков [7, с. 17–18]. С. Аниськова дополняет основные причины, вызвавшие синонимию: непосредственные соотношения лексем разных хронологических пластов (особенно это касается белорусского языка); стремление народного языка к удачному наименованию с выразительной внутренней формой; употребление терминологических единиц, различных в структурных отношениях; возможность различной мотивации терминологических номинаций [8, с. 109–110]. Немаловажной является семантическая недостаточность существующих терминов для номинации новых понятий в науке.

Большинство ученых выделяет в терминологии относительные и абсолютные синонимы. Терминологиям присуща абсолютная синонимия, что дает основание называть это явление терминологической дублетностью. По мнению Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобрина, терминологические дублеты –

это «слова или словосочетания, объединенные между собой терминологической соотнесенностью с одним и тем же научным понятием и объектом действительности» [9, с. 54]. Такого же определения дублетности придерживаются В. П. Даниленко, В. С. Ахманова и др. Как отмечает Г. Ф. Курышко, «терминологическими дублетами можно считать такие термины, которые называют предмет (явление), имеют одинаковую дистрибуцию и полностью могут заменять друг друга без изменения содержания выражаемого понятия» [5, с. 99].

Согласно классификации С. В. Гринева, термины-синонимы разделяются на абсолютные и условные. «Абсолютные синонимы – синонимы с тождественным значением и условные синонимы – синонимы с подобным значением, которые в определенных условиях могут использоваться как абсолютные. Абсолютные синонимы подразделяются на варианты – абсолютные синонимы, полученные вариацией формы термина, и дублеты – абсолютные синонимы с различной формой» [10, с. 109].

При исследовании анатомической терминологии выявлено 506 английских и 482 белорусских синонимических пар. Анализируемые термины отобраны из специализированных медицинских словарей, энциклопедий и толковых словарей. Изучив основные теоретические положения синонимии как языкового явления, выделим абсолютные (полные) и частичные синонимы, а также эпонимы (табл. 1). При выделении данных типов синонимов учитывался характер смысловых отношений, степень многозначности терминов, их взаимозаменяемость.

Таблица 1

Классификация синонимов в английском и белорусском языках

Типы синонимов		Английский язык		Белорусский язык	
		единицы	проценты, %	единицы	проценты, %
Абсолютные	Варианты	202	39,92	210	43,57
	Дублеты	254	50,20	211	43,78
Частичные синонимы		15	2,96	26	5,39
Эпонимы		35	6,92	35	7,26
Всего		506		482	

Абсолютные синонимы представлены терминами-дублетами и терминами-вариантами и составляют большинство как в английском (90,12 %), так и в белорусском языках (87,35 %) от общего количества рассматриваемых синонимов. И если в белорусском языке процентное соотношение между вариантами и дублетами почти совпадает (около 44 %), то в английском языке количество терминов-дублетов на 10 % выше. Этот факт можно объяснить тем, что в английской анатомической терминологии параллельно существуют как термины, заимствованные из латинского языка, так и исконные.

Частичные синонимы представлены в незначительном количестве в сравниваемых языках (3 % и 5 % соответственно), так как исследуемая костная система состоит из более узконаправленной лексики, которая подразумевает полное совпадение значений.

Термины-дублеты – это такие термины, которые в своем понятийном содержании не имеют никаких смысловых оттенков, являются тождественными между собой, не имеют эмоционально-экспрессивных, стилистических или оттеночных оппозиций. В результате проведенного анализа терминов-дублетов были выделены основные типы синонимических отношений, складывающиеся в результате взаимодействия исконной лексики и заимствованных терминов (табл. 2).

Таблица 2

Типы синонимических отношений
с участием разных по происхождению терминов

Тип синонимических отношений	Английский язык		Белорусский язык	
	единицы	проценты, %	единицы	проценты, %
Между исконными терминами	23	9,05	127	60,19
Между заимствованными и исконными терминами	162	63,78	81	38,39
Между заимствованными терминами	69	27,17	3	1,42
Всего	254		211	

Анализ табл. 2 показал, что наибольшей продуктивностью в английском языке отличаются синонимические отношения между заимствованными и исконными словами (63,78 %). Наличие в языке заимствованных и национальных терминов обусловлено, прежде всего, стремлением объяснить данное явление средствами родного языка. Такие пары не вытесняют друг друга, а существуют параллельно: *lacrimal bone – tear bone, styloid process – peg-shaped process, zygomatic bone – cheeck-bone / yoke bone*. Синонимов на национальной основе в белорусском языке значительно больше, чем в английском (127 и 23 соответственно): *хрыбетны слуп – пазваночны слуп, надгрудзінавая ямка / надгрудзінная ямка – ярэмная ямка; крыло пеўневага грэбня – крылавы адростак*. В то же время количество синонимов на иноязычной основе превалирует в английском языке (27,17 %): *mandible – inferior maxilla – submaxilla, ulna – cubitus, incisive bone – intermaxillary bone*.

В структурном плане выделяем три вида дублетных отношений в английском и белорусском языках:

1) дублетность слов: *sulcus – groove / furrow, cranium – skull, jugum – yoke, costa – rib, incisure – notch, дзірка – адтуліна, лямеш – сашнік, шкілет – касцяк, таз – лагво, цемя – вір – вяршок*;

2) дублетность слов и словосочетаний: *maxilla – upper-jaw / upper jaw bone, malleus – middle ear, coccyx – tail bone, sternum – breast bone, scapula – shoulder blade, логвішча – лопасць таза, перыкран – надкосніца чэрапа, воцатніца – вяртлюжная западзіна, хаана – задняя насавая адтуліна*;

3) дублетность словосочетаний: *os femoris – thigh bone, asternal ribs – abdominal ribs – spurious ribs, hyoid bone – lingual bone, petrosal bone – petrous bone – periotic bone, лабковы грудок – лонны грудок, пояс ніжняй канцавіны – лагвовы пояс – тазавы пояс; скляпенне чэрапа – звод чэрапа*.

Термины-варианты широко представлены в исследуемой нами терминологии. По определению В. П. Краснея, «вариантами являются разновидности того самого термина, которые отличаются между собой фонетическими и словообразовательными элементами или средствами выражения грамматических значений, но не имеют никаких семантических оттенков и полностью совпадают со своим значением» [11, с. 27]. В анатомической терминологии группы вариантов раскрыты в табл. 3.

Таблица 3

Группы вариантов в английском и белорусском языках

Группы вариантов	Английский язык		Белорусский язык	
	единицы	проценты, %	единицы	проценты, %
Орфографические	11	5,45	20	9,52
Словообразовательные	32	15,84	153	72,86
Морфолого-синтаксические	40	19,80	33	15,72
Синтаксические	119	58,91	4	1,90
Всего	202		210	

Анализируя приведенную табл. 3, можно сделать вывод о том, что в английском языке преобладают синтаксические варианты (58,91 %), а в белорусском – словообразовательные (72,86 %). Синтаксические варианты английского языка получили широкое распространение благодаря тому, что они сочетают в себе как латинский, так и преобразованный английский вариант: *crista ethmoidalis – ethmoidal crest, fissura petro-occipitalis – petro-occipital fissure, foramen infraorbitale – infraorbital foramen, fossa mandibularis – mandibular fossa*. Преобладание словообразовательных вариантов в белорусском языке может быть объяснено влиянием русского языка: *вянцовы адростак – вянечны адростак* (рус. *венечный*), *падгрудзінавыя косці – падгрудзінныя косці* (рус. *подгрудинные*). Процентное количество орфографических (5,45 % и 9,52 %) и морфолого-синтаксических вариантов (19,8 % и 15,72 %) приблизительно схоже в обоих языках.

Частичные синонимы – это синонимы, в которых обнаружено тождество отдельных лексико-семантических значений, т.е. здесь мы наглядно видим неполное совпадение компонентного состава денотативных значений:

англ. *spine* ‘1. позвоночник, позвоночный столб; 2. анат. ость; отросток; выступ, гребень; 3. шип, колючка; 4. основа, суть’ – *backbone* ‘1. позво-

ночник, позвоночный столб; 2. остов, каркас, скелет (макромолекулы); 3. основа, суть, сущность' – *column* '1. анат. столбчатая структура; 2. позвоночник, позвоночный столб; 3. колонка (хроматографическая); 4. столбик (матрицы)' – *rachis* '1. ось; стержень; 2. позвоночник, позвоночный столб';

бел. *шкілет* '1. совокупность костей, образующих твердую основу тела человека или животного; 2. основа, каркас; 3. перен. то, что служит основой для дальнейшего развития, конструктурирования; схема' – *касцяк* '1. скелет; 2. основная часть чего-либо; опора'; *альвеолы* '1. самые мельчайшие пузырьки, образующие легочную ткань; 2. ямки в челюстях, где находятся корни зубов' – *лунка* '1. небольшое углубление, ямка; 2. углубление в челюсти, где находятся корни зубов'.

Отношением синонимии охвачены многие эпонимные термины. Они расшифровывают информацию об ученом (или группе ученых), сделавшим то или иное открытие. Эпонимы всегда краткие, не связаны ни с внутренней формой обозначаемого предмета, ни с его признаками. Среди остеонимов нами обнаружено 35 эпонимов в обоих языках: *clivus – clivus of Blumenbach, схіл чэрапа – Блюменбахаў схіл* (И. Ф. Блюменбах, 1752–1840; немецкий анатом); *incisive canals – foramina of Stensen, разцовая адтуліна – Стэнонава адтуліна* (Н. Стенон, 1638–1686; датский анатом, геолог и палеантолог); *osteon canal – Haversian canals / canals of Havers, Гаверсаў каналец – Гаверсаў канал – Левенгука канал – канал астэона* (К. Гаверс, 1650–1702; английский анатом; А. Левенгук, 1631–1723; голландский натуралист). В действительности бывали случаи, когда разные ученые не обладали информацией об исследованиях, проводимых в других странах, описывали одно и то же явление.

Термины объединены в синонимические ряды, различные по количеству терминов-синонимов, входящих в них (табл. 4). К одному синонимическому ряду относим те слова, основное значение которых совпадает с доминантой. Следует отметить, что в состав синонимических рядов мы включаем не только абсолютные и частичные синонимы, но и эпонимы.

Таблица 4

Общий состав синонимических рядов в английском и белорусском языках

Структура синонимических рядов	Английский язык		Белорусский язык	
	единицы	проценты, %	единицы	проценты, %
Двухчленные	226	68,9	193	65,20
Трехчленные	57	17,38	77	26,01
Четырехчленные	31	9,45	21	7,10
Пяти-и более членные	14	4,27	5	1,69
Всего	328		296	

Как видно из табл. 4, самыми многочисленными являются синонимические ряды, в которых представлено два термина в обоих языках (68,9 %

и 65,20 %). С точки зрения структуры выделяются следующие модели двухчленных синонимических рядов, в зависимости от качества и комбинации представленных в них терминов:

Модель 1: МПТ – МПТ (монолексемный простой термин): *processus – process, cranium – skull, jugum – yoke, costa – rib, адростак – атожылак, крумянок – седніца, поласць – западзіна, таз – лагво*.

Модель 2: МПТ – МСТ (монолексемный сложный термин): *tibia – shin-bone, канал – вадавод*.

Модель 3: МПТ – ТС: *navicular – os naviculare, humerus – bone of upper arm, жбіца – локцевая косць, надкаленіца – надкаленная чашачка, эпістрафей – другі шыйны пазванок, крыж – крыжавыя пазванкі.*

Модель 4: ТС – ТС: *frontal tuber – frontal eminence, shaft of femur – body of femur, scalene tubercle – Lisfranc tubercle, canalis spiralis cochleae – cochlear canal, лобны груд – лобнае ўзвышша, схіл чэрапа – Блюменбахаў схіл, надпраходная ямачка – соскападобная ямка, груд пятачнай косці – пятачны груд*.

Менее представлены трех- и четырехчленные синонимические ряды: *adductor canal – subsartorial canal – Hunter canal, supreme nasal concha – highest nasal concha – Santorinis concha, os trapezium – os trapezoide – multangular bone – trapezium bone, надплечнік – адростак плечавы – акраміён, шчыкалатка – ладыжка – костачка, міжброўны пляцок – надпераносьсе – пераноссе – глабэла, сцягно – бядро – клуб – ляжка*. Пяти-, шести- и семичленные синонимические ряды немногочисленны: *false ribs – costae spuriae – spurious ribs – asternal ribs – abdominal ribs, os zygomaticum – jugal bone – malar bone – zygomatic bone – check-bone – yoke bone, processus xiphoideus – xiphoid process – ensiform cartilage – xiphisternum – ensiform process – xiphoid cartilage – Sappey process, насадак – надростак – шышкавіца – шышкаватае цела – эпіфіз, разцовая косць – міжцемевая косць – міжцемянная косць – Гетэ косць – Келлікера косць – Вік-д'Азіра косць*.

Термины-словосочетания позволяют точно обозначить научные понятия. Чем больше слов входит в языковую конструкцию, тем точнее обозначено данное понятие. Внутренний рост синонимических рядов происходит, главным образом, за счет ТС свободного типа, то есть словосочетаний, в которых возможна субституция одного или двух из составляющих его компонентов при сохранении тождества референта.

Таким образом, уровень синонимов-остеонимов в английском и белорусском языках анатомической терминосистемы относительно высок – 506 англоязычных и 482 белорусскоязычные синонимические пары.

Терминологические синонимы – это большей частью абсолютные синонимы, которые по своему содержанию совершенно не отличаются и могут свободно заменять друг друга. В результате исследования также установлено сходство в образовании и источниках вариантов одного термина в обоих языках: наличие в одной терминосистеме исконных и заимствованных терминов, словообразовательных, морфолого-синтаксических и синтаксических вариантов, терминов-эпонимов.

На наш взгляд, синонимия расширяет возможности более точного определения семантических качеств терминов и их оптимального использования в языке. Поскольку в исследуемой терминологии наблюдается значительное количество синонимических терминов, выражающихся с помощью различных языковых средств, упорядочение и нормализация здесь крайне необходимы. Помощь в выборе правильного термина могут оказать систематизированные терминологические словари, основной задачей которых является упорядочение и структурирование лексического материала того или иного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд, И. В.* Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 376 с.
2. *Лотте, Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : АН СССР, 1961. – 158 с.
3. *Ткачева, Л. Б.* Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – 200 с.
4. *Реформатский, А. А.* Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
5. *Курышко, Г. Ф.* Явление синонимии в профессиональной лексике / Г. Ф. Курышко. – М. : Нар. учитель, 2000. – 136 с.
6. *Авербух, К. Я.* Терминологическая вариантность и прикладные аспекты / К. Я. Авербух // Вопр. языкозн. – 1986. – Вып. 6. – С. 40–45.
7. *Иванов, В. В.* Семантические особенности медицинских терминов (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. фил. наук : 10.02.04 / В. В. Иванов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1996. – 21 с.
8. *Аніськова, С.* Сінанімія ў галіновых тэрмінасістэмах на этапе іх фарміравання / С. Аніськова // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі: матэрыялы Рэсп. навук. канф. (да 70-годдзя з дня нарадж. праф. Галіны Мікалаеўны Малажай), Брэст, 20–21 сакавіка 2008 г. / пад агул. рэд. М. І. Новік ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2008. – С. 108–110.
9. *Головин, Б. Н.* Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. специальностей вузов / Б. Н. Головин, Н. Ю. Кобрин. – М. : Высш. шк., 1987. – 103 с.
10. *Гринев, С. В.* Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Моск. лицей, 1993. – 309 с.
11. *Красней, В. П.* Аб сінонімах, дублетах і варыянтах у тэрміналогіі / В. П. Красней // Весн. БДУ. Сер. 4. – 1995. – № 1. – С. 25–27.

Поступила в редакцию 11.03.2022

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.112.2:[821.161.3-1(=161.3)]"19/20"

Дубовская Татьяна Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и межкультурных коммуникаций
Международный университет «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Tatiana Dubovskaya
PhD in Philology, Associate Professor
at the Department of Foreign Languages
and Intercultural Communications
Vitebsk Branch of the Educational Institution
of the International University MITSO
Vitebsk, Belarus
skryniatani@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ВЕРЛИБРА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

NATIONAL-KULTURELLE MARKIERUNG VOM BELARUSSISCHEN VERS LIBRE DES 20. – FRÜHEN 21. JAHRHUNDERTS

Статья посвящена исследованию свободного стиха в белорусской литературе XX – начала XXI века. Автор акцентирует внимание на том, что национально-культурная маркированность отечественного верлибра связана прежде всего с поэзией Максима Танка. Классик белорусской литературы XX века стал основоположником следующей традиции: соединять в свободном стихе национально-культурную концептуальность с универсально-философским идейным содержанием. Наиболее глубокое усвоение и развитие танковской верлибровой традиции прослеживается в творчестве белорусских писателей XX – начала XXI века Владимира Орлова и Алеся Рязанова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *верлибр*; *национально-культурная маркированность*; *концепты с общеславянской и белорусской семантикой*; *культурный артефакт*; *национальная самоидентификация*.

The article examines the free verse in Belarusian literature of the 20th – early 21st centuries. The author focuses on the fact that the national-cultural markers of the Belarusian vers libre is connected primarily with the poetry of Maxim Tank. The classic of Belarusian literature of the 20th century became the founder of the following tradition: to combine in the free verse the national-cultural conceptuality with the universal-philosophical and ideological content. The deepest assimilation and development of Tank's vers libre tradition can be seen in the poetry of Belarusian writers of the 20th and early 21st centuries, Uladzimir Alrloŭ and Aleś Razanaŭ.

K e y w o r d s: *vers libre*; *free verse*; *national-cultural markers*; *concepts with common Slavic and Belarusian semantics*; *cultural artifact*; *national self-identification*.

Die Krise der nationalen, mentalen Selbstidentität (ontologisch und axiologisch angesehen) ist ein konzeptionelles Problem, mit dem sich die zeitgenössischen Wissenschaftler intensiv beschäftigen. Die gegenwärtige krisenhafte Epoche ist durch eine globale Problematik gekennzeichnet: Der Mensch verliert seine ganzheitliche Vorstellung über die Welt und sich selbst. Sowohl Theoretiker des Postkolonialismus als auch Literaturwissenschaftler (Z. Bauman [1], H. Bhabha [2], E. Said [3], G. Spivak [4], M. Tlostanova [5],

M. Foucault [6], M. Epstein [7] usw.) stellen fest, dass das Individuum diesen Zustand der totalen Angrenzung, der Hybridität, der Hingabe den Globalisierungswellen, die die Grenze zwischen dem Einheimischen und dem Fremden verwischen, erleben muss. Die Integrität der Wahrnehmung und der Reflexion der Welt, die seelische Harmonie und die geistige Stärke eines modernen Menschen bleiben jedoch sowohl im wirklichen Leben als auch in der Kunst die vorrangigen Werte. Dieses stellt als Lebensmodell immer seinen Schöpfer in seiner ethnischen, nationalen Gewissheit dar.

Eine der geeignetsten künstlerischen Formen, um die Moderne in der Poesie darzustellen, ist freier Vers, oder vers libre. Es handelt sich um ein Gedicht, das kein traditionelles rhythmisches Muster, keinen Reim, keine bestimmte Versgröße hat, ausschließlich intonatorisch organisiert ist und in dem die grafische Gliederung des Textes in Zeilen und assoziative Bilder eine zentrale Rolle spielen.

In den Weltliteraturen, die sich im Allgemeinen beständig und nicht diskret entwickelten (mit langen Perioden der Verlangsamung und sogar mehrstufigen Unterbrechungen der national-kulturellen Tradition, wie es beispielsweise in der belarussischen Literatur im 19. Jahrhundert der Fall war), bildete sich freier Vers bereits im 17. Jahrhundert.

In der französischen Literatur wurde der Begriff „vers libre“ 1886 von dem symbolistischen Dichter Gustave Kahn eingeführt. In der amerikanischen und europäischen Literatur erschien freier Vers im 19. Jahrhundert.

Seine Blütezeit ist mit solchen Schriftstellern verbunden wie Walt Whitman, Thomas Stearns Eliot (USA), Guillaume Apollinaire, Paul Éluard, Jacques Prévert (Frankreich), Heinrich Heine (Deutschland), David Herbert Lawrence (England), Pablo Neruda (Chile), Arthur Lundquist (Schweden), Vitezslav Nezval (Tschechische Republik) in Verbindung gebracht, Nazim Hikmet (Türkei), Yannis Ritsos (Griechenland), Kawadi Ruko (Japan), Syrbai Maulenov (Kasachstan), Eduardas Miezelaitis, Sigitas Gyada (Litauen), Ivan Drach (Ukraine), Alexandr Blok, Valery Bryusov, Vladimir Soloukhin, Evgeny Vinokurov, Vladimir Burich (Russland) u.a.

Im Gegensatz zur belarussischen Situation waren die Themen der nationalen Renaissance in den Literaturen mit regelmäßiger, rechtgemäßer Entwicklung nicht so aktuell, dass die Künstler sie in Werken aller Gattungsformen der Lyrik betrachteten; unter anderem im freien Vers, welcher als Reflexionsform des vor allem philosophischen Inhalts aufkam. Gleichzeitig hat jede nationale (staatlich-nationale, wie in den USA, und ethnisch-nationale, wie in den meisten Ländern der Welt) literarische Tradition ihre kennzeichnenden Modifikationen, die mit den Namen von großen Dichtern verbunden sind.

Ein Gedicht mit freier metrisch-rhythmischer und intonatorisch-syntaktischer Gestaltung kann sehr voluminös (wie freier Vers von Walt Whitman) oder lakonisch (wie die Miniatur von Kavadi Ruku) sein, nach Dynamik (im Westen) oder Traditionalismus (im Osten) streben – all dies hängt von der schöpferischen Individualität eines Klassikers ab, der die Spitzen, die Muster des Genres entsprechend seiner Mentalität erschafft und die ganzen Schulen von Anhängern,

Nachahmern hervorbringt. In der Geschichte der Nationalliteraturen gibt es also eine Kontinuität und Konsolidierung alter Gattungsformen, die in der Welt seit den Zeiten der antiken Poetik bekannt sind, und die Entwicklung neuer Formen auf ihrer Grundlage – als Ergebnis substanzieller und formaler Transformationen und Modifikationen.

Im Westen nahm freier Vers im 20. Jahrhundert in seiner Gattungsessenz Gestalt an und etablierte sich als Avantgardephänomen (insbesondere in der englischen Lyrik), als Widerspiegelung der vor allem philosophischen Inhalte, wie eine grundsätzlich kanonfreie Form. Kein Zufall, dass der freie Vers zu einer an der weitesten verbreiteten lyrischen Form in den westlichen Literaturen wurde und die regulären Formen des Verses praktisch verdrängte. Freier Vers kennzeichnet die maximale kreative Freiheit des Dichters.

Die auffälligsten Vertreter der Vers-Libre-Dichtung in der belarussischen Literatur des 20. Jahrhunderts sind Vatslav Lastovsky, Maksim Bahdanovich und Maksim Tank. Diese Dichter zeigten die relevantesten Themen und Motive des 20. Jahrhunderts wie die Widerspiegelung der Zerstörung der Existenz, persönliche Aktivität, Suche nach Wegen zur Harmonisierung der Welt in Zeiten wissenschaftlicher Entdeckungen, sozialer Katastrophen und globaler Umwandlungen auf.

Die belarussischen Literaturkritiker (A. Kabakowitsch, I. Naumenko, W. Ragojscha, W. Gnilomiodow, G. Berjozkin, U. Werina, A. Dubrowskij) weisen bei der Analyse der Verse von Maksim Bahdanovich auf die bildliche Bündigkeit, den umgangssprachlichen Tonfall, die materiell-sachliche Wahrnehmung der Welt von dem Dichter hin. Einigen Forschern zufolge stellen lyrische Werke von Václav Lastovski nicht den freien Vers im eigentlichen Sinne dar, sondern eine Übergangsform von der syllabisch-tonischen Versifikation zum freien Vers (O. Borissenko), versifizierte Gedichte ohne strophische Gliederung (D. Bugajov), Prosagedichte (L. Silnova), ungeregelte metrische Gedichte mit gelegentlichem Reim (V. Zhibul).

In den 1920er Jahren hat sich freier Vers in den Werken von Dichtern, den Mitgliedern der literarischen Vereinigungen „Maladnyak“ und „Uzvyshcha“ (V. Dubovka, M. Charot, V. Zhilko), zu einer beliebten Kunstform entwickelt. Ab den 1960er Jahren wurde die neue dichterische Form dann aktiv verwendet von S. Dergai, K. Kirejenko, N. Arochko, M. Streltsov, A. Kuleshov, Ya. Yukhnovets, A. Vertinsky, V. Korotkevich, R. Baradulin, I. Sipakov, N. Kupreev, A. Minkin, A. Sys, A. Navrotsky, O. Loiko, N. Kusenkov, A. Martinovich, Y. Golub, N. Zagorskaya, M. Rudkovsky, L. Som, O. Sprynchan, A. Arkush, I. Bobkov, A. Globus, I. Zhernosek und vielen anderen belarussischen Dichtern.

Heutzutage hat freier Vers die Genre-Palette vieler junger belarussischer Dichter bereichert (M. Bashura, V. Burlak, D. Vishnev, O. Gapeeva, V. Goryachka, V. Zhibul, A. Ivaschenko, A. Kovalevsky, V. Kustova, M. Martysevich, V. Mort, A. Nikiporchyk, V. Slinko, V. Trenas, A. Turovich, A. Hadanovich, O. Chaikovska, A. Chubat, M. Schur, usw.). Die freien Verse der modernen Dichter haben eine breite Palette von formalen „Erscheinungen“: Palindrome von S. Minskevich und V. Zhybul, Pager-Verse von G. Lobodenko, Antirhymes von A. Hadanovich, etc.

Dank Maksim Tank (1912–1995) wurde freier Vers in der belarussischen Literatur zu einer gängigen Form, ebenso wie das Poem, das Sonett, die Ballade und sonstige in der ganzen Welt bekannt Genreformen. M. Tanks wichtigster Beitrag zur Entwicklung des belarussischen freien Verses, der belarussischen Poesie und Kultur insgesamt war, dass der Lyriker zum Gründer einer neuen Tradition wurde: die betonte, tendenziell hervorgehobene national-kulturelle Begrifflichkeit mit dem universell-philosophischen ideenreichen Gehalt bewusst und gewollt im freien Vers zu verbinden.

National-kulturelle Artefakte sind die stärkste Grundlage für die freien Verse eines Künstlers. Denn der Eintritt in den Weltkontext ist nur möglich, wenn die freiversische Form nicht nur verfeinert ist, sondern auch einen für Ausländer interessanten nationalen Inhalt hat. Letzteres kommt in den Werken von Maksim Tank und den Nachfolgern seiner Tradition, jenen Dichtern, die das National-Patriotische bewusst durch freien Vers vermitteln, anschaulich zum Ausdruck. Diese Meister freien Verses in der belarussischen Poesie der zweiten Hälfte des 20. und des frühen 21. Jahrhunderts sind Vladimir Orlov und Ales Rjasanov.

Die analytische Untersuchung der Tanks Tradition in der belarussischen freiversischen Lyrik gibt Anlass zu folgenden Schlussfolgerungen.

1. Freie Verse von M. Tank sind Werke, in denen die nationale Begrifflichkeit deutlich zum Ausdruck kommt. Letzteres wird vom Autor mit Hilfe solcher Techniken und Methoden des künstlerischen Ausdrucks hervorgehoben wie: biblischer Subtext, der in den auf belarussischen Realitäten basierten Metaphern verkörpert wird („Meine Arche“, „Das letzte Abendmahl“); Bilder der gemeinslawischen und belarussischen Mythologie sowie der nationalen Geschichte („Fledermäuse“, „In den Zeiten der Serienfilme...“, „Hier war Belarus“, „Sie gehen um den Herbstwald herum...“); Gegenstandsdetaillierung als Widerspiegelung der ethnographischen Identität („Ich erinnere mich: die Mutter ging immer ins Bett...“, „Egge“, „Sonnenaufgang“). Die Verwendung von volkstümlichen Reminiszenzen und biblischen Motiven, die die innere Welt der Belarussen, ihre Vorstellungen vom Leben und ihre geistigen Werte darstellen („Die Dauer von Tag und Nacht“, „Spaß munde jeder Stunde“, „Beschwörung“); Dichters poetische Interpretation von phraseologischen Einheiten, Sprichwörtern, Redensarten und biblischen Geschichten („Espe“, „Die Ballade vom Lehm“, „Unsterblichkeit“) Poetisierung nationaler Charaktereigenschaften („Hütte am Rand“, „Konzert im Heu“, „Madonnen auf Schaukeln“); tendenzielle Betonung des Nationalen, Zeremoniellen und Ethno-Kulturellen („Ich kenne kein schöneres Muster...“, „Einlullend / Sicher, ermüdet...“), die Betonung traditioneller Werte, des Elternhauses, der elterlichen Gebote, der geistigen Kultur der Vorfahren und des Patriotismus im allgemeinen sowie der Liebe zu dem ethnisch Gekennzeichneten („Man kann immer finden...“, „Nicht nur deswegen habe ich diese Sprache genommen...“, „Bei der alten Hütte“) u.a.

Trotz der Tatsache, dass der weltweite Genre-Kanon freien Verses in erster Linie auf eine allgemeinphilosophische Vision der Realität ohne besondere

Betonung des Nationalen (Ethnographischen und Mentalen) ausgerichtet ist, macht M. Tank mutig freien Vers zur optimalen Form für die Darstellung akzentuierter national-kultureller Information.

Damit beginnt er die Tradition der Entwicklung des belarussischen freien Verses mit patriotischem Pathos. Die Geschichte des belarussischen Volkes, seine Mentalität, die Eigenart des belarussischen Charakters, die kulturellen und alltäglichen Besonderheiten, das geistige Erbe – all das wurde zur konzeptionellen Grundlage der freien Verse des Dichters. Gleichzeitig bewahren Tanks Gedichte spezifische Allgemeinheit und Philosophismus des oben genannten Genres. In seiner kreativen Arbeit findet M. Tank leuchtende Bilder (oft Metaphern) und verbindet sie durch Assoziationen. Die Bild-Metapher, die sich zu einem Bild-Konzept (mit einer akzentuierten nationalen Komponente) entwickelt, ist ein helles stilistisches Merkmal, das „Fundament", auf dem die Poesie und kreative Individualität von M. Tank beruht. Da sich der senkrechte Schnitt der Kultur durch das Konzept zeigt, enthalten die freien Verse des Schriftstellers Bilder mit verzweigter belarussischer Mentalitätssemantik, die dazu beitragen, den Charakter des belarussischen Volkes am besten zu enthüllen und besser zu verstehen. Die Darstellung der verschiedenen Ebenen der nationalen Artefakte (von den Dingen bis zur Sprache) im Werk des Dichters zeugt vom reichen materiellen und geistigen Erbe der Belarussen.

2. Vladimir Orlov, M. Tank nachfolgend, hat freien Vers zu einem Träger national-kultureller Konzeptualisierung gemacht. In seinen freien Versen reflektiert V. Orlov über die für die belarussische Gesellschaft besonders wichtige Probleme, die mit der Bewahrung der grundlegenden Komponenten der nationalen Selbstidentifikation zusammenhängen, wie die belarussische Staatlichkeit („Versuch einer unvollendeten Biografie", „Im Frieden deiner Augen"), die Muttersprache („Vorurteilte", „25. März"), das historische Gedächtnis („Verlust", „Ephrasinnya"). Der Schriftsteller spielt eine wichtige Rolle bei der Bestätigung des modernen belarussischen künstlerischen Denkens, bei der Schaffung von lebendigen, konzeptionellen Bildern: die ideale Stadt und unterirdische Gänge („Verliese"), die Fremde („Fremder"), Düsternis („Dämmerung"), Züge („Zug"), Mühlsteine („Handmühle") usw. Als professioneller Historiker kennt sich V. Orlov in den historischen Realitäten seines Landes gut aus, und seine direkte Poetisierung dieser Realitäten unterscheidet ihn von einer Reihe zeitgenössischer einheimischer Schriftsteller. Der berühmte Prosaschriftsteller hat die Poetik des Vers Libres erfolgreich gemeistert: V. Orlov versucht, ikonische Artefakte, Objekte mit einer historischen Spur, in einer Retrospektive meditativ, emotional und intellektuell zu begreifen. In seinen Werken spricht der Lyriker kulturelle Phänomene des geistigen Lebens durch Dinge und Bilder an, die die Vergangenheit symbolisieren und heute einen historischen und nationalen Wert darstellen.

Eine Besonderheit der intimen Vers-Libre-Dichtung von W. Orlov besteht darin, dass die Gefühle und Erlebnisse des lyrischen Helden „verschleiert" sind: sie werden durch detaillierte Beschreibungen von Naturphänomenen dargestellt, die mit

dem Bild der Geliebten assoziieren, was der belarussischen Literaturtradition („Weg nach Polozk“, „Geliebte“, „Erste Frau“, „Dieser Sommer“, „Bleib namenslos“, „Langer Abschied“) entspricht. Die freien Gedichte des Schriftstellers zielen auf die bewusste Propagierung, Verherrlichung und Behauptung alles Belarussischen als Bestimmungsfaktors der geistigen Reife des Landsmannes, seiner nationalen Selbstidentifikation.

3. Der Dichter Ales Rjasanov zeichnet sich durch eine weniger optimistische Sichtweise aus als M. Tank: er gehört zu einer anderen Generation. Der lyrische Held A. Rjasanovs glaubt weniger an die garantierte Zukunft von Belarus, mehr an den Individualismus, an die Welt eines Einzelnen, der sich in der Gesellschaft nicht wohl fühlt. Der Einfluss der existentiellen Weltanschauung ist in den Werken von A. Rjasanov offensichtlich: mit Absurdität, Unverständlichkeit und jenseitigen Sinnen, auf der Suche nach Rettung in sich selbst. Freie Verse des Dichters sind ein Spiegelbild der Krisenwelt, in der man den Sinn seines Lebens verliert, aber auch findet („Gitter“, „Sumus ne simus“, „Schneesturm“, „Reif“). Wie im Vers Libre von M. Tank, werden in der Poesie von A. Rjasanov Konzepte mit allgemeinslawischer und national-belarussischer Semantik zu einer Stütze und einem Ausweg, „einem Licht am Ende des Tunnels“. Es handelt sich um einen Appell an die Familie, die Abstammung, die festen Konstanten der Existenz, die traditionelle, ethnografische Kultur. Durch die konzeptionellen Bilder des Autors von der Stadt („Alte Stadt“, „Wanderstadt“), dem Baum („Im Wald“, „Schildchen“), dem Heimatland („Niederungen“, „Erbe“), den einheimischen Menschen („In der alten Hütte“, „Türschwelle“) und Dingen („Kleiner Trog“, „Kleiner Trog“, „Geschenk der Patin“) nimmt der Leser die folgende Idee auf: der Mensch kann seine Ganzheitlichkeit in erster Linie auf der Basis der Mentalität finden (weil sie etwas objektiv Gegebenes ist), auf dem nationalen Boden.

4. Die Gattungsform Wortdichte [8] des deutschsprachigen Werks von Ales Rjasanov ist durch die belarussische nationalkulturelle Bildsprache geprägt. In der Wortdichte verwendet der Dichter häufig deutsche Lexeme, in denen eine auf die belarussische Kultur bezogene Semantik verwirklicht wird. In unserer Wahrnehmung sind dies Dinge und Gegenstände des täglichen Lebens, weniger der Deutschen, als der Belarussen (die Truhe, das Fass, der Ofen, der Reifen, Töpfe, etc.), sowie Begriffe mit Konnotationen der belarussischen Mentalität („Eichel“, „Weg und Straße“, „Scherbe“, „Mond und Sonne“). Diese Bilder und Konzepte stammen aus dem früheren Werk des Lyrikers, vor allem aus den einzelnen Versen des Autors, und finden ihre Fortsetzung in seiner deutschsprachigen Wortdichten. Sie alle spiegeln die Besonderheiten der belarussischen Weltanschauung (mythologische Vorstellungen, ethnokulturelle Besonderheiten, Geschichte des belarussischen Volkes) wider.

A. Rjasanovs Wortdichte weisen in Genre und Stil Ähnlichkeiten mit den belarussischen Werschakazy auf. In beiden Gattungsformen kommt der soliden Organisation des Werks, dem Wort, seinem Potenzial eine Schlüsselrolle zu. Einige Wortdichte des Dichters wirken wie Verwandlungen von zuvor

geschriebenen Werschakazen: dieselbe Idee, nur mit anderen Mitteln in den deutsch- und belarussischsprachigen Werken realisiert. Der Unterschied zwischen den Werschakazen und den Wortdichten des Dichters zeigt sich in der formalen Kürze der letzteren, die den allgemeinen Trend der zeitgenössischen Kultur widerspiegelt. Wichtige Unterschiede sind auch der statische Charakter der ersten und der dynamische, animierte, visuelle Charakter der zweiten.

5. Die Gedichte von Ales Rjasanov aus den zweisprachigen Büchern „Hannoversche Punktierungen“ [9] und „Das dritte Auge“ [10] sind künstlerisch mit der früheren Lyrik des Lyrikers verwandt. Die Miniaturen enthalten viele Landschaftsskizzen, die in ihrer Bildhaftigkeit und Bildhaftigkeit den Bildern (Skizzen) in belarussischen Punktierungen ähnlich sind. Sie „strahlen“ die Sehnsucht des Dichters nach der Heimat aus, die sich in den für belarussische Miniaturen traditionellen Bildern (Löwenzahn, Brennnessel, Kartoffel, Bach, Birke, Nebel, Birne, Sonnenblume, Ente, Schilf und Eberesche) sowie im nicht äquivalenten Vokabular ausdrückt.

In seinem Buch „Hannoversche Punktierungen” hat A. Rjasanov urbanistische Zeichnungen erstellt. Die Besonderheit des Raums, in dem sich der reisende Dichter befindet, wird durch Toponyme unterstrichen. Im zweisprachigen Buch „Das dritte Auge“ ist der Chronotopos universeller als im „Hannoverer“ Zyklus. In diesem Buch gibt es keine Toponyme, die auf eine „schweizerische“ Realität hinweisen würden.

Die oben angegebene Analyse der zweisprachigen Bücher von A. Rjasanov trägt zur Konsolidierung des Belarussischen in einem nicht-nationalen (ausländischen) Kontext bei. Die europäischen Wurzeln, der europäisch-städtische Charakter der belarussischen Mentalität werden dem Leser von A. Rjasanovs Punktierungen auf suggestive Weise vermittelt und verankern den hohen Stellenwert der belarussischen Kultur im Bewusstsein des Lesers. Der Dichter behauptet angeblich, dass die Belarussen einen legitimen Status unter den Europäern einnehmen, und baut psychologische Barrieren in der interethnischen Kommunikation ab.

Die national konnotierten Begriffe geben also eindeutige Definition dem Wesen des belarussischen freien Verses und heben ihn aus dem breiten Strom der weltweiten Lyrik hervor. Und die Priorität bei der Festlegung der national-kulturellen Begrifflichkeit gehört in erster Linie den freien Versen von M. Tank. M. Tank, der Klassiker der belarussischen Literatur des 20. Jahrhunderts, wurde zum Begründer der Tradition der Verbindung der national-kulturellen Konzeptualisierung mit dem universal-philosophischen ideologischen Inhalt in freien Versen.

Die tiefgreifendste schöpferische Aneignung und Weiterentwicklung der Traditionen des patriotischen freien Verses von M. Tank ist in der Lyrik belarussischer Schriftsteller des 20. und frühen 21. Jahrhunderts von W. Orlov und A. Rjasanov zu beobachten. In den freien Versen von V. Orlov kommt die Tanks Tradition der Widerspiegelung nationaler Inhalte am direktesten zum Ausdruck

(die Idee des belarussischen Auflebens ist vor allem mit historischen Themen verbunden), in den Versen von A. Rjasanov wird die national-kulturelle Konzeptualisierung vor allem durch philosophische Inhalte realisiert.

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Bauman, Z.* Globalisierung. Konsequenzen für Menschen und Gesellschaft : aus dem Englischen übersetzt / Z. Bauman. – Moskau : Die Welt, 2004. – 188 S.
2. *Bhabha, H.* Mimikry und der Mensch. Die Dualität des kolonialen Diskurses : aus dem Englischen übersetzt von D. Timofeev / H. Bhabha // New Literary Review. – 2020. – № 1(161). – S. 29–37.
3. *Said, E. V.* Orientalismus. Westliche Konzepte des Ostens / E. V. Said. – 2. Aufl., Sp. und Nachtrag ; übersetzt aus dem Englischen und Nachwort von A. V. Govorunov. – SPb. : Russkiy Mir, 2016. – 671 S.
4. *Spivak, G. C.* Können die Unterdrückten sprechen? / G. C. Spivak // Einführung in die Gender Studies. Teil 2 : ein Lehrbuch / herausgegeben von S. S. Zherebkin. V. Zherebkin. – Charkiw : HCGI, 2001, SPb. Aletheia, 2001. – S. 649–670.
5. *Tlostanova M. V.* Niemals leben, von nirgendwo ausschreiben. Post-sowjetische Literatur und Ästhetik der Transkulturation / M. V. Tlostanova. – Moskau : Vereinigtes Sekretariat URSS, 2004. – 416 S.
6. *Foucault, M.* Wörter und Dinge : Die Archäologie der Geisteswissenschaften / M. Foucault. – SPb. : A-cad, 1994. – 405 S.
7. *Epstein, M. N.* Postmoderne in der russischen Literatur / M. N. Epstein. – M. : Oberschule, 2005. – 495 S.
8. *Rasanau, A.* Der Mond denkt, die Sonne sinnt : Wortdichte / A. Rasanau. – Minsk : Lohvinau, 2011. – 112 S.
9. *Rasanau, A.* Hannoversche Punktierungen. Zweisprachige Ausgabe. Nachdichtung von Oskar Ansull / A. Rasanau. – Hannover : Revonnah Verlag, 2002. – 95 S.
10. *Rasanau, A.* Das dritte Auge : Punktierungen. Zweisprachige Ausgabe. Mit einem Nachwort von Ilma Rakusa / A. Rasanau. – Basel : Urs Engeler Editor, 2007. – 108 S.

Поступила в редакцию 02.02.2022

УДК 81’367

Клинцова Анна Александровна
аспират кафедры истории и грамматики английского языка
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Klintsova
PhD Student the Department of English History and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
aprilryan.ru@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИМЕННЫХ ГРУПП В БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРЕДИКАТАМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

SEMANTIC FUNCTIONS OF NOUN GROUPS IN IMPERSONAL SENTENCES WITH THE PREDICATES OF EMOTIONAL STATE

В статье рассматривается синтаксическая и логико-семантическая структура двух видов безличных предложений (статичных и каузативных) с предикатами эмоционального состояния в английском, белорусском, исландском и литовском языках. Обнаружена взаимосвязь между семантическими ролями актантов безличных предикатов и субъектным либо объектным функционированием именных групп, заполняющих актантные позиции. Выявлено, что дательная именная группа во всех языках, кроме литовского, функционирует как субъект, в то время как винительная группа соотносится с функцией объекта каузативного состояния.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *безличные предложения*; *эмоциональное состояние*; *субъектно-объектные отношения*; *косвенный субъект.*

The article deals with the syntactic and logical-semantic structures of stative and causative impersonal sentences with emotional state predicates in English, Belarusian, Icelandic and Lithuanian. There’s a correlation found between the semantic roles and subjective or objective properties of the noun phrases. It is established that in all the languages, except Lithuanian, a dative noun phrase functions as a syntactic subject, while an accusative noun phrase behaves as an object of the causative state.

K e y w o r d s: *impersonal sentences*; *emotional state*; *subject-object relations*; *oblique subject.*

Категория безличности в языках, имеющих общие индоевропейские корни, претерпевает изменения в ходе эволюции систем данных языков. Ярче всего это заметно на примерах структур, номинирующих эмоциональные процессы четко выделяемых референтов: так, в английском они подверглись личной трансформации [1], при которой одушевленный субъект состояния и его источник поочередно, в зависимости от прагматической интенции говорящего, мотивирующей выбор того или иного глагола, заполняют позиции подлежащего и прямого дополнения [2] (*I admire this painting* ‘Я восхищаюсь этой картиной’ – *This painting attracts me* ‘Эта картина меня привлекает’). В более синтетическом исландском языке обнаруживается

противоположная тенденция: лексико-семантические группы безличных предикатов продолжают пополняться за счет глаголов, которые постепенно «обезличиваются», блокируя введение ранее доступных номинативных именных групп, обозначающих источник состояния (*Mér líkar þetta málverk* ‘Мне нравится эта картина’ → *Mér líkar við þetta málverk* ‘досл. – Мне нравится с этой картиной’) [3]. Общей для обоих путей развития безличных предложений с эмоциональными предикатами является синтаксическая модель, первую позицию которой заполняет эксплетив или нуль, налагающий запрет на референтное подлежащее и обеспечивающий введение неличных форм глагола и придаточных предложений.

Вариативность безличных структур предполагает многообразие функционирования именных групп, поэтому важно рассмотреть не только синтаксические, но и семантические роли таких элементов. Цель данной работы – выявить особенности семантико-синтаксического функционирования именных групп в безличных предложениях с предикатами эмоционального состояния в языках, которые являются родственными (английский–исландский, белорусский–литовский), при этом два из них (исландский и литовский) обладают наиболее архаичной грамматической системой среди индоевропейских языков. Сопоставление языков, сохранивших категорию падежа, позволит также определить механизмы компенсации данной категории, практически утраченной в современном английском языке. Материалом послужили списки безличных глаголов и предикатов, отобранных из работ О. А. Березиной [4], Й. Йоунссона [5], Т. Р. Рамзы [6] и В. Амбразаса [7], которые мы пополнили с помощью толковых словарей на основании поиска синонимов и переводных эквивалентов [8; 9; 10; 11].

Сфера эмоциональных процессов и состояний, передаваемая с помощью безличных предложений в сопоставляемых языках, на первый взгляд демонстрирует семантическую и синтаксическую однородность. Безличные предикаты выражают как отрицательные эмоции, которые можно объединить в три лексико-семантические группы: *злости* (куда также входят *раздражение, обида*), *страха* (*волнение, ужас*), *грусти* (*скука*, *жалость*), так и положительные эмоции, которые находят свое выражение в предикатах *радости* (*предпочтение, интерес*). Также выделяется группа *удивления* (*смятение, шок*), которая описывает как отрицательные, так и положительные эмоции. Такая классификация эмоций была разработана на основе теории 6 базовых эмоций П. Экмана [12] (одна из которых, *отвращение*, была включена в группу страха в связи с малочисленностью входящих в нее единиц). Ниже (табл) представлены количественные показатели и частеречные особенности заявленных предикатов в рамках установленных, часто взаимопроникающих, семантических сфер в английском, белорусском, исландском и литовском языках.

Количественные показатели и частеречные особенности предикатов эмоционального состояния

Лексико-семантические группы										
	ЗЛОСТЬ		СТРАХ		ГРУСТЬ		РАДОСТЬ		УДИВЛЕНИЕ	
	глаголы	наречия, прилагательные	глаголы	наречия, прилагательные	глаголы	наречия, прилагательные	глаголы	наречия, прилагательные	глаголы	наречия, прилагательные
английский	7	9	10	7	16	6	8	9	8	6
белорусский	8	10	7	5	3	23	9	10	6	5
исландский	10	7	9	6	17	4	9	5	6	3
литовский	7	8	6	6	8	12	5	10	3	4
Итого	***32***	***34***	***32***	***24***	***44***	***45***	***31***	***34***	***23***	***18***

Для определения семантических функций именных групп был отобран корпус предложений (783 единицы в английском, 867 – в белорусском, 890 – в исландском, 803 – в литовском языке) с предикатами эмоциональной семантики и выполнено последовательное сопоставление логического, синтаксического и семантического уровней.

Так, **синтаксический уровень** демонстрирует единообразие валентностных паттернов безличных предикатов, подчиняясь **двум логическим схемам**, выведенным из дефиниций анализируемых предикатов[1]:

1. Схема $\underline{y\ \mathbf{BE}_{feel}}$ стоит за дефинициями непереходных и возвратных глаголов, а также предикативов белорусского, исландского и литовского языков. В таких единицах обнаруживается стативный компонент, непосредственно предицируемый субъекту состояния, в то время как источник такого состояния отмечается косвенным образом, то есть как не оказывающий непосредственного воздействия на субъект.

Для белорусского, исландского и литовского языков данная схема реализуется посредством синтаксической структуры, которая включает 3 обязательных аргумента при безличном глаголе (V_{imp}) – дативную именную группу (DatNP), синтаксический нуль (∅), обусловливаемый фиксированной глагольной формой, и инфинитивную группу (Inf) либо сентенциальный комплемент (CP): [DatNP – ∅ – Inf – V_{imp}] *Ці вам жыць* ***надакучыла****?* [14] ‘Вам жить надоело?’; [DatNP – ∅ –V_{imp} – Inf] *Ungu hjónunum* ***leiddist*** *að búa*

[1] Система логических операторов взята из работы Р. Д. Ван Валина [13, p. 107], где **BE** – оператор, обозначающий состояние единственно задействованной переменной (в нашей работе – это *y* как переменная, противопоставляемая каузативной переменной *x*), а **CAUSE** – оператор, устанавливающий каузативные отношения (в нашей работе – между *x* и *y*).

í litlu þorpi [15] ‘Молодой паре наскучило жить в маленькой деревне’; [DatNP – ∅ –V_{imp} – CP] *Jam **rūpėjo**, kad viskas būtų padaryta* [16] ‘Он заботился о том, чтобы все было сделано (досл. – Ему волновало…’).

Некоторые глаголы и предикативы ($Predic_{imp}$) допускают включение генетивной именной группы (GenNP) – в белорусском и литовском – и аккузативной предложной группы (AccPP) – в исландском – в качестве второго постглагольного аргумента: [∅ – $Predic_{imp}$ – DatNP – GenNP] ***Шкада было** Петрусю птушачак* [14] ‘Жалко было Петрусю птичек’; [DatNP – ∅ – V_{imp} – AccPP] *Honum **var létt** eftir sigurinn* [15] ‘Он обрадовался победе‘; [DatNP – ∅ – V_{imp} – GenNP] *Valdininkams **pagailo** vaikų su tokiais vardais* [16] ‘Чиновникам было жаль детей с такими именами’.

Процесс эмоционального восприятия и переживания предполагает наличие семантических ролей *Экспериенцера* (Exp) и *Источника* (Targ) [13, p. 85], где первый всегда соотносится с одушевленным референтом, который, в отличие от *Агенса*, не задействует свою внутреннюю энергию для осуществления и последующего контроля некоторого действия, но является затронутым этим действием в эмоциональном плане, что ведет к изменению его внутреннего состояния. Личная прототипическая двухсоставная актуализация такой семантической конфигурации во всех 4 языках предполагает постановку Экспериенцера в номинатив (NomNP), Источника (если он присутствует) – в один из косвенных падежей (чаще всего в аккузатив, чему в английском языке соответствует прямое дополнение) или посредством введения комплемента к сказуемому – [NomNP (Exp) – AccNP/Inf/CP (Targ)]. В свою очередь, безличная актуализация эмоционального состояния демонстрирует следующее падежное оформление: [DatNP (Exp) – AccNP/GenNP/Inf/CP (Targ)], где комплементы, выражаемые неличными формами, могут быть заменены NomNP.

Такую «рокировку» можно объяснить появлением новой семантической роли – *Амбиента,* служащего надстройкой, позволяющей по-другому взглянуть на одну и ту же ситуацию эмоционального состояния. Для вербализации такой ситуации могут использоваться синонимичные предикаты с различными оттенками значения: ср. личный глагол *megti* ‘любить’ и безличный *patikti* ‘нравится’, где личный глагол используется для обозначения более длительного состояния, более глубокого чувства [p. 53–54], чем безличный. Кроме того, одни и те же предикаты могут демонстрировать различные валентностные паттерны в зависимости от интенции говорящего: ср. *hýrna* ‘радоваться’ в личном употреблении *Hann **hýrnaði** við hrósyrðin* [15] ‘Он радовался комплиментам’ и *hýrna yfir* в безличном употреблении *Það **hýrnaði** yfir henni við þessar fregnir* [15] ‘Она обрадовалась новостям’ (досл. – Оно обрадовало над нею с этими новостями)’. Эта надстройка выбирается говорящим для актуализации *неинтенциональности действия*, возбуждаемого некоторым неодушевленным референтом, которая проверяется невозможностью введения

обстоятельства с оттенком намеренности или придаточной причины: *[1]*Мне было шкада/мяне засмуціла, каб…* ‘Мне было жаль/меня смутило, чтобы…’. Таким образом, речь идет о *снижении агентивности* (*deagentivization* [18, p. 8]) протекающего процесса или состояния.

Исходя из этого, под термином *Амбиент* мы понимаем универсальную роль, встречающуюся от одного типа безличности к другому (будь то метеорологический, событийный или связанный с внутренними переживаниями) и обеспечивающую такую синтаксическую кодировку, при которой предикат стоит в неизменяемой форме, не согласуясь с присутствующими в предложении синтаксическими кандидатами на подлежащее и отсылая на некое «вынесенное за скобки» третье лицо. При речевой актуализации ситуаций эмоциональных переживаний *Амбиент* представляет то, что заставляет *Экспериенцера* как субъекта эмоциональных переживаний обратить внимание на *Источник* таких переживаний и пережить данную эмоцию: *Экспериенцер* $\Leftrightarrow^{Амбиент}$ *Источник*, где *Экспериенцер* формализуется дативной группой, а *Источник* – именной группой в другом косвенном падеже, инфинитивом или сентенциальным комплементом.

2. Схема *x* **CAUSE** *y* $\mathbf{Be}_{\text{feel}}$ выводится из семного состава переходных каузативных глаголов сопоставляемых языков и предикативов английского языка, поскольку в последних, в отличие от предикативов остальных сопоставляемых языков, содержится каузативная сема. В дефинициях таких единиц присутствует каузативное отношение, устанавливаемое между некоторым *источником* и *объектом его воздействия*, что приводит последнего к новому состоянию. Такое положение дел можно назвать *каузированным состоянием* [13, p. 97]. Такая схема манифестируется единой структурой в белорусском, исландском и литовском и двумя – в английском:

а) В английском языке каузативные глаголы с эмоциональной семантикой открывают три облигаторные валентности: эксплетив (Expl), прямое дополнение (O_d) в поствербальной позиции, ассоциируемое с объектом воздействия и элементом прототипической транзитивной конструкции, а также неличный комплемент (например, причастие настоящего времени (PI)): [Expl – V_{imp} – O_d – PI] *It* ***drives*** *me* ***mad*** *seeing people staring at their phones all day* [19] ‘Меня сводит с ума, когда я вижу, как люди целыми днями таращатся в телефоны’.

Исландские безличные предложения также допускают появление эксплетива, однако он отличается от английского, представляя собой семантически опустошенный элемент, занимающий начальную позицию в предложении, под которой не всегда имеется в виду подлежащее [3, p. 309]. В каузативно-безличных предложениях эмоционального воздействия данный элемент всегда присутствует: [Expl – V_{imp} – AccNP – Inf] *Það* ***truflaði*** *Kjarval að vita af þessum* ‘Кьярвалю не давало покоя то, что он узнал’ [15] (досл. – Оно беспокоило Кьярвала узнать…’).

[1] Знак * (астериск) показывает, что в предложении нарушены грамматические нормы языка.

В белорусском и литовском наблюдается схожая валентностная рамка (вместо эксплетива присутствует синтаксический нуль): неизменяемый по форме предикат открывает позиции для именной группы в винительном падеже, в постпозиции к которой находятся глагольные комплементы, возможность введения которых определяется семантикой глаголов: [V_{imp} – ∅ – (AccNP) – CP] ***Турбавала****, як уладзяцца яны ў новым жыцці?* [14] ‘Волновало, как они устроятся в новой жизни?’; [AccNP – ∅ – V_{imp} – CP] *Ponią Badak* ***liūdino****, kad virdulys buvo pono Badako dovana* [16] ‘Госпожу Бодак опечалило, что подарком от ее мужа стал чайник’.

б) Английские предикативные прилагательные открывают две облигаторные позиции, которые заполняются эксплетивом и неличными комплементами, а косвенное дополнение (O_i), ассоциированное с дательным падежом, может как актуализироваться в конкретном высказывании, так и опускаться: [(Oi)– Expl – $Predic_{imp}$ – CP] (*For most people*) *it* ***was bewildering*** *that they should suffer such losses* [19] ‘Для большинства людей было странно, что они должны терпеть такие убытки’.

Личные предложения, актуализирующие подобные каузативные состояния, предполагают кодирование *Источника* номинативом в белорусском, исландском, литовском (в английском – постановкой его в позицию подлежащего), *Экспериенцера* – аккузативом (прямым дополнением): [NomNP (Targ) – AccNP (Exp)]. В безличных предложениях всех сопоставляемых языков наблюдается замена номинатива (подлежащего) на комплемент: [AccNP (Exp) – Inf/CP (Targ)]. В отличие от предыдущей смысловой схемы, здесь наблюдается сложное семантическое устройство, при котором эмоциональное состояние встраивается в процесс каузации, где *Экспериенцер*, манифестируемый аккузативной именной группой (прямым дополнением), одновременно является и *Пациенсом*: *Амбиент* ⇒ *Пациенс* (*Экспериенцер* ⇔ *Источник*).

Таким образом, сопоставление синтаксической и логико-семантической структур показало, что референты именных групп могут выполнять как субъектную, так и объектную функцию в безличном предложении. Для выявления закономерностей такого функционирования были применены специальные тесты (*subjecthood tests*), разработанные для английского языка Э. Кинэном [20], для исландского – Х. Трауинссоном [3], некоторые из которых (а именно – тесты на введение неличных форм глагола в основное предложение, удаление кореференциального элемента при однородных сказуемых) можно использовать для литовского (см. С. Пиччини [21]) и белорусского.

Было установлено, что именные группы по-разному функционируют в безличных предложениях с дативом (косвенным дополнением) и в предложениях с аккузативом (прямым дополнением). Продемонстрируем это на тесте для английского белорусского и литовского, который предполагает введение неличных форм глагола в состав безличного предложения. Так,

в английском языке введение неличных форм, совпадающих по своему референтному соотнесению с субъектом в главном предложении (причастного оборота), возможно только с предикативом, который присоединяет инфинитив: *Sitting in the front pew, it* ***was hard*** *for Jake to count the number of mourners* [19] ‘Сидя на передней скамье, Джеку был тяжело посчитать количество скорбящих’. Это доказывает, что косвенная (дативная) группа функционирует в качестве субъекта. Введение такого элемента в предложение с глаголом-предикатом, управляющим прямым дополнением (аккузативом), невозможно: **Sitting in the front pew, it* ***disturbed*** *Jake to see…* ‘Сидя на передней скамье, Джека встревожило увидеть…’. Это доказывает, что прямое дополнение (аккузативная группа) выполняет функцию объекта. То же самое наблюдается в белорусском языке (при введении деепричастия): *Прыхварэўшы,* ***добра*** *было мне супакоіцца ад будзённай мітусні* [14] ‘Заболев, хорошо было мне успокоиться от будничной суматохи’ – ср. **Прыхварэўшы, мяне* ***турбавала****, што…* ‘Заболев, меня тревожило, что…’.

В литовских безличных предложениях как с дативной, так и с аккузативной группой допускается только специальная неличная форма, падаливис, используемая для выражения *разных* референтов в основной части предложения и ее неличном распространении: *dar tik pradedant darbą, jam jau* ***būdavo atgrasu*** [16] ‘только начав работать [= когда мы начали работать], ему уже было плохо’; *Nagrinėjant šią temą, mus* ***domina****, ar Montessori sistema…* [16] ‘Рассматривая эту тему, нас интересует, может ли система Монтессори…’. Это демонстрирует объектное функционирование как дативной, так и аккузативной групп.

Для исландского языка используются тесты на способность безличного предиката связываться с возвратным местоимением и/или образовывать синтаксическую структуру «обстоятельство + предикат + *það*». Так, если дативная группа связана по смыслу с возвратным местоимением, то она выполняет функцию субъекта: *Henni* ***líkaði*** *best við á sjálfri sér* [15] ‘Она себе нравилась (досл. – Ей нравилась сама себе)’. В то же время аккузативная группа в каузативных предложениях выступает как объект, поскольку функцию субъекта берет на себя элемент *það*: *Þá* ***snerti*** *það mig að sjá börn sofa á götu* [16] ‘Тогда меня взволновали спящие на улице дети (досл. – Тогда взволновало оно меня увидеть детей спать на улице)’.

Таким образом, дательная именная группа в безличных предложениях эмоционального состояния (логическая схема $\underline{y\ \mathbf{BE}_{\text{feel}}}$) чаще демонстрирует субъектную функциональность по сравнению с винительной именной группой в предложениях, называющих эмоциональные процессы (логическая схема $\underline{x\ \mathbf{CAUSE}\ y\ \mathbf{Be}_{\text{feel}}}$). Субъектный статус дативного элемента подтверждается в исландском при всех стативных глаголах и предикативах, в то время как в английском и белорусском – только с предикативами в сочетании с инфинитивом. Несмотря на структурное сходство предикативных без-

личных предложений белорусского и литовского языка, в последнем дативный элемент выступает как объект. В свою очередь, объектное функционирование аккузативного элемента наблюдается в безличных каузативных предложениях всех сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kim, H.* The Synchrony and Diachrony of English Impersonal Verbs: A Study in Syntactic and Lexical Change / H. Kim. – Columbus : The Ohio State Univ., 1996. – 273 p.
2. *Levin, B.* English Verb Classes and Alternations / B. Levin. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1993. – 348 p.
3. *Thráinsson, H.* The syntax of Icelandic / H. Thráinsson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. – 576 p.
4. *Березина, О. А.* Классификация моделей глагольного безличного предложения в современном английском языке / О. А. Березина // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 1, №. 2. – С. 133–140.
5. *Jónsson, J. G.* Not so quirky: On subject case in Icelandic / J. G. Jónsson // New perspectives on case theory ; eds. E. Brandner, H. Zinsmeister. – Stanford, CA : CLSI, 2003. – P. 127–163.
6. *Рамза, Т. Р.* Безасабовыя сказы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук: 10.02.01 / Т. Р. Рамза ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 1995. – 21 с.
7. *Ambrazas, V.* Lithuanian grammar / V. Ambrazas. – Vilnius : Baltų lankų leidyba, 2006. – 802 p.
8. Collins Online Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.collinsdictionary.com. – Date of access : 24.12.2021.
9. *Суднік, М. Р.* Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / М. Р. Суднік, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
10. *Haraldsson, H.* Rússnesk-íslensk orðabók / H. Haraldsson. – Reykjavik : Nesútgáfan, 1996. – 946 s.
11. *Lyberis A.* Lietuvių-Rusų Kalbų žodynas / A. Lyberis. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001. – 951 p.
12. *Экман, П.* Психология эмоций / П. Экман. –СПб. : Питер, 2010. – 334 с.
13. *Van Valin, R. D.* Syntax, Structure, Meaning / R. D. Van Valin, R. J. Lapolla. – New York : Cambridge Univ. Press, 1997. – 713 p.
14. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://bnkorpus.info. – Дата доступу : 20.12.2021.
15. Risamálheildin [Electronic resource]. – Mode of access: https://malheildir.arnastofnun.is/?mode=rmh2019. – Date of access : 21.12.2021.
16. MATAS – Morphologically Annotated Lithuanian Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : http://corpus.vdu.lt/en. – Date of access : 22.12.2021.

17. *Dambriūnas, L.* Introduction to Modern Lithuanian / L. Dambriūnas, A. Klimas, W. R. Schmalstieg. – Brooklyn, New York : Franciscan Fathers, 1993. – 471 p.
18. *Solstad, T.* Perspectives on demotion: Introduction to the volume / T. Solstad, B. Lyngfelt // Linguistics Today. – 2006. – Vol. 96 : Demoting the agent: passive, middle and other voice phenomena. – P. 1–21.
19. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.english-corpora.org/bnc. – Date of access : 15.11.2021.
20. *Keenan, E. L.* Towards a Universal Definition of "Subject" / E. L. Keenan // Subject and Topic ; ed. by C. N. Li. – New York : Academic Press, 1976. – P. 305–333.
21. *Piccini, S.* Transimpersonal constructions in Lithuanian: towards the emergence of Split Intransitivity / S. Piccini // Baltistica. – 2008. – Vol. 50, № 1. – P. 19–55.

Поступила в редакцию 25.02.2022

УДК 811.112.2’38’42

Куценко Надежда Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры второго иностранного языка (немецкий)
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Kutsenko
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Second Foreign Language (German)
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nwkutsenko@gmail.com

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ РЕАКЦИИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОСВЕННЫХ ПОБУЖДЕНИЙ СМЯГЧЕННОГО ТИПА

MEANS OD EXPRESSING POSITIVE REACTIONS WHEN REALIZING SOFTENED-TYPE INDIRECT ORDERS

В данной статье рассматриваются различные типы выражения в немецкоязычной коммуникации положительной реакции на косвенные побуждения смягченного типа – предложения, просьбы, советы. Важным аспектом реализации таких высказываний является изучение реакции адресата на побуждение, которая показывает правильность интерпретации директивного намерения, а также отношение собеседника к необходимости выполнить определенное действие. Анализ таких реакций позволяет выделить ряд параметров, обусловливающих специфику языковых и невербальных способов их выражения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *косвенные директивные речевые акты*; *реакция на побуждение*; *языковые и невербальные средства*; *семантика*; *интенция*; *интерпретация побуждения*.

The article discusses various types of expressing a positive reaction to indirect orders of a softened type – suggestions, requests, advice – in German-speaking communication. An important aspect of the analysis of the process of implementing such statements is the study of the addressee’s reaction to the order, which shows whether the order has been interpreted correctly, as well as the interlocutor’s attitude to the necessity to perform a certain action. The analysis of such reactions makes it possible to single out a number of parameters that determine the specifics of the linguistic and non-verbal ways of their expression.

The analysis of the material is carried out on the basis of various parameters that make it possible to describe the linguistic and non-verbal means of expressing the interlocutor’s reaction.

K e y w o r d s: *indirect directive speech acts*; *reaction to order*; *linguistic and non-verbal means*; *semantics*; *intention*; *order interpretation.*

Директивные речевые акты предполагают оказание воздействия на собеседника, так как побуждение, по словам Дж. Серля, представляет собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил [1, с. 182]. С целью избежать конфликта и реализовать более вежливое побуждение говорящий нередко использует косвенные формы – такие высказывания, в которых побуждение присутствует имплицитно, например, в вопросе или повествовательном предложении. Учитывая импли-

цитный характер побуждения, важным представляется изучение реакции слушающего, так как она показывает, выявил ли адресат скрытое в высказывании побуждение, а также согласен ли он выполнить необходимое действие. Реакция слушающего не раз становилась фокусом исследования. Так, А. В. Разгуляева исследует роль ответной реакции при построении «грамматики диалога» [2, с. 15]. Е. К. Теплякова рассматривает реакции на директивные высказывания, не разграничивая отдельно прямые и косвенные побуждения [3], А. А. Чухно исследует реакции на косвенные побуждения в английском языке [4], Л. М. Кравченко фокусирует внимание на «корреляции инициативной и реактивной реплик в составе диалогического единства» [5, с. 14].

Анализ существующих исследований показывает, что в них представлены общие типы реагирования – согласие, несогласие, попытка отложить выполнение действия. В связи с этим интерес представляет более подробное и дифференцированное изучение типов реагирования на побуждения, выраженные косвенным способом. В настоящей работе мы ограничиваемся изучением положительной реакции на суггестивы и реквестивы – побуждения смягченного типа. Положительной реакцией является согласие выполнить действие.

Материалом для проведения исследования послужили 105 косвенных директивных речевых актов невысокой степени настоятельности (предложений, просьб, советов), в которых реакция слушающего была выражена вербальным или невербальным способом. Они были отобраны из произведений немецкоязычной художественной литературы XX – начала XXI века. Выявлению побуждения при подборе материала способствует метод трансформации, например:

„*Warum setzen wir uns eigentlich nicht*?“ [WW, S. 108] = *Ich schlage vor, dass wir uns setzen*. ‘«*Почему мы не садимся*?»’ = *Я предлагаю присесть*.

Анализ отобранных контекстов показывает, что они могут быть дифференцированы на основании ряда критериев:

● вербальный – невербальный характер реакции. Вербальная реакция предполагает выражение согласия в ответной реплике при помощи языковых средств. В большинстве случаев (78 %) адресат выбирает вербальную реакцию:

„Willst du mit mir zu Nora gehen?“ „*Ja, gern*.“ [IM, S. 48] ‘«Хочешь пойти со мной к Норе?» – «*Да, хорошо*»’.

Соответственно, в 22 % говорящий ограничивается невербальной реакцией. В роли невербальных компонентов выступают кинесические (жестовые) либо мимические средства (улыбка), например:

Köster stieg schweigend ins Auto ein. „Wollen wir zu mir nach Hause?“ fragte ich. *Er nickte*.“ [DK, S. 400] ‘Кестер молча сел в машину за руль. «Поедем ко мне домой?» – спросил я. *Он кивнул*’.

Кинесический невербальный компонент – кивок головы – является конвенциональным средством выражения согласия. При наличии такой

реакции слушающему не требуется вербального выражения данной интенции. Более неопределенной является невербальная реакция, выраженная улыбкой слушающего, например:

„Ja, schade“, sagte Ravic. „Besser, Sie hätten sie bekommen. Dann hätte wenigstens jemand Freude daran gehabt“. Die Schwester *lächelte dankbar*. [AT, S. 314] ‘«Да, жаль, – сказал Равик. – Будет лучше, если Вы их получите. Тогда хоть кто-то мог бы порадоваться». Сестра *благодарно улыбнулась*’.

Улыбка говорящего показывает положительный эмоциональный фон общения, позволяет выразить доброжелательное отношение к собеседнику, поэтому она нередко свидетельствует о согласии выполнить действие без участия языковых средств.

Следующим параметром рассмотрения реакции слушающего является:

● клишированный – неклишированный характер выражения реакции.

Самым распространенным клишированным средством выражения согласия является ответ, включающий лексемы *ja* ‘да’, *gut* ‘хорошо’, например:

„Am Donnerstag ist mein Abschiedsabend. Madame gibt ein Essen für mich. Kommst du?“ „Donnerstag?“ „ *Ja*.“ „*Gut. Ich werde da sein*.“ [AT, S. 394] ‘«В четверг мой прощальный вечер. Мадам устраивает обед в мою честь. Ты придешь?» – «Четверг?» – «*Да*». – «*Хорошо. Я буду там*»’.

В ответе на косвенные побуждения слушающий также может использовать маркеры вежливости *bitte* ‘пожалуйста’:

Dann sagte er: „Du siehst müde aus. Soll ich dir ein Taxi rufen?“ „*Ja, bitte*.“ [IM, S. 11] ‘Тогда он сказал: «Ты выглядишь уставшей. Мне вызвать такси?» – «*Да, пожалуйста*»’.

Вопросительные конструкции с модальным глаголом *sollen* используются, когда говорящий предлагает сделать что-либо в интересах собеседника и запрашивает лишь его согласие. Собеседник выражает согласие посредством лексем: *ja, bitte*. Маркер *bitte,* с одной стороны, показывает вежливость реакции, с другой стороны, данная структура является одновременно просьбой выполнить действие, предложенное собеседником.

К неклишированным средствам можно отнести выражение реакции посредством словосочетаний, показывающих уместность и целесообразность побуждения: *in Ordnung* ‘в порядке’, *ich bin nicht dagegen* ‘я не против’, *das ist eine gute Idee* ‘это хорошая идея’, *das ist nett von dir* ‘это очень мило с твоей стороны’, *das wäre toll* ‘это было бы замечательно’, *das mache ich* ‘я это сделаю’, например:

Rita lächelte. „Und wie wäre es dann, wenn du einfach Rita zu mir sagst?“ „*Was mich betrifft*“, sagte Sara, „*wäre das voll in Ordnung*.“ [VL, S. 339] ‘Рита улыбнулась. «А что, если ты будешь называть меня просто Рита?» – «*Что касается меня*», – сказала Сара, – «*это было бы вполне нормально*»’.

Коммуникант инициирует предложение более неформального обращения, используя форму сослагательного наклонения и придаточного предложения: *Und wie wäre es dann, wenn du* (‘А что, если ты..?’). Сослагательное

наклонение здесь выражает возможность выполнения действия, неуверенность говорящего в согласии собеседника. Реакция слушающего (*Was mich betrifft, wäre das voll in Ordnung* ‘Что касается меня, это было бы вполне нормально’) также содержит сослагательное наклонение как маркер вежливости и клишированную форму *voll in Ordnung*, показывающую уместность предложения.

Неклишированные средства выражения согласия выполнить побуждение приобретают такое значение в конкретной ситуации общения, в определенном контексте.

При рассмотрении реакции необходимо также учитывать:

● развернутый – неразвернутый характер реакции. Так, реакция собеседника может выражаться только одним словом *ja* или с помощью модальных лексем, которые свидетельствуют об очевидности согласия собеседника: *sicher* ‘конечно’, *selbstverständlich* ‘разумеется’, *natürlich* ‘естественно’, *bestimmt* ‘конечно’, например:

1. Köster und Binding kamen zurück. Binding war in den paar Minuten ein ganz anderer Mann geworden. “Wollen wir zusammen essen?” fragte er. “*Selbstverständlich*”, erwiderte Lenz. [DK, S. 33] ‘Кестер и Биндинг вернулись. Биндинг за несколько минут стал другим человеком. «Не поужинать ли нам вместе?» – «*Конечно*», – ответил Ленц’.

2. „Es ist kalt. Willst du eine Jacke mitnehmen?“ „*Ja, bestimmt*.“ [IM, S. 57] ‘«Холодно. Ты не хочешь взять куртку?» – «*Да, конечно*»’.

К. Дилинг считает, что при использовании модальных лексем категоричные побуждения теряют официальную холодность, так как эти слова выражают субъективность позиции говорящего, его заинтересованность в выполнении действия. Кроме того, они модифицируют степень категоричности высказывания [6, S. 145]. Примеры из нашей выборки подтверждают наблюдения немецкого лингвиста.

Использование рассматриваемых лексем не всегда уместно в официальной обстановке общения. Некоторые же маркеры согласия (*gemacht* ‘договорились’, *deinetwegen* ‘ради тебя’, *kein Problem* ‘не проблема’, *toll* ‘замечательно’) могут встречаться только при неофициальном общении, в процессе коммуникации собеседников, равных по статусу, например:

„Wie wäre es, Kat, wenn wir Kropp und Tjaden ein Stück brächten?“ „*Gemacht*“, sagt er. [WN, S. 82] ‘«Как насчет того, чтобы мы отнесли Кроппу и Тьядену кусок?» – «*Договорились*», – сказал он’.

Анализ материала показывает, однако, что реакция собеседника может быть более развернутой, например, при использовании придаточных предложений условия, например:

Ich sagte zu meinem Mann: „Am 27. Oktober gehen wir in die Oper. Ich hoffe, du hast nichts dagegen.“ Mein Mann sagte: „*Na gut, wenn du willst*.“ [IM, S. 9] ‘Я сказала моему мужу: «27 октября мы идем в оперу. Я надеюсь, ты ничего не имеешь против». Мой муж сказал: «*Ну хорошо, если ты хочешь*»’.

В данном случае речь идет о настоятельном побуждении, выраженном категоричной формой – при помощи повествовательной конструкции. Однако характер предлагаемого действия – вместе сходить в оперу, а также родственные отношения позволяют рассматривать данное высказывание в качестве предложения. Говорящий смягчает настоятельность побуждения высказыванием: *Ich hoffe, du hast nichts dagegen* ‘Я надеюсь, ты ничего не имеешь против’. Собеседник выражает согласие выполнить предлагаемое действие, используя придаточное предложение: *Na gut, wenn du willst* ‘Ну хорошо, если ты хочешь’. В данном контексте этим предложением подчеркивается, что слушающий выполняет побуждение, учитывая желание говорящего. Такие придаточные могут иметь различные формы: *wenn du willst* ‘если ты хочешь’, *wenn du sagst* ‘если ты говоришь’, *wenn du das möchtest* ‘если ты этого хочешь’, *wenn es nötig ist* ‘если это необходимо’, *wenn es für dich wichtig ist* ‘если это для тебя важно’. Важной особенностью таких придаточных является то, что они показывают следующее: действие говорящий совершает вопреки собственному желанию, только с учетом желания говорящего.

В качестве развернутой реакции на косвенное побуждение можно рассматривать императивные конструкции в ответной реплике, например:

“Kann ich einen von diesen Keksen haben?” “*Schlag zu*!” [WW, S. 78] ‘«Я могу взять один из этих кексов?» – «*Угощайся*!»’

Такие структуры встречаются при наличии просьбы и являются разрешением выполнить действие, а также одновременно выражают побуждение к данному действию, так как выражены императивной конструкцией.

В некоторых случаях односложную реакцию можно рассматривать как недостаточно вежливую, поэтому говорящий может использовать развернутый ответ, включающий повтор содержания высказывания, например:

„Brauchst du Hilfe?“ Das war einer der rothaarigen Zwillinge, denen er gefolgt war. „*Ja, ich brauche Hilfe*.“ [WW, S. 54] ‘«Тебе нужна помощь?» Это был один из рыжеволосых близнецов, за которыми он следовал. – «*Да, мне нужна помощь*»’.

Констатация факта необходимости помощи является вежливым согласием принять помощь.

Рассмотрение практического материала позволяет выделить еще один параметр:

● однозначный – неоднозначный характер реакции. Однозначная реакция легко интерпретируется слушающим даже в минимальном контексте, например:

„Wollen wir leise verschwinden?“ fragte ich. *„Ja, sicher“* [DK, S. 132] ‘«Может, нам тихо исчезнуть?» – спросил я. – «*Да, конечно*»’.

В случае экспликации неоднозначной реакции адресат не отказывает прямо, но и не выражает согласие, для интерпретации таких структур необходимо знание ситуации общения, например:

„Das scheint mir eine ausgezeichnete Idee. Warum ziehst du nicht dein eigenes Geschäft auf? Ich gebe dir das Kapital.“ „*Ich muss darüber nachdenken*“ [IM, S. 78] ‘«Это мне кажется замечательной идеей. Почему ты не откроешь собственный магазин? Я тебе дам капитал». – «*Я должен об этом подумать*»’.

В рассматриваемом контексте говорящий побуждает собеседника начать собственное дело. Слушающий отвечает вежливой формой: *Ich muss darüber nachdenken* ‘я должен об этом подумать’, интерпретация которой может быть различной в зависимости от контекста. При помощи такой формулировки коммуникант, попросив время на обдумывание, может рассматривать предложение как уместное для принятия, в то же время он может таким образом вежливо выразить отказ.

Еще одним параметром рассмотрения ответной реакции является:

● эмоционально-экспрессивный характер побуждения – отсутствие экспрессивной окраски. В большинстве случаев (82 %) в нашем материале встречается нейтральная реакция без эмоциональных оттенков, например:

„Bringst du mir alle Dokumente?“ „*Mache ich*“ [IM, S. 34] ‘«Ты мне принесешь все документы?» – «*Сделаю*»’.

Согласие выполнить побуждение может, однако, сопровождаться радостными эмоциями, указания на которые содержатся в авторских ремарках, например:

„Willst du mit mir zu Martin gehen?“ „*Bestimmt*”, *sagte sie sehr freudig und ihre Augen strahlten*. [IM, S. 45] ‘«Ты хочешь пойти со мной к Мартину?» – «*Конечно*», *– сказала она радостно, и ее глаза засияли*’.

Радость слушающего свидетельствует о желании выполнить побуждение, о положительном фоне общения. Такая реакция способствует кооперативному общению.

В материале присутствует выражение положительных эмоций (15 %), например:

„Willst du mit in den Zoo gehen?“ fragte der Vater wie beiläufig. „*In den Zoo*?“ schrie der Junge und rannte zum Vater. „*In den Zoo*? *Ich habe darauf so lange gewartet*! *In 10 Minuten bin ich fertig*!“ [WW, S. 164] ‘«Ты хочешь пойти в зоопарк?» – спросил отец как бы между прочим. «*В зоопарк?*. – закричал мальчик и подбежал к отцу. – *В зоопарк*? *Я так долго ждал этого*! *Через 10 минут я буду готов*!»’

Сочетание нескольких реплик свидетельствует об экспрессивности реакции, о сильном желании слушающего реализовать побуждение. В данном примере отец предлагает сыну пойти в зоопарк посредством вопросительной конструкции с использованием модального глагола *wollen,* который апеллирует к желанию собеседника, запрашивая его согласие на выполнение действия. Мальчик выражает желание пойти с отцом, используя высказывания с сильной эмоциональностью: *In den Zoo*? *In den Zoo*? *Ich habe darauf so lange gewartet*! *In 10 Minuten bin ich fertig*! ‘В зоопарк? В зоопарк? Я так долго ждал этого! Через 10 минут я буду готов!’. Стилистический

повтор вопроса *in den Zoo*? выражает удивление, неверие слушающего в предлагаемую возможность. Коммуникант проявляет радостные эмоции, которые эксплицируются лексически, а также вопросительной и восклицательной формой высказывания. Языковые средства выражения эмоциональной реакции мальчика взаимодействуют с невербальными характеристиками высказывания: „*In den Zoo*?“ *schrie der Junge und rannte zum Vater*. ‘«В зоопарк?» – закричал мальчик и подбежал к отцу’. Способ произнесения высказывания, а также резкие действия собеседника усиливают эмоциональный фон общения. Эмоции в таких случаях позволяют однозначно интерпретировать реакцию коммуниканта.

В единичных случаях (3 %) присутствует выражение негативных эмоций, например:

„An deiner Stelle würde ich mich wärmer anziehen.“ „*Das wollte ich gerade machen, aber warum drängst du mir immer etwas auf*?“ [WW, S. 89] ‘«На твоем месте я бы теплей оделась» – «*Я как раз собирался это сделать, но почему ты всегда мне что-то навязываешь*?»’

Совет говорящего вызывает негативные эмоции у слушающего. Собеседник соглашается выполнить побуждение, однако показывает при этом негативные эмоции посредством риторического вопроса с семантикой упрека.

Таким образом, спектр положительных реакций является достаточно широким, для дифференциации реакций необходимо введение ряда параметров: вербальный – невербальный характер выражения, клишированный – неклишированный характер, развернутый – неразвернутый характер, однозначный – неоднозначный характер, наличие эмоциональной окраски – отсутствие эмоциональной окраски. Данные параметры определяют вариативность ответных реакций и позволяют дифференцировать их на основе конкретных признаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сёрль, Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М., 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 170–194.

2. *Разгуляева, А. В.* Функционирование директивов в диалогических единствах (на материале современного французского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / А. В. Разгуляева ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2000. – 21 с.

3. *Теплякова, Е. К.* Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе : на материале современного немецкого языка : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. К. Теплякова ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 17 с.

4. *Чухно, А. А.* Косвенные директивы и реакции на них : фактор адресата : на материале английской диалогической речи : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Чухно ; Кубан. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 2007. – 19 с.
5. *Кравченко, Л. М.* Типология вербальных реакций немецкоязычного реципиента на директивные стимулы говорящего в персональном и институциональном дискурсах (на материале транскриптов аутентичных диалогов) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. М. Кравченко ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2010. – 41 с.
6. *Dieling, K.* Zur Subkalssifizierung der deutschen Modalworter / K. Dieling // Dt. als Fremdsprache. – 1996. – Jg. 33, № 3. – S. 144–148.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

AT – *Remarque, E. M.* Arc de Triomphe : Roman / E. M. Remarque ; mit einem Nachw. von T. Westphalen. – Köln : Kiepenheuer u. Witsch, 1998. – 498 S.
VL – *Blobel, B.* Voll das Leben / B. Blobel. – München : Egmont Schneider, 2004. – 375 S.
DK – *Remarque, E. M.* Drei Kameraden : Roman / E. M. Remarque. – 2. Aufl. – M. : Verl. für fremdsprachige Lit., 1963. – 461 S.
IM – *Kleinst, A*. Irren ist menschlich (Erinnerundgen und Geschichten) / A. Kleinst – Frankfurt am Main : Lang, 1998. – 330 S.
WN – *Remarque, E. M.* Im Westen nichts Neues / E. M. Remarque. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1975. – 266 S.
WW – Warten auf Weihnachten : 24 Geschichten bis zum Heiligabend / Hrsg. S. Klein. – Hamburg : F. Oetinger, 2003. – 408 S.

УДК 811.134.2’42

Лисова Алла Борисовна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры лексикологии испанского языка
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Alla Lisova
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Spanish Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lisovaab@mail.ru

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ НЕКООПЕРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ
(на материале испанского языка)

INTENSIFICATION IN IMPLEMENTING NON-COOPERATIVE STRATEGIES IN POLITICAL DIALOGUE
(on the Material of the Spanish Language)

Статья посвящена анализу использования языковых интенсификаторов в некооперативном речевом взаимодействии в рамках политического диалога на испанском языке. Выделены основные стратегии некооперативного общения, в которых участвуют единицы интенсифицирующего содержания. Описана роль маркеров интенсификации в реализации той или иной некооперативной стратегии. Установлены характеристики набора маркеров интенсификации, употребляемых в некооперативном типе диалогического взаимодействия. Выявленные характеристики функционирования языковых интенсификаторов в испаноязычном политическом диалоге демонстрируют их особый потенциал для реализации стратегий конфронтации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *политический диалог*; *интенсификация*; *некооперативные стратегии*; *дискредитация*; *ссора*; *разоблачение*; *манипуляция*.

The article deals with the analysis of the use of language intensifiers in non-cooperative communication in political dialogue in Spanish. It presents the main strategies of non-cooperative communication with the use of intensifiers, and describes the role of intensifiers in the implementation of a particular non-cooperative strategy. The characteristics of the set of intensification markers used in the non-cooperative type of dialogical interaction are revealed. The described characteristics of the functioning of language intensifiers in the Spanish-language political dialogue demonstrate their special potential for the implementation of confrontational strategies.

K e y w o r d s: *political dialogue*; *intensification*; *non-cooperative strategies*; *discrediting*; *quarreling*; *exposure*; *manipulation*.

К наиболее популярным, а также любопытным направлениям в современных лингвистических исследованиях относится теория речевого воздействия, в рамках которой изучаются коммуникативные стратегии и языковые средства их реализации. В контексте данных исследовательских интересов особенно привлекательным для изучения становится политический дискурс, воплощающий коммуникативное воздействие на адресата в наиболее концентрированной форме (как известно, весьма актуальными инструментами в борьбе за власть являются манипуляция, убеждение, внушение и т.п. [1, л. 54; 2, с. 10–12; 3, с. 34; 4, л. 7]. Языковые средства, используемые

в политической коммуникации, как правило, организуются и подчиняются основной стратегии, избранной говорящим для достижения заданной цели, что мотивирует исследование особенностей взаимодействия самых различных языковых единиц и коммуникативных стратегий, в рамках которых они употребляются.

Объектом настоящего исследования являются языковые интенсификаторы – единицы, обладающие внушительным семантико-прагматическим потенциалом и способные выполнять самые различные функции в той или иной коммуникативной сфере: градуировать характеристики, смягчать/усиливать категоричность реплики, акцентировать тот или иной элемент высказывания и др. Изучение феномена интенсификации в языке и речи на материале разных языков имеет достаточно давнюю традицию (И. Г. Беручашвили [5], Ю. И. Горбунова [6], Т. Н. Григоренко [7], И. А. Жаворонкова [8], Н. В. Карповская [9], В. А. Мальцев [10] и др.). При этом исследование особенностей функционирования языковых интенсификаторов в проекции тактико-стратегической организации испаноязычного политического диалога ранее не проводилось, что определяет актуальность настоящей работы.

В лингвистической литературе существуют весьма различные тенденции относительно выделения и классификации стратегий организации дискурса (ср. работы Ю. М. Ивановой [1], О. С. Иссерс [11], Н. Н. Кирилловой [12], А. К. Михальской [13], Е. И. Шейгал [4] и др.). Наиболее традиционным при этом является подход, согласно которому выделяются три основные стратегии, описывающие политическую коммуникацию: кооперативные, некооперативные и презентационные. В данной же работе для анализа особенностей функционирования языковых интенсификаторов наиболее любопытными представляются некооперативные стратегии.

Цель настоящей работы заключается в выявлении характеристик функционирования языковых интенсификаторов в некооперативном стратегическом оформлении политического диалогического взаимодействия на испанском языке. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выделить стратегии некооперативного политического диалога на испанском языке с участием интенсифицирующих единиц; 2) описать роль данных языковых единиц в некооперативном речевом взаимодействии; 3) установить характеристики набора маркеров интенсификации, используемых в рамках стратегий некооперативного общения в испаноязычном политическом диалоге.

Логично предположить, что агональный характер протекания политического диалога будет прямо пропорционально отражаться на употребительности интенсифицирующих единиц в рамках реализации некооперативных коммуникативных стратегий. И, действительно, проведенный анализ испаноязычного политического диалога показал, что интенсификация значений, выражаемых в рамках конструктивного коммуникативного взаимодействия (18 % проанализированных примеров), как и презентационных установок на испанском языке (24 % реплик в исследуемом материале),

уступает в востребованности интенсифицированным конструкциям, реализующим модель речевого взаимодействия, ориентированную на конфронтацию с собеседником (58 % реплик), что обусловливает выбор последних в качестве объекта настоящего исследования.

Анализируемые в испаноязычном политическом диалоге реплики, содержащие элементы со значением интенсивности, направлены на осуществление коммуникантом следующих стратегий конфронтации.

А. Дискредитация (30 % реплик, содержащих интенсификаторы):

Su gestión en materia de educación ha sido un ***clamoroso*** *fracaso*. В данном случае интенсифицируется негативная оценка профессиональных характеристик оппонента и результатов его работы. Использование эмоционально окрашенного маркера интенсификации способствует усилению конфликтогенности сформулированной реплики.

Кроме того, умалению могут подвергаться и личностные качества собеседника, также имеющие отношение к его роду деятельности: *Tienen una* ***gran*** *desfachatez*. В приведенном примере выражается усиление негативной этической оценки.

Отдельно следует отметить использование анализируемых единиц в рамках приема иронии, где интенсифицирующие единицы могут как входить в состав иронизирующей реплики, так и самостоятельно нести такой потенциал. Ср. следующие примеры:

Ha hablado de infraestructuras, me parece ***muy*** *bien, bienvenido al club, está inaugurando lo que el Partido Popular dejó establecido en la legislatura pasada.* Данный пример иллюстрирует интенсификацию положительной оценки говорящим речевых действий оппонента, однако подчеркивающей при этом их очевидность и несвоевременность.

O sea un error del 500 o del mil por ciento yo creo que es ***un poquito*** *grande, ¿no?* В этом же случае носителем иронического смысла является сам маркер низкой степени интенсификации (усиленный к тому же уменьшительным суффиксом), позволяющий автору данной реплики иронизировать по поводу, наоборот, огромных масштабов допущенной ошибки.

Б. Ссора (несогласие) (10 % употреблений).

В испаноязычном политическом диалоге нередки приемы перебивания оппонента с помощью лаконичных, содержащих элементы интенсификации восклицательных реплик. Например:

1: Todas esas calles desaparecieron del callejero español y nos encontramos en cambio con las calles de los otros, aquí en España los verdugos, los ayuntamientos social-comunistas han borrado la memoria de las víctimas,

2 (перебивая)*: ¡****Qué*** *barbaridad!*

1: los verdugos, los ayuntamientos del partido socialista y del partido comunista han borrado la memoria de las víctimas, víctimas asesinadas por la izquierda impunemente porque hemos visto posteriormente que nadie les ha pasado tributo de eso.

2: ¡Pero ***qué*** *barbaridad!*

Кроме того, интересно отметить непосредственное участие интенсифицирующих единиц в усилении агрессии в речевом поведении коммуникантов. Так, например, в следующем диалогическом единстве, представляющем собой обмен короткими повторяющимися репликами, *absolutamente* служит маркером в высокой степени категоричного несогласия с собеседником:

1: Eso no es cierto.

2: Eso es ***absolutamente*** *cierto.*

В. Разоблачение.

Важно подчеркнуть весьма характерную употребительность (12 % проанализированных реплик) интенсифицирующих единиц в рамках политического диалога с целью обличения собеседника во лжи. Конструкции, актуализирующие подобные смыслы, выражают при этом различную степень категоричности. Ср. примеры:

Quiero decir que a señora Matthei falta la verdad cuando dice que hay que pagar un cheque grande para nacionalizar el cobre, eso es falso, de falsedad ***absoluta.*** В данном случае наблюдается использование интенсификатора предельной степени с целью подчеркнуть намеренную ложность высказываний оппонента. В следующем же примере категоричность суждения значительно усиливается за счет употребления двойного приема интенсификации, представленного конструкцией, содержащей градацию значения ‘обман’, а также экспрессивно окрашенной единицей ‘бесконечность’:

Ha mentido, ***ha engañado***, ***ha faltado a la verdad***, *pero en* ***infinidad*** *de ocasiones.*

Г. Манипуляция (6 % проанализированных реплик):

Eso es mentira y además hay un nombre para ello, en Corea del Norte las llaman “zonas de control total” y usted sabe ***perfectamente*** *que existen porque el propio gobierno dice que existen y además hay fotos hechas por satélite ….* Прием апелляции к знанию собеседника с использованием интенсификатора в приведенном высказывании призван решительно принудить оппонента признать свою неправоту.

Помимо тактико-стратегического разнообразия в использовании интенсификаторов в рамках политического диалога на испанском языке, представляется необходимым зафиксировать и особенности собственно маркеров интенсификации.

Выявленный в анализируемом материале набор интенсификаторов характеризуется, во-первых, разнообразием употребляемых единиц с точки зрения их положения на шкале интенсификации и выражаемой ими степени (высокой, абсолютной, низкой, очень низкой) с преобладанием, во-вторых, маркеров предельной (*absolut(-o/-amente), total(-mente), plenamente, complet(-o/-amente)* и т.п.) и высокой степени (*muy / mucho, tan, que* и т.п.), позволяющих выражать наивысшую степень категоричности суждений, что в полной мере отражает обусловленность используемых интенсификаторов основной коммуникативной стратегией говорящего.

Вместе с тем, помимо маркеров высокой и предельной степени интенсификации, способствующих обострению конфликтной коммуникативной ситуации, деинтенсификаторы в данном типе диалогического взаимодействия так же довольно часто призваны подчеркнуть противостояние оппонентов. Рассмотрим следующее диалогическое единство:

1: Veo que se ha documentado escogiendo cuatro noticias.

2: Parece que Usted tampoco conoce la historia coreana.

1: El armisticio se firma el 27 de julio del 53, pero bueno, ya se educará ***un poco*** *más sobre la historia coreana, porque viene* ***poco*** *preparado, leerse un par de artículos en el mundo no soluciona nada <...>.*

2: *Bueno, señor Cavero, aquí sabemos distinguir entre socialismo y comunismo, ¿vale?, venimos leídos y a lo mejor examinar a los demás en Corea del Norte es habitual, con la finalidad que todos no suponemos si no sabemos, pero aquí queda* ***un poquito*** *feo, ¿eh? ....*

В данном примере деинтенсификатор *un poco* (наряду с маркером *poco*) используется обоими участниками речевого взаимодействия в рамках агрессивных коммуникативных установок: в первом случае реализуется упрек в некомпетентности / неподготовленности оппонента, во втором – отрицательная этическая оценка коммуникативного поведения.

В - т р е т ь и х, результаты анализа указывают на употребительность экспрессивно окрашенных элементов (*colosal, clamoroso, vaya, infinitamente, interminablemente, fenomenal, brutal* и т.п.), иллюстрирующих, на наш взгляд, важность для говорящего демонстрации своего красноречия и компетентности, а также необходимость варьировать градус экспрессивности интенсификации того или иного высказывания.

Таким образом, показанные количественно-качественные характеристики функционирования маркеров интенсифицирующего содержания в рамках стратегической организации испаноязычного политического диалога позволяют отметить тенденцию их преимущественного взаимодействия с конфликтными стратегическими установками и, соответственно, увеличения их прагматической нагрузки для усиления категоричности высказывания и негативнооценочных суждений, манипуляции коммуникативным поведением собеседника и обострения конфронтационной направленности данного типа диалогического взаимодействия (при этом интенсифицирующие единицы могут не только способствовать реализации некооперативных стратегий в совокупности с другими средствами, но и являться средоточием данных коммуникативных установок).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова, Ю. М.* Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : дис. … канд. филол наук : 10.02.19 / Ю. М Иванова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2003. – 138 л.

2. *Рублева, Е. В.* Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Рублева ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2006. – 25 с.
3. *Чудинов, А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
4. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 л.
5. *Беручашвили, И. Г.* Системные и речевые интенсификаторы в современном английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / И. Г. Беручашвили ; Тбил. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т. – Тбилиси, 1986. – 21 с.
6. *Горбунова, Ю. И.* Семантические особенности имен прилагательных со значением меры и степени в современном русском языке: на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. И. Горбунова. – Саранск, 2005. – 160 л.
7. *Григоренко, Т. Н.* Способы интенсификации в португальском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Т. Н. Григоренко ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1987. – 24 с.
8. *Жаворонкова, И. А.* Выражение высокой степени качества в современном немецком языке (на материале имен прилагательных) : автореф. дис. … канд. филол. наук / И. А. Жаворонкова ; Яросл. гос. пед. ин-т. – Ярославль, 1968. – 22 с.
9. *Карповская, Н. В.* Категория интенсивности атрибутивного признака в испанском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Н. В. Карповская ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1998. – 19 с.
10. *Мальцев, В. А.* Английские эмоционально-усилительные наречия : автореф. дис. … канд. филол. наук / В. А. Мальцев ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1964. – 24 с.
11. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / / О. С. Иссерс. – Омск, 1999. – 288 с.
12. *Кириллова, Н. Н.* Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий / Н. Н. Кириллова // Вестн. НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Сер.: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 1. – С. 26–33.
13. *Михальская, А. К.* Основы риторики: Мысль и слово : учеб. пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений. – М. : Просвещение, 1996. – 416 с.

Поступила в редакцию 16.02.2022

УДК 811.111’373.611/.612(043.3)

Юлия Игоревна Петракова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Julia Petrakova
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of German Speech Practice
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
julia0887@tut.by

ВНУТРИКАТЕГОРИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

INTRACATEGORICAL NAMING AS CRUCIAL ONOMASIOLOGICAL TASK OF DERIVATIONAL PROCESSES

В статье рассматриваются способы реализации внутрикатегориальной номинации с помощью словообразования и семантической деривации. На материале производных имен существительных немецкого языка было установлено, что данное ономасиологическое задание является приоритетным для обоих способов номинации, однако конкретные модели, по которым осуществляется порождение наименований, как правило, различны, что свидетельствует о взаимодополнительном характере словообразования и семантической деривации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *номинация*; *ономасиологическое задание*; *словообразование*; *семантическая деривация*; *производная единица.*

The article deals with the means of intracategorical naming in word formation and semantic transfer. The analysis of derived German nouns reveals that this onomasiological task, although important to both ways of naming, is realized mostly by different models, which highlights the complementary character of word formation and semantic transfers.

K e y w o r d s: *naming process*; *onomasiological task*; *word formation*; *semantic transfer*; *derived unit.*

Существует поистине огромный пласт исследований, посвященных словообразовательной и семантической деривации. Глубокую разработку получили основные теоретические понятия данных номинативных процессов, а также дифференциация их конкретных приемов, конечных результатов и ономасиологических моделей (см., напр., работы Г. О. Винокура, Н. М. Шанского, М. Д. Степановой, М. Докулила, Е. С. Кубряковой, И. С. Улуханова, М. В. Никитина, З. А. Харитончик, Х. Велльманна, В. Фляйшера, Х. Вейнриха, И. Г. Ольшанского и др.).

Значительное количество штудий, выделяющих ключевые характеристики словообразования и семантической деривации, не исчерпывает, однако, всех проблемных вопросов, связанных с функционированием данных номинативных механизмов. Одной из таких проблем, стоящих перед дериватологами, является раскрытие условий сосуществования, или соотно-

шения, словообразования и семантической деривации в системе номинативных процедур. Установление общности и специфики ведущих способов номинации становится возможным при сопоставлении словообразования и семантической деривации по основаниям, онтологически обусловленным структурой номинативного акта [1, с. 30–32; 2, с. 7–8; 3; 4, p. 3–8; 5]: 1) выбор из словарного состава языка лексических единиц, используемых для порождения новых наименований – словообразовательных дериватов и имен в их вторичных значениях; 2) выполнение ономасиологических, или смысловых, заданий, репрезентируемых теми или иными семантическими типами производных единиц; 3) установление семантических связей между производящими и производными единицами. Рассмотрим, какие исследовательские возможности открывает данный подход при анализе ономасиологических заданий, выполняемых в процессах словообразования и семантической деривации.

Выше отмечалось, что основанием для выделения ономасиологических заданий традиционно выступают лексико-семантические характеристики производных единиц – как словообразовательных дериватов, так и имен в их вторичных значениях. Именно корреляции производящих и производных единиц на уровне их лексико-семантических характеристик привели языковедов к осознанию моделируемого характера словообразования и семантической деривации, что свидетельствует о релевантности данного аспекта анализа номинативного процесса (см., напр., [6; 7; 8; 9; 10] и мн. др.).

На материале имен существительных современного немецкого языка – наименований частей тела, орудий труда и психических свойств, отобранных из идеографического словаря «Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen» [11], а также их субстантивных словообразовательных производных и вторичных значений, представленных наиболее широко в словообразовательном словаре «Deutsches Wortfamilienwörterbuch» [12] и толковом словаре «Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» [13] соответственно, нами было установлено, что словообразование и семантическая деривация выполняют 29 ономасиологических заданий, большинство из которых являются общими для двух способов номинации.

Привлекает внимание тот факт, что лексико-семантическая принадлежность производящих баз оказывает несомненное влияние на количество ономасиологических заданий, выполняемых в словообразовании и семантической деривации: в немецком языке наименования частей тела служат для формирования единиц 28 лексических классов, наименования орудий труда – 22 лексических классов, а на базе наименований психических свойств выполняется 12 ономасиологических заданий. Однако вне зависимости от лексико-семантических характеристик производящих единиц и словообразование, и семантическая деривация чаще всего используются для внутрикатегориальной номинации: более половины производных единиц принадлежат к тем же лексико-семантическим группам, что и производящие базы. Так, на материале наименований частей тела результаты внутрикатегори-

альной номинации представлены такими единицами, как *das Fußgelenk* ‘голеностопный сустав’, *der Fuß* 3. ‘лапка насекомого’ (< *der Fuß* ‘стопа’); *der Kehldeckel* ‘(анат.) надгортанник’, *die Kehle* 2. ‘трахея’ (< *die Kehle* ‘горло, гортань’); *die Mundschleimhaut* ‘слизистая оболочка рта’, *der Mund* 2. ‘(зоол.) ротовое отверстие’ (< *der Mund* ‘рот’) и др.

На базе наименований орудий труда активно порождаются единицы с идентичными лексико-семантическими характеристиками: *die Schaufel* 7. ‘ковш’ (< *die Schaufel* ‘лопата’), *der Meißel* 2. ‘(мед.) корпия, долото’ (< *der Meißel* ‘долото’), *der Schlichthobel* ‘фуганок для чистовой обработки’ (< *der Hobel* ‘рубанок’), *das Pflugmesser* ‘лемех (плуга)’ (< *der Pflug* ‘плуг’), *die Scheibenegge* ‘дисковая борона’ (< *die Egge* ‘борона’) и др.

Для наименований психических свойств, соответственно, характерно участие в образовании аналогичных единиц: *die Art* 2. ‘нрав, поведение, привычка’ (< *die Art* ‘характер, сущность’), *die Bewusstseinsschwelle* ‘(психол.) порог сознания’ (< *das Bewusstsein* ‘сознание’), *der Charakterfehler* ‘отрицательная черта характера’ (< *der Charakter* ‘характер’), *das Gefühl* 2. ‘чутье, интуиция’ (< *das Gefühl* ‘чувство’), *die Gesinnungstreue* ‘верность убеждениям’ (< *die Gesinnung* ‘убеждения’) и др.

Однако несмотря на то, что данные ономасиологические задания преобладают в обоих номинативных процессах, количественное сопоставление результатов словообразования и семантической деривации показывает, что словообразование тяготеет к внутрикатегориальной номинации в большей степени, чем семантическая деривация.

Иными словами, классы наименований частей тела, орудий труда и психических свойств, к которым принадлежат производящие единицы, чаще пополняются с помощью словообразовательных производных, чем вторичных значений. Так, соответствующие лексико-семантические характеристики имеют 44 % словообразовательных производных и 24,5 % вторичных значений, образованных на базе наименований частей тела, 79 % и 18 % единиц, образованных от наименований орудий труда, и 60 % и 32 % единиц, порождаемых при использовании наименований психических свойств соответственно.

Преобладание внутрикатегориальной номинации для словообразования объясняется важной ролью словосложения в современном немецком языке: с помощью этого словообразовательного приема в исследуемом материале создано более 95 % субстантивных дериватов. Рамками данного исследования задается только один компонент сложных слов – наименование части тела, орудия труда или психического свойства, в то время как сочетающиеся с ним компоненты нередко выступают в роли определителя: *der Knochen* ‘кость’ > *der Wirbelknochen* ‘(анат.) позвонок’, *das Beil* ‘топор’ > *das Handbeil* ‘топор-тесак’. В сложном слове, как видно, одна единица уточняет другую: нечто называемое выделяется из класса объектов и характеризуется «под определенным углом зрения» [14, S. 195]. Порождаемые наименования обозначают разновидность части тела, орудия труда или психического

свойства и в результате пополняют те же лексические классы, к которым относятся производящие базы. Словосложение дает именующему субъекту возможность охарактеризовать предметы, например, по параметрам ‘функция’ (*der Trog* ‘корыто’ > *der Waschtrog* ‘корыто для стирки’), ‘внешний вид’ (*die Nase* ‘нос’ > *die Hakennase* ‘крючковатый нос’), ‘принадлежность’ (*der Geist* ‘душа, сознание’ > *der Forschergeist* ‘ум исследователя’), ‘локализация’ (*die Feder* ‘перо’ > *die Schwanzfeder* ‘хвостовое перо’) и т.д. Очевидно, что в немецком языке благодаря словосложению становится возможным эксплицитно называть разнообразные вариации параметров, по которым выделяются члены субкатегории. Вследствие этого возникают развитые радиальные гиперо-гипонимические группировки, содержащие большое количество гипонимов, которые имеют, как правило, ту же лексико-семантическую принадлежность, что и их производящие базы. Семантическая деривация, в силу своего внутрисловного характера, не располагает такими возможностями и потому не может ответить на соответствующие номинативные запросы именующего субъекта.

Несмотря на количественные различия между результатами словообразования и семантической деривации, внутрикатегориальная номинация является наиболее частотным ономасиологическим заданием для обеих номинативных стратегий, манифестируя, таким образом, их изофункциональность в данном аспекте. Однако описание внутрикатегориальной номинации не может ограничиваться выявлением ее высокой значимости. Поскольку в выполнении этого ономасиологического задания участвуют два способа номинации, каждый из которых характеризуется специфичным набором приемов, возникает необходимость определить линии дифференциации словообразования и семантической деривации. Для решения этой задачи требуется установить, какие когнитивные основания задействованы в исследуемых номинативных процессах и совпадают ли семантические отношения, которые связывают производящие единицы и результаты номинации – словообразовательные производные и имена существительные во вторичных значениях.

Сопоставление моделей внутрикатегориальной номинации на базе наименований частей тела, орудий труда и психических свойств свидетельствует о том, что оба способа номинации опираются как на общие, так и на специфичные когнитивные основания. Преобладание семантических отношений, общих для словообразования и семантической деривации, наблюдается только при использовании в качестве производящих единиц наименований частей тела. Так, оба способа порождают наименования частей тела, опираясь на их (1) пространственную смежность с исходной сущностью и (2) партитивную связь с целым: 1) *der Gaumen* ‘небо’ > *die Gaumenmandel* ‘небная миндалина’; *die Brust* 1. ‘грудь (грудная клетка)’ > 3. ‘женская грудь’; 2) *der Finger* ‘палец’ > *das Fingergelenk* ‘фаланга пальца’, *die Pranke* 1. ‘лапа’ > 3. ‘нижняя часть лапы’.

Оба номинативных способа также задействованы для характеризации исходной сущности по ее (1) **внешнему виду** и (2) **пространственному расположению**: 1) *die Nase* ‘нос’ > *die Stupsnase* ‘курносый нос’; *der Bauch* 1. ‘живот’ > 2. ‘толстый живот, пузо’; 2) *das Hirn* ‘мозг’ > *das Hinterhirn* ‘задний мозг’; *das Haar* 1. ‘волосяной покров на коже человека и животного’ > 2. ‘волосы на голове человека’.

При опоре на сходство цели и источника номинации словообразование и семантическая деривация выбирают в качестве когнитивного основания комбинации признаков **‘внешний вид’ + ‘коррелятивность’**[1]: *die Lippe* ‘губа’ > *die Stimmlippe* ‘голосовая складка (связка)’; *die Ader* 1. ‘вена, жила’ > 4. ‘жилка крыла насекомого’, **‘локализация’ + ‘коррелятивность’** (*der Flügel* ‘крыло’ > *der Nasenflügel* ‘крыло носа’; *die Flosse* 1. ‘плавник’ > 4. ‘(фам.) рука’).

Вместе с тем словообразование обнаруживает на исследуемом материале более богатый реестр используемых оснований связи, нежели семантическая деривация. Специфичную сферу действия словообразовательного способа составляет, во-первых, реализация гиперо-гипонимической (родовидовой) связи по таким параметрам, как **‘функция’** (*die Feder* ‘перо’ > *die Schwungfeder* ‘маховое перо’), **‘темпоральность’** (*der Bart* ‘борода’ > *der Dreitagebart* ‘трехдневная щетина’), **‘принадлежность’** (*die Klaue* ‘лапа > *die Wolfsklaue* ‘лапа волка’) и **‘условия действия’** (*die Ader* ‘артерия, вена, жила’ > *die Zornader* букв. ‘артерия ярости’: лобная артерия, заметная у человека в состоянии ярости. На базе сходства словообразование выбирает в качестве самостоятельного когнитивного основания семантический признак **‘внешний вид’**: *das Haar* ‘волосяной покров на коже человека и животного’ > *das Haargefäß* ‘капилляр (тонкий, как волос)’ (ср. ранее с семантической деривацией, где признак ‘внешний вид’ используется только в сочетании с признаком ‘коррелятивность’).

В отличие от наименований частей тела, наименования орудий труда и психических свойств, порождаемые в словообразовании и семантической деривации, связаны с соответствующими производящими базами преимущественно разными семантическими отношениями, что свидетельствует о взаимодополнительности исследуемых номинативных способов. Наименования орудий труда, которые находятся в **объектных** отношениях с производящими базами и обозначают воздействующие на исходную сущность инструменты, в немецком языке формируются посредством словообразования: *der Nagel* ‘гвоздь’ > *der Nagelheber* ‘гвоздодер’; *die Sense* ‘коса’ > *der Sensenstein* ‘камень для правки кос’. Аналогично, потребность в номинации **части** орудия труда на основе партитивной связи цели и источника номинации удовлетворяется только в словообразовании: *die Axt* ‘топор’ > *das Axtblatt* ‘лезвие топора’; *der Hammer* ‘молоток’ > *der Hammerstiel* ‘рукоятка молотка’.

[1] Сходство по признаку ‘коррелятивность’ предполагает общность структуры обозначаемых объектов: A является частью B как C является частью D) [15, p. 187; 16, p. 90–91].

Конкретизацию орудия труда – цели номинации – по параметрам **функции** и **условий действия** выполняют обе номинативные стратегии: *der Amboss* ‘наковальня’ > *der Dengelamboss* ‘наковальня для отбивки кос’; *das Gerät* 1. ‘приспособление, устройство’ > 2. ‘спортивный снаряд’ (**‘функция’**), *der Hammer* ‘молоток’ > *der Elektrohammer* ‘электрический молот’; *die Säge* 1. ‘пила’ > 2. ‘электрическая пила’ (**‘условия действия’**). Кроме того, словообразование используется для характеристики **внешнего вида** орудия труда (*der Meißel* ‘долото’ > *der Flachmeißel* ‘плоское долото’), его **материала** (*der Trog* ‘корыто’ > *der Steintrog* ‘каменное корыто’), **принадлежности** (*der Hammer* ‘молоток’ > *der Geologenhammer* ‘молот геолога’). Особую сферу действия семантической деривации составляет характеристика именуемой сущности по ее расположению: *die Maschine* 1. ‘двигатель, мотор’ > 2. ‘двигатель автомобиля’, а также опора на сходство цели и источника номинации по **функции** или **внешнему виду**: *das Messer* 1. ‘нож’ > 2. ‘(мед.) скальпель’; *die Schaufel* 1. ‘лопата’> 7. ‘(тех.) ковш’, что, в свою очередь, несвойственно словообразованию.

Психические свойства – источники номинации – могут быть представлены как членимые объекты, при этом номинация их частей осуществляется только в словообразовании: *der Charakter* ‘характер’ > *die Charaktereigenschaft* ‘черта характера’, *der Charakterfehler* ‘недостаток, негативная черта характера’. Кроме того, отдельные характеристики исходной сущности также могут рассматриваться как психические свойства, номинация которых специфична для словообразования: *das Gefühl* ‘чувство’ > *die Gefühlswärme* ‘теплота чувств, проникновенность’; *die Seele* ‘душа’ > *der Seelenadel* ‘благородство души’.

Конкретизация психических свойств по параметрам (1) **‘объект’** и (2) **‘другое’** осуществляется как в словообразовании, так и в семантической деривации: 1) *die Leidenschaft* 1. ‘страсть’ > *die Jagdleidenschaft* ‘страсть к охоте’; 2. ‘страсть к человеку’; 2) *das Gemüt* ‘душа, характер’ > *das Angriffsgemüt* ‘агрессивность, наступательный дух’; *das Temperament* 1. ‘темперамент’ > 2. ‘страстный темперамент’. При необходимости уточнить **принадлежность** психических свойств в немецком языке используется только словообразование (*der Geist* ‘душа, сознание’ > *der Forschergeist* ‘ум исследователя’). Специфическую задачу семантической деривации при внутрикатегориальной номинации составляет опора на **функциональное сходство** цели и источника номинации: *der Charakter* 1. ‘характер (индивидуальное психическое образование)’ > 3. ‘своеобразие, особенность группы людей’; *das Gefühl* 1. ‘чувство (осознаваемый психический процесс)’ > 2. ‘интуиция (подсознательный вывод, основанный на жизненном опыте)’.

Анализ моделей внутрикатегориальной номинации как наиболее значимого ономасиологического задания для словообразования и семантической деривации позволяет сделать вывод о двух основных принципах взаимодействия исследуемых номинативных способов – изофункциональности и взаимодополнительности. Словообразование и семантическая деривация

при выполнении общего ономасиологического задания выбирают как одинаковые, так и специфичные основания связей. Подходя к семантике производящего слова «с разных сторон» и распределяя таким образом сферы действия, оба номинативных способа служат объективации разных структур знания об обозначаемых объектах и способствуют высокому семантическому разнообразию наименований внутри того или иного лексического класса.

Вместе с тем степень выраженности изофункциональности и взаимодополнительности варьирует в зависимости от лексико-семантической принадлежности производящих баз: если при участии наименований частей тела словообразование и семантическая деривация демонстрируют преобладание изофункциональности, то при использовании наименований орудий труда и психических свойств для данных номинативных приемов более характерна взаимодополнительность.

Таким образом, выявление общих и специфичных черт ведущих способов номинации показывает перспективность подхода, опирающегося на трехчастную структуру номинативного акта. Анализ производящих единиц, ономасиологических заданий и семантических связей между производящими и производными единицами позволяет сопоставить словообразование и семантическую деривацию на узловых этапах порождения наименований и установить закономерности взаимодействия данных деривационных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Торопцев, И. С.* Ономасиологический аспект деривации и проблема интеграции деривационных форм / И. С. Торопцев // Деривация и полисемия : межвуз. сб. науч. тр. / Тамб. гос. пед. ин-т ; под ред. В. Г. Руделева. – Тамбов, 1984. – С. 24–44.
2. *Адливанкин, С. Ю.* Модели словообразовательного процесса и способы словообразования / С. Ю. Адливанкин // Деривация и семантика: слово – предложение – текст : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; редкол.: Л. Н. Мурзин (гл. ред.) [и др.]. – Пермь, 1986. – С. 6–13.
3. *Grzega, J.* Some thoughts on a cognitive onomasiological approach to word-formation with special reference to English [Electronic resource] / J. Grzega // Onomasiology Online. – 2002. – Vol. 3. – Mode of access : http://www1.ku-eichstaett.de/SLF/EngluVglSW/OnOn3.htm. – Date of access : 15.01.2022.
4. *Radden, G.* Introduction: reflections on motivation / G. Radden, K.-U. Panther // Studies in linguistic motivation / ed.: G. Radden, K.-U. Panther. – Berlin ; New York, 2004. – P. 1–46.
5. *Štekauer, P.* Fundamental principles of an onomasiological theory of English word-formation [Electronic resource] / P. Štekauer // Onomasiology online. – 2001. – Mode of access : http://www1.ku-eichstaett.de/SLF/EngluVglSW/ OnOn2.htm. – Date of access : 10.01.2022.
6. *Степанова, М. Д.* Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 374 с.

7. *Арутюнова, Н. Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке / Н. Д. Арутюнова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 151 с.
8. *Земская, Е. А.* Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
9. *Ольшанский, И. Г.* Лексическая полисемия в современном немецком языке: системные, коммуникативные и лексикографические аспекты : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / И. Г. Ольшанский ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 1991. – 51 с.
10. *Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Яз. слав. культуры (Кошелев), 2004. – 608 с.
11. *Dornseiff* [Electronic resource] : der dt. Wortschatz nach Sachgruppen. – Berlin : W. de Gruyter, 2004. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).
12. *Splett, J.* Deutsches Wortfamilienwörterbuch : in 19 Bd. / J. Splett. – Berlin : W. de Gruyter, 2009. – 19 Bd.
13. *Duden* [Electronic resource] : das große Wörterbuch der dt. Sprache. – Berlin : W. de Gruyter, 2012. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).
14. *Brinkmann, H.* Die Zusammensetzung im Deutschen / H. Brinkmann // Wortbildung ; Hrsg.: L. Lipka, H. Günther. – Darmstadt, 1981. – S. 187–198.
15. *Ortony, A.* The role of similarity in similes and metaphors / A. Ortony // Metaphor and thought ; ed. A. Ortony. – Cambridge [etc.], 1979. – P. 186–201.
16. *Grady, J. E.* A typology of motivation for conceptual metaphor. Correlation vs. resemblance / J. E. Grady // Metaphor in cognitive linguistic : sel. papers from the 5th Intern. cognitive ling. conf., Amsterdam, July 1997 ; ed.: R. W. Gibbs, G. J. Steen. – Amsterdam, 1999. – P. 79–100.

Поступила в редакцию 25.03.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81-139

Большунова Илона Ивановна
аспирант кафедры прикладной лингвистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Ilona Bolshunova
PhD Student of the Department
of Applied Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
ilonabolshunova@gmail.com

АТРИБУТИВНЫЕ СОМАТИЧЕСКИЕ КАРТЫ ГЕРОЕВ ПРОЗЫ В. М. ШУКШИНА

ATTRIBUTIVE SOMATIC CHARTS OF V. M. SHUKSHIN'S PROSE HEROES

В статье исследуются атрибутивные соматические карты героев прозы В. М. Шукшина. Производится анализ гендерной маркированности соматикона персонажей, а также приводятся количественные результаты исследования, которые отражают частотность употребления соматических конструкций в избранных текстах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *соматикон*; *соматологическая карта*; *атрибутивные соматологические карты*; *психоглосса*; *языковая личность*

This article examines the attributive somatic charts of V. M. Shukshin's prose heroes. The analysis of the gender markers of the characters' somaticon is carried out, and quantitative research results are presented, which reflect the frequency of the use of somatic constructions in the selected texts.

K e y w o r d s: *somaticon*; *somatological map*; *attributive somatological maps*; *psychoglossa*; *language personality*

Исследования в современной психолингвистике все чаще направлены на изучение корреляции семантики слова с реальной действительностью и сознанием индивида. Для психолингвистики характерен антропоцентрический поход, согласно которому человек – его сознание, мышление, духовная жизнь – основа познания всех аспектов языка. В этой связи в центре внимания находится языковая личность со своими языковыми и поведенческими особенностями, включающими «индивидуальное» и «национальное».

Анализ феномена *языковой личности* является междисциплинарным исследованием, так как в нем «преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека» [1, с. 337].

С исследованием языковой личности связано появление нового объекта изучения – психоглоссы. Впервые определение термина *психоглосса* было дано Ю. Н. Карауловым. Так, психоглосса представляет собой «единицу языкового сознания, отражающую определенную черту языкового строя или

системы родного языка, которая обладает высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью ко времени, то есть интегрирует свойства изоглоссы и хроноглоссы на уровне языковой личности» [2, с. 157–158].

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, можно выделить три типа психоглосс, соответствующих трем уровням структуры языковой личности. Различаются и три вида психоглосс: *грамматические, когнитивные* и *мотивационные*. «Значение грамматических психоглосс состоит в том, что они формируют единую апперцепционную базу говорящих на данном языке. Когнитивные психоглоссы совпадают с типичными категориями образа мира, связаны с представлениями языковой общности о взаимоотношениях элементов окружающей действительности, то есть формируют картину мира этой языковой общности. Мотивационные психоглоссы отражают национальный характер народа, говорящего на данном языке» [2, с. 157–158].

Исследуя различные уровни языка конкретной языковой личности, можно воссоздать ее мировосприятие, выраженное и закрепленное в созданных речевых формулах. Такой подход к изучению языковой личности позволяет не только выявить ее индивидуальные особенности, но и определить национально-культурную специфику языковой общности, к которой она относится.

Изучение психоглосс выходит за рамки лингвистического дискурса. В работе Ю. А. Сорокина термин *психоглосса* определяется в «виде диффузной совокупности, воспринимаемой испытуемыми как нечто целостное и универсально используемое в качестве оценок соматологической карты человеческого тела» [3, с. 38]. Ю. А. Сорокин расширил классификацию Ю. Н. Караулова. Исследователь предложил использовать новый термин – *лингвопсихоглосса* для всех выделенных Ю. Н. Карауловым типов, а также ввел отличный от предыдущих новый тип – *соматикон*. «Соматикон – совокупность соответствующих психоглосс, автообразов, позволяющих личности рассматривать себя, свой витальный и ментальный мир как единое целое» [3, с. 39].

Согласно Ю. А. Сорокину, соматикон, как правило, выявляется на мотивационном уровне языковой личности. В то же время исследователь отмечает, что прагматический и грамматический уровни языковой личности также являются объектами исследования при определении соматикона. «Нет оснований считать, что соматологические лингвопсихоглоссы не представлены и на других уровнях языковой личности (но преимущественно на мотивационном, предполагающем ситуационно-операциональное использование критериев-оценок телесной сферы» [3, с. 39].

Ю. А. Сорокин определил основные алгоритмы выявления соматикона на примере построения соматологических карт языковой личности. *Соматологическая карта* представляет собой «карту человеческого тела, прочитываемую в зависимости от того, чьей – своей или чужой – она является, ибо образ этой карты формируется (или изначально задан?) на самых ранних этапах развития/социализации того или иного индивида (той или иной личности)» [3, с. 39]. При составлении соматологической

карты можно выявить не только индивидуальные паттерны поведения носителя языка, но и определить универсальные лингвистические референции, детерминирующие особенности целой языковой общности.

Наиболее распространенным методом при составлении соматологических карт являются ассоциативные эксперименты, в которых респондентам предлагается охарактеризовать себя. Как правило, участникам эксперимента предоставляется выборка лексем, принадлежащих к семантическому полю «Части тела». Данный метод использовался в работах М. Митамура [4], У. М. Трофимовой [5], М. Р. Курбангалиевой [6].

Еще одним методом формирования соматологических карт является анализ паремиологических единиц. В частности, данный метод был использован автором самого термина *соматикон* – Ю. Н. Сорокиным [3]. В своей работе исследователь сравнивал соматологические карты японского, русского и белорусского языков.

Но, стоит отметить, разница соматикона языковых личностей отмечается не только при межэтническом сопоставлении. Исследования также проводятся внутри одной речевой и этнической общности, что позволяет выявить гендерные, возрастные, социальные особенности речевого поведения в рамках носителей одного языка. Необходимость учета гендерного фактора отмечается в работах Ю. А. Сорокина [3], М. Митамура [4], У. М. Трофимовой [5]. Как пишет У. М. Трофимова: «различия в эталоне мужского и женского облика оказываются гораздо существеннее, чем различия между представителями разных этнических групп» [5, с. 14].

Объектом данного исследования послужили двадцать рассказов В. М. Шукшина [7] («Светлые души», «Солнце, старик и девушка», «Ленька», «Лёля Селезнева с факультета журналистики», «Гринька Малюгин», «Классный водитель», «Одни», «Нечаянный выстрел», «Операция Ефима Пьяных», «Кукушкины слезы», «Вянет, пропадает», «Внутреннее содержание», «Как помирал старик», «Материнское сердце», «Хахаль», «Бессовестные», «Петя», «Сапожки», «Письмо», «Жена мужа в Париж провожала»). Данные произведения отличаются по тематике, архитектонике и содержанию. Единственным объединяющим их компонентом является наличие двух равнопредставленных разнополых героев. Результатом исследования является сравнительная характеристика соматикона героев женского и мужского пола рассказов В. М. Шукшина. Изучение *соматологического поля* предполагает совмещение «внешнего» (базирующегося в языке, а значит и в реальности) и «внутреннего» (в сознании) значений, которые являются некой лингвокогнитивной (интеллектуально-психической) данностью обыденного сознания. По утверждению А. А. Залевской, слово «включено во внутренний контекст, который является и перцептивным, и когнитивным, и аффективным, вербальным и невербальным, а процесс идентификации слова является сложным процессом считывания всех этих характеристик носителем языка» [8, с. 30–31].

Задачей данной работы является составление так называемых *атрибутивных соматологических карт* [9], в которых имеет место описание различных характеристик, свойств, качеств соматикона мужчины и женщи-

ны. Как отмечает В. Ф. Алфимов «в описании тела человека, при определенной универсальности его телесной организации (схемы тела), являются не только и не столько сами единицы соматикона, сколько их атрибутивные признаки, т.е. свойства, качества, любые описания, которыми наделяют части своего тела носители конкретного языка» [9].

Для построения атрибутивных соматологических карт персонажей мужского и женского пола были выбраны 20 *соматизмов* – лексем, относящихся к семантическому полю «Тело»: *глаза, голова, нога, грудь, губы, лицо, ладонь, рот, спина, нос, плечи, волосы, лоб, щека, тело, брови, ухо, живот, подбородок, кожа.*

Общее количество употреблений атрибутивных соматизмов – 132, 74 примера соотносится с персонажами мужского пола, и 58 – с персонажами женского пола. Далее в тексте исследуемые соматизмы представлены в порядке убывания количества примеров. Атрибутивных характеристик (в отличие от номинативных и предикативных) не представлено для лексем *ухо*, *живот*, *подбородок* и *кожа*:

1. ГЛАЗА – 32 примера (16 примеров соотносятся с персонажами мужского пола; 16 – с персонажами женского пола):

Атрибутивная характеристика «мужских глаз»: *усталые (3), добрые (2), печальные (2), влажные (1), умные (1), унылые (1), маленькие (1), внимательные (1), круглые (2), изжелта-серые (1), кошачьи (1), прищуренные (1), серые (1), удивленные (1), большие (1), сероглазые (1), ясноглазые (1);*

Атрибутивные признаки «женских глаз»: *темные (3), жалкие (2), серые (2), ясные (2), чужие (2), загадочные (1), красивые (1), большие (1), усталые (1), виноватые (1), вопросительные (1), удивленные (1), сердитые (1), строгие (1), заплаканные (1), грустные (1), задумчивые (1), умные (1).*

2. НОГА – 14 примеров (9 примеров соотносятся с персонажами мужского пола; 5 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужской ноги»: *левая (2), правая (1), натруженная (1), загипсованный (1), мертвая (1), здоровая (1), протезная (1), какая-никакая (1);*

Атрибутивные признаки «женской ноги»: *крепкая (1), крестьянская (1), городская (1), быстроногая (1), легкая на ногу (1).*

3. ГОЛОВА – 12 примеров (8 примеров соотносятся с персонажами мужского пола; 4 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужской головы»: *разумная (2), большая (1), потная (1), начальственная (1), умная (1), маленькая (1), горячая (1), отчаянная (1);*

Атрибутивные признаки «женской головы»: *маленькая (2), женская (1), седая (1), красивая (1), головастая (1).*

4. ГУБЫ – 11 примеров (2 примера соотносятся с персонажами мужского пола; 9 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужских губ»: *нижние (2), солоновато-желтые (1);*

Атрибутивные признаки «женских губ»: *красные (2), малиновые (1), красивые (1), горячие (1), сочные (1), влажные (2), припухшие (1), мягкие (1), послушные (1), бантиком (1), нижние (1).*

5. НОС – 9 примеров (7 примеров соотносятся с персонажами мужского пола; 2 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужского носа»: *большой (3), заалевший (1), крючковатый (1), прямой (1), тонкий (1), белый (1);*

Атрибутивные признаки «женского носа»: *курносый (1), свой (1).*

6. ГРУДЬ – 7 примеров (2 примера соотносятся с персонажами мужского пола; 5 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужской груди»: *выпуклая (1), пухлая* (1);

Атрибутивные признаки «женской груди»: *высокая (1), тугая (1), могучая (1), тощая (1), грудастая (1).*

7. ЛИЦО – 7 примеров (5 примеров соотносятся с персонажами мужского пола; 2 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужского лица»: *его (2), морщинистое (1), вытянутое (1), глуповатое (1);*

Атрибутивные признаки «женского лица»: *круглолицая (2).*

8. ВОЛОСЫ – 7 примеров (1 пример соотносится с персонажами мужского пола; 6 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужских волос»: *льняные (1);*

Атрибутивные признаки «женских волос»: *короткие (2), спутанные (1), прямые (1), мягкие (1), желтые (1), ее (1).*

9. ЛАДОНЬ – 5 примеров (3 примера соотносятся с персонажами мужского пола; 2 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужской ладони»: *жесткая (1), широкая (1), толстая (1), короткая (1);*

Атрибутивные признаки «женской ладони»: *крепкая (1), раненая (1).*

10. СПИНА – 4 примера (3 примера соотносятся с персонажами мужского пола; 1 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужской спины»: *запотевшая (1), узкая (1), жаркая (1);*

Атрибутивные признаки «женской спины»: *широкая (1).*

11. ЛОБ – 4 примера (3 примера соотносятся с персонажами мужского пола; 1 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужского лба»: *вспотевший (2), здоровый (1);*

Атрибутивные признаки «женского лба»: *высокий (1), красивый (1).*

12. ТЕЛО – 3 примера (1 пример соотносится с персонажами мужского пола; 2 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужского тела»: *конопатое (1);*

Атрибутивные признаки «женского тела»: *мягкое (2), податливое (1).*

13. БРОВИ – 3 примера (1 пример соотносится с персонажами мужского пола; 2 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужских бровей»: *крутая (1), ломаная (1);*

Атрибутивные признаки «женских бровей»: *чернобровая (2).*

14. ПЛЕЧИ – 3 примера (1 пример соотносится с персонажами мужского пола, 1 – с персонажами женского пола):

Атрибутивные признаки «мужского плеча»: *сухое (1);*

Атрибутивные признаки «женского плеча»: *покатое (1), мягкое (1).*

15. РОТ – 3 примера (3 примера соотносятся с персонажами мужского пола):

Атрибутивные признаки «мужского рта»: *большой (1), крошечный (1), поганый (1).*

16. ЩЕКА – 3 примера (3 примера соотносятся с персонажами мужского пола):

Атрибутивные признаки «мужских щек»: *небритый (2), левый (1).*

В проанализированных произведениях доминирует описание мускулинного соматикона. Это доказывается количеством примеров конструкций, относящихся к персонажам разного пола. Стоит отметить, что при поиске материала исследования также была сделана выборка номинативных и предикативных конструкций, позволяющих выявить соответствующие соматологические карты, которые могут быть объектом дальнейших исследований. Общее количество предикативных конструкций – 260 (176 из них используется для характеристики персонажа мужского пола, 84 – персонажа женского пола), общее количество номинативных конструкций – 44 (32 и 12 соответственно). В конструкциях «атрибут+соматизм» преобладание мужского соматикона не ярко выражено (56 % конструкций, характеризующих героев мужского пола и 44 % – женского пола).

Атрибутивные соматологические карты персонажей мужского пола разнообразнее. Количество лексем, характеризующих соматические карты мужчин – 59, женщин – 54. При этом доля уникальной лексики (лексем, встречающихся для описания исключительно мужского или исключительно женского персонажа) также незначительно выше в характеризующих героев конструкциях (45 атрибутивных конструкций, относящихся к персонажу мужского пола и 42 – к персонажу женского пола).

Наиболее часто автор описывает глаза персонажей. Характеристика глаз является лидирующей в описании как мужского, так и женского соматикона. Во многих случаях один соматизм дополнен двумя (*глаза у нее были до странного чужие и жалкие; красивыми красными губами; солоновато-жестким, пропахшим табаком и бензином губам*) и даже тремя (*грустные, задумчивые, умные глаза)* атрибутами. Общее количество таких конструкций – 29 (14 относятся к мужскому соматикону и 15 – к женскому).

Атрибутивные соматические карты женщин чаще описывают их симбиотические характеристики (20 примеров, описывающих женские соматизмы и 16 – мужские): *строгие Пашкины глаза; чья-то умная голова додумалась.* Описание соматикона мужских персонажей чаще происходит за счет характеристики соматизмов через форму (*крючковатый нос; выпуклая грудь*) и размер (*с большими глазами; маленькую голову*) (9 примеров атрибутивных соматических конструкций, описывающих размер соматизмов героев и 3 – героинь; 12 примеров атрибутивных соматических конструкций, описывающих форму соматизмов героев и 6 – героинь). Конструкции, характеризующие

соматизмы по физическим свойствам (*влажные губы; правая рука*) и цвету (*сероглазый; малиновые губы*) практические равнопредставлены при описании обоих гендеров (физические свойства: 24 конструкции для описания героев и 22 – героинь; цвет: 7 конструкций для описания героев и 8 – героинь). При этом в атрибутивных соматических картах мужских персонажей единожды встречается параметр «вкуса», которого нет среди описания женских персонажей (*солоновато-жестким, пропахшим табаком и бензином губам*). В то же время при описании женских соматизмов четырежды присутствует указание на аттракцию (*с красивыми темными глазами; красивую голову; красивыми красными губами; с высокого красивого лба).*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азарова, Л. Е.* Специфика языковой личности в коммуникативном процессе общения / Л. Е. Азарова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского; сост.: Багров Н. В., Шульгин В. Ф., Дзедолик И. В. – Симферополь, 2013. – С. 336–342.
2. *Караулов, Ю. Н*. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. *Сорокин, Ю. А.* Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия / Ю. А. Сорокин // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей.; сост.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 1998. – С. 34–44.
4. *Митамура, М*. Национольно-культурные маркеры языкового сознания: японо-русские соматологические параллели: автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Митамура. – Ин-т языкознания Рос. акад. наук. – Москва, 1999. – 48 с.
5. *Трофимова, У. М*. Опыт когнитивного экспериментально-теоретического анализа тематической группы «Части человеческого тела» (на материале русского и китайского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.19 / У. М. Трофимова. – Алтай. гос. гуманит.-пед. ун-т им. В. М. Шукшина. – Барнаул, 1999. – 53 с.
6. *Курбангалиева, М. Р.* Татарские и русские соматологические портреты / М. Р. Курбангалиева // Язык, сознание, коммуникаци : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: ΄Филология, 1998. – С. 45–69.
7. *Шукшин, В. М.* Рассказы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://librebook.me/rasskazy_146893 – Дата доступа: 23.01.2022.
8. *Залевская, А. А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования / А. А. Залевская.– Тверь: ТвГУ, 1992. –135 с.
9. *Алфимов, В. Ф.* Русский и китайский соматикон: лингвосоматографическая портретизация по данным эксперимента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docplayer.com/41993222-Glava-3-russkiy-i-kitayskiy-somatikon-lingvosomatograficheskaya-portretizaciya-po-dannym-eksperimenta.html – Дата доступа: 23.01.2022.

Поступила в редакцию 22.02.2022

УДК 821.161

Кісліцына Ганна Мікалаеўна
доктар філалагічных навук,
загадчык аддзела тэорыі і гісторыі
Цэнтра даследаванняў
беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Hanna Kislitsyna
Habilitated Doctor of Philology,
Head of the Department
of Theory and History of Literature
Center for Research of Culture, Language
and Literature of the National Academy
of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
hanna.kislitsyna@gmail.com

“НЕ МЕНЕЕ Ў СЭРЦЫ АДВАГІ…”: ПРАБЛЕМА ЭСТЭТЫЧНАГА АБНАЎЛЕННЯ Ў ТВОРЧАСЦІ МІХАСЯ СТРАЛЬЦОВА

“THE COURAGE OF THE HEART DOES NOT WANE...”: THE PROBLEM OF AESTHETIC RENEWAL IN THE WORK OF MIKHAŚ STRAĹTSOU

Артыкул прысвечаны жанравай разнастайнасці і адметнасці аўтарскага стылю аднаго з самых вядомых беларускіх пісьменнікаў XX ст. М. Стральцова. У артыкуле падрабязна разбіраюцца прычыны яго звароту да паэзіі ў сталым узросце. Даследуюцца асноўныя матывы творчасці. Ацэньваецца роля ў стварэнні нацыянальнага літаратурнага пантэона.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *паэзія; проза; эсэ; лейтматыў; нацыянальная ідэя; філалагічнае пакаленне.*

The article is dedicated to the genre diversity and peculiarities of the author’s style of one of the most famous Belarusian writers of the twentieth century, M. Straĺtsou. It examines in detail the reasons for turning to poetry when he was a mature man. The main motifs of his work are investigated and his role in the creation of the national literary pantheon is evaluated.

K e y w o r d s: *Straĺtsou*; *poetry*; *prose*; *essay*; *literary criticism*; *genre of literature*; *national idea*; *philological generation.*

Сёння існуе даволі відавочная праблема ацэнкі беларускай літаратуры савецкага перыяду, і ў першую чаргу творчых набыткаў так званага перыяду “застою”. У грамадскай свядомасці трывала замацаваліся неаб’ектыўныя, у сваёй большасці негатыўныя і часцяком некампетэнтныя меркаванні адносна савецкай мастацкай спадчыны 1960–1985 гг. як твораў нізкай эстэтычнай вартасці, празмерна ідэалагізаваных і пазбаўленых наватарскіх пошукаў. Аднак на справе ў беларускім прыгожым пісьменстве ніколі не існавала наўпроставай узаемазалежнасці паміж грамадска-літаратурным жыццём і ўласна літаратурай, прыкладам чаму з’яўляецца творчасць так званых “шасцідзесятнікаў”, адным з лепшых прадстаўнікоў якіх з’яўляецца Міхась Стральцоў.

Міхась Стральцоў (1937–1987) – сапраўдны класік беларускай літаратуры, чый узлёт быў прадвызначаны не абставінамі лёсу і не акалічнасцямі часу, а выключна талентам, неверагоднай унутранай культурай і рознабаковасцю інтарэсаў у прыгожым пісьменстве. Прычым у дадзеным выпадку *прыгожае пісьменства* – гэта не столькі ўстойлівы выраз, сінонім мастацкай літаратуры, колькі канстатацыя асаблівасцей стральцоўскай творчасці, дзе было ўсё, што так цэніць чытач: лёгкасць, лірычнасць, свежасць погляду на звыклыя рэчы, і разам з тым псіхалагізм і надзвычайная актуальнасць для сучаснікаў. Нягледзячы на тое, што ў падручніках для школ і ВНУ звычайна гавораць пра Стральцова-празаіка, які ўвасобіў погляды, мары і расчараванні так званага філалагічнага пакалення, ён бліскуча рэалізаваўся ў паэзіі, крытыцы, перакладах і эсэістыцы.

Цікава назіраць, як мянялася стаўленне да Стральцова крытыкаў і яго калег-творцаў. Пры жыцці пісьменніка гаварылі ў асноўным пра псіхалагічную выверанасць і шматузроўневасць яго апавяданняў, што было і зразумела на тле з'яўлення і ўсталявання лірычнай плыні беларускай прозы, якая стала візітнай карткай для пакалення шасцідзясятнікаў. Пазней вяршыняй яго мастацкага слова сталі называць "Загадку Багдановіча" (1967–1968), эсэ, дзякуючы якому ў многім імя Максіма Багдановіча ўстала ў гісторыі айчыннай літаратуры ўпоравень з імёнамі двух другіх класікаў айчыннага слова – Янкам Купалам і Якубам Коласам. Для сённяшняй творчай генерацыі самымі запатрабаванымі сталі менавіта паэтычныя творы Стральцова, сведчаннем чаму з'яўляецца хаця б тое, што ўжо цягам многіх гадоў ладзяцца міжнародныя паэтычныя Стральцоўскія фестывалі. І тут ёсць логіка, бо для сучаснага пакалення творцаў менавіта кніжная культура і свабода самавыяўлення становяцца альфай і амегай мастацкіх памкненняў, а паэзія Стральцова якраз на гэтым і трымалася.

Па-свойму дзіўна, што маючы неверагодную чуллівасць да гучання паэтычнага слова, любоў да нетрывіяльнай класічнай паэзіі (тут не толькі хрэстаматыйны А. Пушкін, але і невідавочныя Я. Баратынскі, П. Вяземскі, А. Майкоў, Аляксей К. Талстой, А. Фет), Стральцоў дэбютаваў кнігай паэзіі "Ядлоўцавы куст" толькі ў 1973 г., калі быў ужо добра вядомы і праз сваю прозу, практычна адразу ж упісаную ў нацыянальны канон крытыкамі і літаратуразнаўцамі, і праз эсэ пра Багдановіча, якое самога яго паставіла на ролю самых цікавых і дасведчаных даследчыкаў нацыянальнага пісьменства. Не сакрэт, што існуе агульнапрынятае меркаванне, па якім празаікі выспяваюць пазней, чым паэты, бо прыходзяць да празаічнага слова па меры назапашвання душэўнага і жыццёвага досведу.

Са Стральцовым, як бачым, было іначай. Нягледзячы на тое, што пісаць вершы ён пачаў яшчэ юнаком (першы твор надрукаваны яшчэ ў школьныя гады), сур'ёзна звярнуўся да паэзіі ўжо дарослым чалавекам. І ў гэтым запозненым звароце (ці вяртанні?) да паэзіі бачацца некалькі момантаў, якія адпавядаюць самой натуры літаратара, які ўсё жыццё пераймаўся разгадкай таямніц творчасці.

Перш за ўсё, як выцякае з яго літаратуразнаўчых эсэ, крытычных артыкулаў і лістоў да сяброў, Стральцова хвалявала праблема творчага адкрыцця, без якога мастацкае слова для яго не мела сэнсу. Таму, калі ён рэалізаваўся як аўтар апавяданняў і паэтычна-бібліяграфічнага эсэ, для яго надзвычай важным было ўзяць новую літаратурную вышыню, сказаць сваё слова ў іншай для сябе іпастасі, падвёўшы своеасаблівую рысу пад папярэдняй творчасцю. Міжвольна згадваецца паэтычная максіма малодшага калегі і добрага знаёмага пісьменніка А. Разанава: “Я маю права ўсё закрэсліць і потым нанава пачаць!”.

Відавочна, прага творчай свабоды не давала спакою і Стральцову. Нездарма сустракаем у яго першым зборніку радкі: *Абнаўлення хачу я, хачу абнаўлення! // Ад нудоты, ляноты, ад сумоты збаўлення. // Хай пакута, хай роспач, хай бессань трывог.// О вясновае поле! Абноўлены плуга нарог! // Цёмны гром прагрукоча над шэраю пусткай аблог* [1, с. 90]. Неўзаранае поле паэзіі вабіла, бачылася выклікам, адначасова, магчымасцю выказаць бліскавічныя паэтычныя азарэнні, якія так ці іначай ужо выяўляліся ў прозе, але не рэалізаваліся напоўніцу праз спецыфічныя межы жанру.

З другога боку, паэзія стала сродкам, які даваў мажлівасць выказаць хутка і адчайна тую дысгарманічнасць, якая ўжо выявілася ў душы пісьменніка. Той душэўны дыскамфорт, які раней акрэсліў ён сам у апошнім, знакавым апавяданні “Смаленне вепрука” ў вобразе птушаняці, які ўвасабляе светаадчуванне пісьменніка той пары: *Тады ён прыгледзеўся і ўбачыў яго. Ён бачыў яго блізка, тое сумна натапыранае, шэрае птушанё, гэтак бясконца, незразумела адзінокае ў знаёмай яму і, мусіць, не першы раз аблюбаванай засені падвечаровага куста. На сцяне, на лісці, на вялікіх прасцягах горада паміралa сонца, і што адчуваў, каму і на што жаліўся ён, гэты жывы маленькі камячок, натомлены за дзень нейкім сваім, зразумелым яму, а мо зусім і незразумелым клопатам? Што гэта было: страх, натужнае чаканне непасільнага празарэння ці чуйна, вусцішна і раптоўна адчутая адасобленасць ад усяго і разлад з усім? І ці не так трывожыць, гняце незразумелым нейкім сэнсам і самога чалавека тужлівая палоска расхінутай на захадзе вечаровай зары?..* [2, с. 173]. Менавіта гэты някідкі вобраз дае адзін з ключоў да загадкі – чаму Стральцоў звярнуўся да паэзіі ў сталым веку.

Натуральна, што яго першы паэтычны зборнік эмацыйна быў зусім не падобны на тое, што звычайна чакаюць ад дэбютных кніжак лірыкі. На яго старонках бесперапынна грыміць гром, бліскае маланка, змывае ўчарашнія крыўды пролівень… І ўся гэтая прыродная аркестроўка ідзе ўпоруч са згадкамі пра смерць, якая выступае ці ледзь не асноўным лейтматывам першага зборніка (“Помста”, “Жыць у суседстве дрэў…”, “І будзе так…”, “Плач па Гарсіа Лорку”, “Партрэты”).

Відавочна, што “Ядлоўцавы куст” стаў для паэта сродкам прагаворвання ўласнага унутранага неспакою. Калючы куст, які расце на ўзгорках зазвычай асабняком і імкліва цягнецца ўвыш… У гэтай назве бачыцца вобраз лірычнага героя кнігі, чалавека, які ўжо зведаў расчараванні і ў сабе, і ў людзях. Ён прагне абнаўлення, верыць і адначасова не верыць у яго магчымасць, і як быццам самазагаворвае сябе на новыя творчыя здзяйсненні.

Зноў вясна! —
прэч, адзежы зімы,
з цела, з душы, з учарашняй надзеі!
Вольны цяпер:
захачу —
горадам прарасту,
камяніцамі ў цёмнае неба.
Страпянуўся ад тупату ног,
ад крыку травы,
ад трызнення вады,
ад сп’янелага ветру,
што рвецца ў трамвайныя дзверы.
Стану смерчам рэклам,
стану ноччу і днём
і заложнікам першага грому.
Вольны цяпер! —
захачу —
над зімою паплачу [1, с. 8].

Аўтар як быццам рвецца прэч ад занадта цесных абдымкаў паўсядзённай рэальнасці. Нездарма ж на старонках кнігі ўзнікаюць перыядычна цалкам нечаканыя для гарадскога жыхара вобразы цыганскага жыцця. Гэта тым больш заўважна, што першы паэтычны зборнік атрымаўся надзіва сучасным, падкрэслена ўрбаністычным. Тут мільгацяць агні рэкламы і свецяць пераменлівыя светлафоры, сараканожкай грукоча трамвай і бразгаюць дзверы таксоўкі… І нават халадзільнік, якому прысвечаны асобны верш, мае ў паэта сваю душу і песню: *Калі я сяджу на кухні, – думаю ці чытаю, – халадзільнік // ля боку вуркоча, лагодна і мірна, бы кот* [1, с. 46].

Вобразны свет Стральцова дынамічны, насычаны гукамі, водарамі, эмоцыямі сталічнага жыцця. У гэтым падкрэсленым згадванні гарадскога быту ёсць і даніна ўрбаністычным вобразам яго куміра – М. Багдановіча. Аднак успрыманне гораду ў Стральцова амбівалентнае. З аднаго боку, у зборніку адчуваецца відавочнае ўзбуджэнне ад самога тлуму гарадскога жыцця, шчырае захапленне яго шматгалоссем, з другога – стома ад тых абмежаванняў, якія накладае сталічны лад жыцця, з яго паспешлівасцю, няўрозамі, немагчымасцю засяродзіцца на ўласных адчуваннях і перажываннях.

Гэтае трагічнае несупадзенне – любові да актуальнага, надзённага, цывілізацыйнага, і тыпова інтэлігенцскай пакуты ад тых праяў жыцця, якія вынікаюць з сучаснага публічнага існавання ў вялікім горадзе былых вяскоўцаў, нараджае ў душы паэта сапраўдную буру, перададзеную ў вершы “Наследаванне рамантычнае”.

Ты,
бура,
бура,
бура,
бура!
Ляці, крышы, бязладдзем вей!
І па-над пошасцю панурай
Крычы – і толькі семя сей!

Няхай узыдуць зімы, вёсны –
Спадзе з маўклівасці замок.
І будзе так: паставяць кросны,
І мовы вытчацца уток. [1, с. 45].

Дарэчы, верш і па змесце, і па прасодыцы нагадвае некаторыя вершы ўсё таго ж А. Разанава. Гэта ў прынцыпе і не дзіўна, калі ўлічыць, што і той, і другі, аддавалі даніну модзе, якую ў той час увасаблялі такія расійскія аўтары, як А. Вазнясенскі і Я. Еўтушэнка. Зноў жа, абодва паэты да канца жыцця заставаліся вернымі ідэі пошуку, наватарства змястоўнага і фарма-творчага. З іншага боку, паэзія Стральцова ўся складаецца з такіх творчых перагукванняў з калегамі, сучаснымі і не вельмі… Эпіграфы, прысвячэнні іншым паэтам, запазычванні рытмічнага малюнка, алюзіі і непасрэдныя цытаты з твораў суайчыннікаў і замежных класікаў – усё гэта робіць паэзію Стральцова як быццам бы вонкава знаёмай. Асабліва гэта адчуваецца ў апошнім прыжыццёвым зборніку паэта “Мой свеце ясны” (1986), дзе некаторыя вершы выглядаюць ледзь не вольным перакладам паэзіі С. Ясеніна ці М. Рубцова.

Найбольш адметным у плане выяўлення аўтарскага паэтычнага стылю стаў другі па ліку зборнік вершаў Стральцова, дзе аўтар ставіць мэтай занатаваць тыя амаль няўлоўныя дэталі жыцця, якія нараджаюць раптоўны эмацыйны ўсплёск, акрэсліць у слове мастацкае здзіўленне ад хуткаплыннага і недатыкальнага. Нездарма Стральцоў называе зборнік “Цень ад вясла” (1979). Ужо сама назва нясе вобраз, у які закладзена ідэя падвойнага адлюстравання мастацтва і пакланення няўлоўнай прыгажосці. Такія вершы немагчыма стварыць без уласных назіранняў, у працэсе інтэлектуальнага штурму. Тут усё асабістае, “падгледжанае” ў прыроды, і, разам з тым, перастворанае ў рэфлексію, у якую закладзеныя большыя сэнсы, чым проста пейзажная лірыка.

Так! Пад ценем вясла
утрапёнай вады вуркатанне,
пеннай бурбалкі ўсхліп, –
так! Пад ценем вясла –
цень на дне, цень, стракаты ад сонца,
ад кропак і косак маўчання,
трывання,
працяжнікаў, клічнікаў перасцярогі,
ад строгіх фігур дапушчэння,
здзяйснення,
здзіўлення,
ад вектараў сілы,
што ў наступ ідзе без адхлання,
перамагае і нішчыцца
паўзаю раўнавагі…
Так! Пад ценем вясла –
праз дзень неадчэпны вяслую.
Бераг далёка.
Не менее ў сэрцы адвагі [3, с. 6].

Паэзія Стральцова ідзе ў першую чаргу ад асабістага зрокавага вопыту, а не ад мыслярскага азарэння, як у Разанава. Філасафічнасць іх вершаў розная менавіта праз крыніцу, першаштуршок натхнення. Гэтае "падгледжанае" – як зыходная кропка верша – добра праглядаецца ў вершы "Жанчына ў акне": *З акна жанчына птушкаю з гнязда // На двор глядзіць. Бы крылы, узняты плечы // На падваконні, рукі пад грудзьмі. // Птушыны нораў, воблік чалавечы // У насцярожным руху галавы, // У прыхаваным пад надброўем воку, // Ва ўсёй цікаўнай чуйнасці яе, – // Я гэта бачу, хоць гляджу здалёку* [2, с. 6]. У вершы звяртае на сябе ўвагу вобраз гнязда і яго мастацкія складнікі, якія выяўляюцца ў словах *птушка*, *крылы*, *верабейка*. Яны множацца не толькі ў паэзіі Стральцова, але і ў яго прозе (эсэ "Загадка Багдановіча").

Зборнік "Яшчэ і заўтра" (1983), выдадзены ў серыі "Бібліятэка беларускай паэзіі", канчаткова зацвердзіў за Стральцовым тытул Паэта. Зборнік, безумоўна, узорны для разумення яго паэтычнай творчасці. "Яшчэ і заўтра" складаецца з выбраных ранейшых вершаў, шмат з якіх ён плённа перапрацаваў у параўнанні з надрукаванымі ў першых кнігах варыянтамі. Тым не менш, лаўрэатам Дзяржаўнай прэміі БССР імя Янкі Купалы Стральцоў стаў за кнігу "Мой свеце ясны" (пасмяротна ў 1986 годзе). Відавочна, што ў гэтым – ва ўсіх сэнсах запозненым – прысуджэнні, ёсць не толькі момант прызнання яго творчых дасягненняў, але і спроба загладзіць тую віну, якую, відавочна, адчувалі калегі-літаратары за яго заўчасную смерць.

Трэба сказаць, што тэма смерці ўвесь час узнікала ў творах Стральцова, але найперш – у эсэ “Загадка Багдановіча” (1968). Роздум над лёсам вечна маладога класіка, як выглядае, стаў тым пускавым механізмам, які прымусіў празаіка ўсур’ёз узяцца за паэзію, бо, па-сутнасці, у эсэ выказана творчае крэда не столькі паэта-папярэдніка, колькі самога Стральцова.

І ўсё ж галоўнай мэтай “Загадкі” было зняцце са свайго героя абразлівага вызначэння “дэкадэнт”. Стральцоў робіць гэта пакрокава, паслядоўна і вобразна, ад першых радкоў, калі малюе Багдановіча маладым вераб’ём, якому блага. Апошнія напісаныя Багдановічам словы, пастаўленыя ў пачатак эсэ, не толькі адсылаюць да канкрэтыкі артэфакта, апошняй перадсмяротнай запіскі класіка, але і задаюць агульную сентыментальную, калі не жаласлівую, танальнасць твора, танальнасць, якая адназначна выклікае спачуванне, спагаду, якая выступае індульгенцыяй для любой правіны, нават такой дзіўнай з сучаснага пункту гледзішча, як дэкадэнства.

У “Загадцы Багдановіча” пісьменнік супрацьстаўляе сонечнаму, разняволенаму, жарснаму Купалу чалавека месяцовага святла – Багдановіча, ураўнаважага, рацыянальнага, “пралічанага”. І гэтым ставіць яго ўпоравень з прызнаным паэтычным лідэрам, ствараючы класічную пару і ўздымаючы на літаратурны Алімп. Менавіта Стральцоў – пра што сённяшнія даследчыкі часта забываюць – упершыню давёў, што ў беларускім нацыянальным пантэоне гэтыя імёны павінны стаяць побач, гэтак жа, як Сонца і Месяц, Шылер і Гётэ, Моцарт і Сальеры.

На апошніх старонках эсэ Стральцоў увядзе яшчэ адно імя – Якуб Колас. Пісьменнік выказвае арыгінальную па тым часе думку, што імёны класікаў, убудаваныя ў гісторыю айчыннай літаратуры, успрымаліся б не так яскрава, “не вызначаліся б так сёння ў сваіх контурах і межах, каб побач з імі не было Багдановіча з яго здольнасцю адной рысаю пазначаць і назваць тое, што ў іншых разрасталася ў цыклы і паэмы” [4, с. 119]. На яго думку, гэта звязана з тым, што “Багдановіч, як ніхто, умеў «закрываць» адны тэмы і адкрываць другія” [4, с. 119]. Сёння меркаванне Стральцова пра тое, што “Багдановіч, побач з Купалам і Коласам, – тое трэцяе вымярэнне, без якога немагчыма перспектыва” [4, с. 119] – стала агульнапрынятым, але варта памятаць, што ўпершыню яно было выказана менавіта гэтым літаратарам, а не літаратуразнаўцамі.

Як ужо адзначалася вышэй, кожнае пакаленне абірала свайго Стральцова – хто паэта, хто эсэіста, хто празаіка. Стральцову-празаіку, як выглядае, пашанцавала на ўвагу крытыкаў і літаратуразнаўцаў, ці не найбольш. Яго талент злучаць эпічнасць мыслення з лірычным спосабам выказвання быў заўважаны сучаснікамі літаральна з ранніх яго празаічных твораў (першае апавяданне “Дома” было надрукавана ў 1957 г. у часопісе “Маладосць”). Ужо ў першым зборніку апавяданняў “Блакітны вецер” (1962) ён праявіў сябе аналітыкам, даследчыкам загадак чалавечай псіхікі. У зборніку “Сена на асфальце” (1966), які стаў культавым для многіх тагачасных чытачоў,

Стральцоў выводзіць вызначэнне, якое стане не толькі абазначэннем светаадчування людзей, якія змянілі вёску на горад, але і метафарычнай выявай самога пасляваеннага пакалення, пакалення “сена на асфальце”. Адгукнулася ў сэрцах сучаснікаў і аповесць “Адзін лапаць, адзін чунь” (1970), якая распавядала – тонка і пранізліва, як уся лірычная проза – пра сталенне падлетка, у вобразе якога даследчыкі бачылі самога аўтара. Няўпэўненасць і чаканні галоўнага героя адлюстроўвалі не толькі прыватныя, але і калектыўныя эмоцыі, звязаныя з заканчэннем хрушчоўскай адлігі і няпэўнасцю будучыні. Пазней з’явіцца кніга прозы “Падарожжа за горад” (апавяданні, аповесць, 1986), зборнік выбраных твораў “На ўспамін аб радасці” (1974), і нарэшце “Выбранае”, куды ўвайшлі проза, паэзія і эсэ (1987).

Пра прозу Стральцова яшчэ пры жыцці пісьменніка пісалі такія зоркі літаратуры, як Р. Барадулін, А. Кудравец, А. Адамовіч. Апошні, дарэчы, не ўхваляў пераход Стральцова да паэзіі. Гэта вытлумачваецца тым, што Адамовіч вызначыў у пісьменніку патэнцыял новага Максіма Гарэцкага. Асаблівасць стральцоўскай прозы ён бачыў “у шырокім, вольным дыханні думкі, па-сапраўднаму мастацкай”. “Гуманізм, чалавечнасць, што ідзе ад самой душы народнай, ёю выпраменьваецца, – вось тая нацыянальная ідэя, на якой ён пагаджаецца найперш і канчаткова” [5, с. 5].

На наш погляд, гэтая думка празаіка і знаўцы літаратуры пра творчасць Стральцова, выказаная ў прадмове да “Выбранага” (1987), патрабуе сёння пераўсведамлення і даследчыкаў, і сучаснага чытача, схільнага сёння бачыць у творчасці аднаго з найяскравейшых літаратараў ХХ ст. толькі лірызм і цікавасць да ўрбаністычнай тэматыкі.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стральцоў, М.* Ядлоўцавы куст : вершы / М. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ., 1973. – 96 с.
2. *Стральцоў, М.* Смаленне вепрука / М. Стральцоў // Выбранае. – Мінск : Маст. літ, 1987. – 607 с.
3. *Стральцоў, М.* Цень ад вясла / М. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 80 с.
4. *Стральцоў, М.* Загадка Багдановіча / М. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ, 1969. – 120 с.
5. *Адамовіч, А.* Міхась Стральцоў – учора і заўтра / А. Адамовіч // Выбранае / М. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 607 с.

Поступила в редакцию 21.03.2022

УДК 821.111

Пань Гаодзинь
магистр филологических наук,
аспирант кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Pan Gaojin
MA in Philology, PhD Student
of the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
2568674766@qq.com

THE CONCEPT OF SYMBOL/SIGN IN THE WORKS OF S. T. COLERIDGE AND T. S. ELIOT

КОНЦЕПЦИЯ СИМВОЛА/ЗНАКА В ТВОРЧЕСТВЕ С. Т. КОЛРИДЖА И Т. С. ЭЛИОТА

This article presents a comparative analysis of the concept of symbol/sign in the works of S. T. Coleridge and T. S. Eliot. Coleridge's romantic concept of symbol was based on his theory of "organic unity", the principle desynonimization of such categories as allegory and symbol, fancy and imagination, understanding and reason. T. S. Eliot's symbol/sign has double or multiple meanings and is connected with his theory of the "objective correlative". As the poet of modernism, T. S. Eliot was influenced by S. T. Coleridge's works in a contradictory manner: his system of symbols/signs reflects the refusal from the romantic principle of lyrical passion and egotism and approves the idea of impersonalism and associative imagery, proposed by J. Keats.

K e y w o r d s: *S. T. Coleridge*; *T. S. Eliot*; *Romanticism*; *Modernism*; *symbol*; *sign*; *allegory*; *fancy*; *imagination*; *"organic unity"*, *"objective correlative"*.

В статье представлен сравнительный анализ концепции символа/знака в творчестве С. Т. Колриджа и Т. С. Элиота. Романтическая концепция символа у С. Т. Колриджа основывалась на теории «органического единства», принципе десинонимизации таких категорий, как аллегория и символ, фантазия и воображение, понимание и разум. У Т. С. Элиота символ/знак обладает двойным или даже множественными значениями и связан с теорией «объективного коррелята». Творчество С. Т. Колриджа оказало противоречивое влияние на Т. С. Элиота как на поэта-модерниста: его система символа/знака отражает отказ от романтического принципа лирической страсти и эготизма и утверждает идею имперсонализма и ассоциативной образности, предложенных Дж. Китсом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *С. Т. Колридж*; *Т. С. Элиот*; *романтизм; модернизм*; *символ*; *знак*; *аллегория*; *фантазия*; *воображение*; *«органическое единство»*; *«объективный коррелят»*.

The poetry and literary criticism of S. T. Coleridge and T. S. Eliot – the most universal figures of English Romantic and Modernist poetry – are deeply connected with each other thanks to the synthesis of historical, poetical, and religious ideas, the reflected tragic turns of two fateful eras in the history of European and world civilization – after the French Revolution of 1789-92 and after World War I (1814-1818). Their poems – *The Rhyme of the Ancient Mariner* (1798) and *The Waste Land* (1822) – became the emblems of a tragic outlook and presented a new language of imagery, opened by both poets for their contemporaries, outlining future epochs in the history of English and world poetry. "It seeks not to reiterate the claim, already made elsewhere, that Eliot was

influenced by Coleridge as a poet, a critic, or even as a lecturer, but rather that, as his personal life threatened to overwhelm him, Eliot found the figure of Coleridge circa 1814-1816, strangely familiar" [1, p. 299].

Both poets emphasized the importance of symbol/sign, but their usage and frequency have common and different features, according to the poets' aesthetic, philosophic and religious principles.

In *"The Rhyme of the Ancient Mariner"*, S. T. Coleridge created the system of symbols in the context of the outer and inner dramatic history of the hero's soul, of Nature and God ("Mariner's experience in prayer" [2, p. 110–111]). The old mariner has different prototypes (a Wandering Jew, a hero from *Arabian Nights Entertainments*), but he has become the symbol of overcoming a formal mechanical understanding of the Enlightenment era and embodies the rebirth of the creative organic imagination of Romanticism. He is also an "inner" prophetic wanderer-subject after his remorse and revelation in the scene of discovering water-snakes in the moonshine instead of acquiring the status of the "outer" object after the unmotivated killing of the innocent Albatross.

Coleridge explained the contradiction between the allegorical (mythological) working of consciousness and the symbolic ("esemplastic") process of imagination. He turned a seemingly ordinary dream into a sacred real story about the road to self-salvation: an old sailor accidentally shoots an Albatross, which becomes the symbol of the omnipresent Christian soul during the voyage. It can be said that shooting the Albatross is a turning point in the whole poem: *'God save thee, ancient Mariner! / From the fiends, that plague thee thus! / Why look'st thou so?' – 'With my cross-bow / I shot the ALBATROSS'* [3, p. 44]. As a spirit of Christ, Albatross represents a certain supernatural connection and internal communication between people, the Universe and the Creator. However, this kind of inner contemplation is not simply and straightforwardly expressed, but is presented through the use of fables by the poet.

After describing the mythological experience of the old sailor in his voyage, Coleridge emphasizes the symbolic scene of the Mariner's outlook transformation thanks to the awakening of Imagination and opening the Beauty of Nature in moonbeams. Therefore, allegory (myth) is the major form of representing the outer world and external objects without any organic connection between the literal and ideal meanings of the object. For example, the figures of Death and Life-in-Death are allegorical, as the speculative abstract essence is connected with the visual images of fearful women arbitrarily. But such images as the Sun, the Moon, the rain, the wind, the sea and ice are symbolic, because there is organic unity between their literal and ideal meanings, and the manifestation of their meaning is dynamic, coming from the context (for example, *Sun – bloody Sun*, *Moon – Moonshine*). Thanks to the revelation and transformation into the "inner" subject, the Ancient Mariner begins to see, hear and feel the sacral meaning of Nature as the Whole – the creation of God (Moonshine as the light of Truth, rain as the energy of revelation).

In "*Christabel"*, the angelic and ideal heroine meets a mysterious woman in the woods late at night when she is praying and asks blessings for her distant lover. The compassionate Christabel brings Geraldine home. The snake-like woman creates tension between Christabel and her father, and triggers a series of contradictions in an attempt to transform her hostess' personality. At the end of this poem, there is a concluding statement: *Perhaps 'tis pretty to force together / Thoughts so all unlike each other / To mutter and mock a broken charm / To dally with wrong that does no harm / Perhaps 'tis tender too and pretty / At each wild word to feel within / A sweet recoil of love and pity / And what, if in a world of sin / (O sorrow and shame should this be true!) / Such giddiness of heart and brain / Comes seldom save from rage and pain / So talks as it's most used to do* [3, p. 94]. Coleridge uses the form of allegory to explain this unseen psychological drama of the uncontrolled power of unconscious anxiety, materialized by Geraldine. It is symbolized by Christabel's dream about a green snake coiled round a white dove. But dreams are stimulated by one's own imagination attempting to gain insight into the nature of the human soul. There are two conclusions in this poem that lacks resolution in its plot. Later Coleridge explained this impossibility of creating the poem's ending by the contradiction between the demonic essence of the imagery and the atmosphere of day's light, by incompatibility of the truth and lies ("Table Talk").

This difference (allegory – symbol) is more obvious in *Kubla Khan*. The poet reached the capital of the Yuan Dynasty through a brief dream vision. In his dream, the poet did his best to describe the splendor of the capital and the strange beauty of the palace: *In Xanadu did Kubla Khan / A stately pleasure-dome decree / Where Alph, the sacred river, ran / Through caverns measureless to man / Down to a sunless sea / So twice five miles of fertile ground / With walls and towers were girdled round / And there were gardens bright with sinuous rills / Where blossomed many an incense-bearing tree / And here were forests ancient as the hills / Enfolding sunny spots of greenery* [3, p. 155]. The poet achieved such an effect thanks to the magnificent ("esemplastic") power of Imagination, with the help of which he transformed all these scenes from the mythological story into the symbols of recreation, the ideal essence of the palace – Beauty, Truth, divine creation – through Time and Space. Kubla Khan saw the image of the Palace in his dream, and the Poet, some ages afterwards, saw this image in his vision. So, the ideal essence of Beauty and Truth is eternal and can be discovered under the surface of reality thanks to Imagination as the creative aspect of the lyrical passion of the poet in a dream, and only partly in reality. It can be said that symbol, as an important tool used by S. T. Coleridge differs fundamentally from allegory (myth) in the same way as an organic living image may differ from a mechanistic "dead trope". His philosophic idea of symbol was developed later in different modifications. Modernist poets replaced the lyrical passion as the way of lyrical experience by the method of "objective correlative" (Eliot), and as a result, symbol became more rational and closer to sign [4].

In the works of Eliot, one of the most important literary masters of the 20th century confronting many shortcomings of modern society, the expression of signs underwent important changes. In the 20th century, the world and society appear like a desert, arid space without people, lifeless, and spiritually barren. To express this concept, the poet "shouted" his emotions through *The Waste Land*. At the beginning of the poem we read: *April is the cruellest month, breeding / Lilacs out of the dead land, mixing / Memory and desire, stirring / Dull roots with spring rain / Winter kept us warm, covering / Earth in forgetful snow, feeding / A little life with dried tubers* [5, p. 51]. In the eyes of ordinary people, April is a season when business is brisk and everything is ready to grow and flourish. This is the beginning of spring and the beginning of beauty, but in the eyes of the poet, it is a desolate month – the cold, uncomfortable and cruel season. A commonly perceived positive image is endowed with the opposite meaning. Here, April is ascribed with a unique symbolic quality. In the following description, the word *corpse* also triggers different effects: *There I saw one I knew, and stopped him, crying: 'Stetson! / You who were with me in the ships at Mylae! / That corpse you planted last year in your garden / Has it begun to sprout? Will it bloom this year / Or has the sudden frost disturbed its bed?'* [Ibid, p. 53]. In Eliot's works, through our in-depth interpretation and thinking, we find that the use of signs is usually symbolic and very rich in meaning. The corpse itself is a static and ominous image, but the poet gives it a dynamic and vital sense, which symbolizes the re-establishment of a new vigorous life based on the broken, confused, and destroyed foundations of modern society. The world gives people a kind of inner encouragement and confidence, and the poet writes a narrative about the grave at the end: *In this decayed hole among the mountains / In the faint moonlight, the grass is singing / Over the tumbled graves, about the chapel / There is the empty chapel, only the wind's home* [Ibid, p. 66]. Images of death and outdated graves are also thought-provoking here. In our eyes, it is usually related to the existence of death, sadness and fear. In the poet's view, he has provided this single image with multiple levels of meaning, even contradictory symbolic meanings, which are unified through the theory of the "objective correlative". They exist harmoniously within the same image, causing a strong inner shock and then leading to self-reflection. The meaning of death in the tomb was changed by vitality and singing. On the contrary, it shows the hope of re-establishing a new order and a new world on the graves. A completely gloomy image is instantly transformed into an image full of hope. A specific use of this sign creates poetic charm. In Eliot's *Four Quartets*, water is a common image, but it has multiple meanings. At the beginning of the poem, *I do not know much about gods; but I think that the river / Is a strong brown god – sullen, untamed and intractable* [6], water is endowed with three meanings according to religious philosophy. First, water itself is an important condition for life. Without water, people cannot survive without God's salvation. Second, the flow of water is just

like the passage of time; the poet tells us to unify God's time in our own existence to obtain eternity. Third, water can wash away the dirt from the surface of the entire world, which means God's salvation, the entire salvation of the world, thereby renewing it with the power of religion. Therefore, the image of water is given three meanings by the poet at the same time: it symbolizes the self-renewal of life, the eternity of time, the salvation and the hope of the world. When the images of external things are endowed with emotions and philosophies, they acquire the meaning of their own. The same is true for the sign of fire: *Water and fire succeed / The town, the pasture and the weed / Water and fire deride / The sacrifice that we denied/Water and fire shall rot / The marred foundations we forgot / Of sanctuary and choir* [6]. Fire is also given a special meaning: first, in the process of human evolution, the appearance of fire promotes human development, symbolizing the fact that fire is a unique gift of God, which exists in the past, present and future; secondly, fire represents destruction like the fire in Hell, it can block the relationship between man and God; finally, fire is also a symbol of light and warmth, which means that mankind can find light and redemption, and not be in darkness. The poet hides his own religious thoughts behind concrete objects, and presenting and expanding the meaning of images, he manages to create their new and fresh perception. The image of fire here means light, heat, destruction and growth at the same time. Therefore, imagery with multiple meanings has become the best way for poets to express their inner world, and symbolism has become an important means to express the world of existence artistically [7, p. 36].

Through specific research and analysis of the texts by S. T. Coleridge and T. S. Eliot, it can be seen that before the 18th century, allegories (myths) and symbols (metaphors) were regarded as synonymous. However, thanks to Coleridge's works, the differentiation between allegory and symbol led to their more profound understanding and poetic use. Coleridge emphasized that an abstract idea is united with the image's outer form mechanically, without the organic unity of the external shape and inner essence. While allegory is the product of Understanding (mechanical action of the creator), symbol is the result of "esemplastic" power of Imagination.

In the process of using symbols/signs, Eliot emphasized the integration of symbol, language signs, external experience, and ideas into a unified and harmonious whole. Through the technique of symbol (metaphor), he projected his own thoughts and experiences onto the exterior world. The process of dissolution and reconstruction of the image is closely connected with Eliot's theory of the "objective correlative" and de-personalization. Coleridge's symbols/allegories (myths) and Eliot's symbols/signs (metaphors) are ways of image self-realization, which reflects their individual life experience, religious and philosophic views. In the compassion of the world, they are united in the process of creating symbolic images in their essences and functions.

REFERENCES

1. *Lowe, P.* Life as a “Ruined Man”: S. T. Coleridge and T. S. Eliot Matital Crisis / P. Lowe // English Studies. – 2007. – № 3, vol. 88. – P. 298–319.
2. *Davidson, G.* Coleridge’s Primary and Religious Imagination : A Prescript / G. Davidson // The Coleridge Bulletin. – 2018. – № 51. – P. 105–116
3. *Coleridge, S. T.* The Poems / S. T. Coleridge. – London : Bell and Daldy, York Street, Covent Garden, 1871. – 178 p.
4. *Eliot, T. S.* Tradition and the Individual Talent [Electronic resource] / T. S. Eliot. – Mode of access : https://www.poetryfoundation.org/articles/69400/tradition-and-the-individual-talent. – Date of access: 14.12.2021.
5. *Eliot, T. S.* Selected Poems / T. S. Eliot. – N. Y. : Harcourt, Brace & World, 1964. – 154 p.
6. *Eliot, T. S.* Four Quartets [Electronic resource] / T. S. Eliot. – Mode of access : http://www.davidgorman.com/4quartets/3-salvages.htm. – Date of access: 10.12.2021.
7. 陈庆勋，《艾略特诗歌隐喻研究》，上海师范大学，2006年4月。*Chen Qingxun.* T. S. Eliot: Towards A Metaphorical Poetics / Chen Qingxun. – Shanghai : Shanghai Normal Univ/, 2006. – 188 p.

Поступила в редакцию 14.04.2022

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 2 (117), 2022

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская*, *О. С. Забродская*, *Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 28.04.2022. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 6,96. Уч.-изд. л. 7,43. Тираж 100 экз. Заказ 18.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172